

Д. В. БУБРИХ

*к 100-летию
со дня
рождения*

Сборник
статей

Д. Бубрих в Мордовии (с. Кегушево, 1927 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Керт Г. М.</i> (Петрозаводск) Д. В. Бубрих — основатель отечественного финно-угроведения	5
<i>Дубровина Э. М.</i> (С.-Петербург) Дмитрий Владимирович Бубрих как исследователь прибалтийско-финских языков	17
<i>Цыганкин Д. В.</i> (Саранск) Д. В. Бубрих и мордовское языкознание	25
<i>Тараканов И. В.</i> (Ижевск) Д. В. Бубрих как исследователь пермских языков	35
<i>Терещенко Н. М.</i> (С.-Петербург) Дмитрий Владимирович Бубрих о связях между самодийскими и финно-угорскими языками	47
<i>Зайков П. М.</i> (Петрозаводск) Д. В. Бубрих и Диалектологический атлас карельского языка	54
<i>Мамонтова Н. Н.</i> (Петрозаводск) О топонимических воззрениях Д. В. Бубриха	62
<i>Колесов В. В.</i> (С.-Петербург) Дмитрий Владимирович Бубрих — славист	69
<i>Шаскольский И. П.</i> (С.-Петербург) Д. В. Бубрих и его теория происхождения карельского народа	78
<i>Герд А. С.</i> (С.-Петербург) История прибалтийско-финских народов в трудах Д. В. Бубриха в свете проблем теории этногенеза	82
<i>Чистов К. В.</i> (С.-Петербург) Воспоминания о моем первом директоре	89
<i>Галкин И. С.</i> (Йошкар-Ола) Мои встречи с профессором Д. В. Бубрихом	98
<i>Хямяляйнен М. М.</i> (Петрозаводск) Д. В. Бубрих и Карелия	101
<i>Беляков А. А.</i> (Петрозаводск) Участие Дмитрия Владимировича Бубриха в карелизации	106
<i>Суханов В. С.</i> (Петрозаводск) О моем учителе	116
<i>Кривошекова-Гантман А. С.</i> (Пермь) Дмитрий Владимирович Бубрих (воспоминания)	121
Печатные работы Д. В. Бубриха	122

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт языка, литературы и истории

Д. В. БУБРИХ

*к 100-летию
со дня
рождения*

Сборник
статей

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1992

Редакционная коллегия

*З. М. Дубровина, Н. Г. Зайцева (ответственный секретарь),
Г. М. Керт (ответственный редактор), Ю. А. Саватеев*

Рецензенты

З. К. Тарланов, В. П. Федотова

Д. В. БУБРИХ

К 100-летию со дня рождения

Сборник статей

*Утверждено к печати
Институтом языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской Академии наук*

Редактор издательства **Е. А. Ушакова**
Художник **Л. А. Яценко**
Технический редактор **Г. М. Желиховская**
Корректор **Л. З. Маркова**

ИБ № 45081

Компьютерный набор и изготовление оригинал-макета
ГП «Слово»
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.
Тел. (812) 213-35-59

Сдано в набор 04.11.91. Подписано к печати 26.05.92.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8. Усл. кр.-от. 8.18. Уч.-изд. л. 9.09.
Тираж 300. Тип. зак. № 1649. Цена С 150.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
С.-Петербургское отделение.
199034, Санкт-Петербург, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.

Б 460200000-557 506-92 (II)
042(02)

ISBN 5-02-028133-6

© Коллектив авторов, 1992 г.

© Издательство «Наука», 1992 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник посвящен 100-летию со дня рождения выдающегося советского ученого, основателя комплексной научной дисциплины — советское финно-угроведение, члена корреспондента АН СССР профессора Д. В. Бубриха (1890—1949 гг.).

Им написаны основополагающие труды по общим проблемам финно-угроведения, финскому, карельскому, мордовскому, коми, удмуртскому и другим языкам. Работы Д. В. Бубриха как слависта также имеют непреходящее значение.

Ученый работал в тяжелые годы культа личности, однако бесстрашно отстаивал свои научные взгляды.

В годы культурной революции Д. В. Бубрих много сил отдавал разработке алфавитов и введению письменности для бесписьменных финно-угорских народов. Под его руководством были подготовлены кадры научных работников и преподавателей для автономных финно-угорских республик.

Сборник состоит из двух разделов: в первом раскрывается значение трудов Д. В. Бубриха по проблемам финно-угроведения и славистики, во второй включены воспоминания его учеников и современников.

В статьях докторов филологических наук З. М. Дубровиной, Г. М. Керта, И. В. Тараканова, Н. М. Терещенко, Д. В. Цыганкина, кандидатов филологических наук П. М. Зайкова, Н. Н. Мамонтовой исследуются идеи Д. В. Бубриха по проблемам общего финно-угроведения и конкретных финно-угорских языков, в статьях доктора филологических наук А. С. Герда и доктора исторических наук И. П. Шаскольского значение работ Д. В. Бубриха как исследователя этногенеза финно-угорских народов. Доктор филологических наук В. В. Колесов анализирует идеи Д. В. Бубриха как слависта.

В воспоминаниях члена-корреспондента АН СССР К. В. Чистова, доктора филологических наук И. С. Галкина, кандидатов филологических наук А. А. Белякова, А. С. Кривошековой-Гантман, В. С. Сухановой, научного сотрудника М. М. Хмяляйнена раскрывается облик Д. В. Бубриха как ученого и человека.

Как может заметить читатель, в сборнике встречаются повторы, но они неизбежны, т. к. авторы характеризуют взгляды Д. В. Бубриха в некоторых случаях «субъективно».

Библиографическую унификацию проделала Т. М. Деревянская.

Сборник предназначен для ученых финно-угроведов, славистов, историков, фольклористов, для всех, интересующихся вопросами гуманитарной науки.

Д. В. БУБРИХ — ОСНОВАТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ

Финно-угроведение в Советском Союзе как комплексная дисциплина, изучающая языки, фольклор, историю, этнографию, антропологию, археологию финно-угорских народов, было рождено потребностью времени. Следует отметить, что дореволюционная русская наука оставила незначительное наследие в области изучения языков, истории, этнографии, фольклора — всей культуры финно-угорских народов. Более того, экономический и культурный уровень большинства финно-угорских народов был значительно ниже среднего уровня народов дореволюционной России.

Ставя задачу экономического и культурного подъема страны, государство исходило из того, что наилучшим образом это может быть выполнено приобщением к делу самих трудящихся малых народностей. Для этого нужно было иметь кадры местной интеллигенции, знающей быт и психологию своего народа, имеющей достаточный опыт и знания. Важным фактором сохранения национальной культуры было введение письменности на родном языке. Надо сказать, что из восемнадцати языков финно-угорской семьи только три (финский, венгерский и эстонский) имели письменность до Октябрьской революции.

Создание письменности для малых народностей было сопряжено со многими трудностями. Страна испытывала материальные затруднения. Не хватало кадров интеллигенции. Многие языки были слабо изучены, иные не изучены совершенно. Если в области индоевропейского, тюркского и кавказского языкознания имелись не только крупные ученые, но и целые научные школы со сложившимися традициями, то в финно-угорском языкознании этого не было.

В статье «Тридцать лет советского финно-угорского языкознания» Д. В. Бубрих писал: «Можно сказать, что к началу XX в. финно-угорского языкознания в России не стало... Совершенно по-новому повернулось дело после Великой Октябрьской социалистической революции. Национальная политика ВКП(б) и Советской власти представила всем народам Советского Союза все возможности политического и культурного роста, в частности все возможности создания письменности и своих литературных языков. Работа по созданию своей письменности и своих литературных языков началась и в среде многочисленных финно-угорских народов

СССР. Стали расти эрзя-мордовский, мокша-мордовский, лугово-марийский, горно-марийский, удмуртский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, позднее также мансийский и хантыйский литературные языки. В среде карел был принят финский литературный язык. Практическая работа, естественно, требовала и теоретической работы. Возрождение финно-угорского языкознания у нас было исторически неизбежно. Оно и возродилось, но уже в преображенном виде, как новая советская лингвистическая дисциплина».¹

Свою научную деятельность в области филологии Д. В. Бубрих начал как славист. В 1914 г. появляется в печати его первая работа «Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. у. Владимирской губ.)», написанная по материалам, собранным в экспедиции. В 1920 г. он заканчивает диссертацию на тему «Северно-кашубская система ударения. (С приложениями). I. Праславянская акцентологическая система. II. Праиндоевропейская система интонации слога». Диссертация была напечатана в 1924 г. и получила, в частности, высокую оценку французского индоевропеиста А. Мейе.

К середине 20-х годов Д. В. Бубрих постепенно начинает обращаться к исследованию финно-угорских языков. Этот переход он совершил под влиянием своего учителя акад. А. А. Шахматова, который занимался также и финно-угорскими языками. Д. В. Бубрих писал: «О себе пишущий эти строки может сказать, что является учеником А. А. Шахматова и как финно-угровед. Первым большим финно-угроведческим трудом, который изучил пишущий эти строки, был „Мордовский этнографический сборник“, первым финно-угорским языком, к интенсивному изучению которого он обращался, был эрзя-мордовский язык».²

Однако главной побудительной причиной, способствовавшей переходу Д. В. Бубриха к исследованию финно-угорских языков, было искреннее стремление помочь молодому Советскому государству в осуществлении культурной революции, и в частности, в создании письменности для бесписьменных до Октябрьской революции финно-угорских народов.

Начиная с 1927 г. Д. В. Бубрих организует большие лингвистические экспедиции к финно-угорским народам. Целью этих экспедиций было не только накопление и систематизация материалов для создания письменных литературных языков, но и организация работы на местах по изучению языков и формирование научных кадров местной интеллигенции. В июне 1927 г. экспедиция в составе Д. В. Бубриха (руководитель) и начинающих ученых-филологов мордвинин выехала в мордовские села с целью сбора диалектных материалов по мордовскому языку. В 1928 г. состоялась вторая лингвистическая экспедиция в Мордвинию. Бубрих возглавляет первую диалектологическую экспедицию в Удмуртию. В 1930 г. он организует первую диалектологическую экспедицию в Карелию.

30-е годы для Д. В. Бубриха были годами организации лингвистической работы на местах интенсивного сбора диалектологического материала как по восточным, так и по западным финно-

угорским языкам. Наряду с этим он много сил и времени отдавал созданию письменности бесписьменных финно-угорских народов. В той или иной степени он участвовал в создании письменности для карел, вепсов, ижоры, мордвы, удмуртов, марийцев, ханты и манси.

В эти же годы начинают складываться организационные формы взаимодействия различных учреждений, занимающихся исследованием финно-угорских языков.

В 1925 г. при Ленинградском университете учреждается кафедра финно-угорской филологии. Д. В. Бубриху было предложено возглавить ее. С тех пор до конца жизни (1949 г.), исключая годы войны и эвакуации, он был неизменным руководителем этой кафедры.

В 1934 г. по предложению директора Института языка и мышления (ИЯМ) АН СССР Н. Я. Марра Д. И. Бубрих занимает место руководителя финно-угорской группы (впоследствии — сектора) института. В должности заведующего финно-угорским сектором Дмитрий Владимирович работал (с перерывом в военные годы) до конца своей жизни.

Возглавляемый Д. В. Бубрихом сектор ИЯМ становится центром исследований по финно-угорским языкам Советского Союза. Из всех финно-угорских республик в Ленинград приезжают ученые на консультации. Финно-угорская группа регулярно организует обсуждение работ, дает отзывы и рецензии на подготовленные и вышедшие работы.

В орбиту научных интересов Д. В. Бубриха все больше вовлекаются типологически и генетически сходные факты по различным финно-угорским языкам. Работа по финно-угорскому языкознанию вступает в новый этап более углубленных сравнительно-исторических исследований. Это особенно хорошо видно в работе Д. В. Бубриха над диалектологическими атласами финно-угорских языков. По его замыслу и при его непосредственном практическом участии готовились атласы по карельскому, мордовскому и удмуртскому языкам. Составление программы для них требует большой предварительной работы в области фонетики, морфологии и лексики исследуемого языка. Так, по карельскому языку им была составлена «Программа», насчитывающая до 2 тыс. вопросов. Не меньших усилий требовал сбор диалектного материала по составленным программам.

Идея родства финно-угорских языков приобрела осязаемые формы. Традиционное финно-угорское языкознание, созданное трудами А. М. Шёгрена, М. А. Кастрена, Ф. И. Видемана, Э. Н. Сетяля, И. Буденца, О. Доннера и других, которое основывалось на материальных сходствах в лексике и морфологии финно-угорских языков, получило новый свежий материал, собранный в диалектологических экспедициях.

К началу 40-х годов у Д. В. Бубриха окончательно созрела мысль о подготовке сводного труда по сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков. Используя достижения традиционного финно-угорского языкознания, а также новые ма-

териалы, почерпнутые в диалектологических экспедициях, Дмитрий Владимирович все больше обращается к проблемам, охватывающим все или основные финно-угорские языки, создавая тем самым хороший задел для сравнительно-исторической грамматики финно-угорских языков. К работам такого рода можно отнести: «К вопросу об уменьшительной суффиксации в финно-угорских языках» (1929), «К вопросу о путях возникновения порядковых числительных» (1935), «У истоков склонения» (1936), «Части речи в финно-угорских языках» (1936), «Послелого в финно-угорских языках» (1944), «К вопросу о сложении системы языков» (1946), «Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках» (1948) и др.

В послевоенные годы Д. В. Бубрих завершил фундаментальный труд «Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков». В последние годы жизни курс «Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков» он читал в Ленинградском государственном университете. Исследуя историю звуков финно-угорских языков, Д. В. Бубрих приводил соответствия по всем основным группировкам финно-угорских языков (финский, карельский, саамский, коми, удмуртский, мордовский, марийский, хантыйский, венгерский). При разборе личного архива ученого нами была обнаружена первая часть его работы «Сравнительно-историческая фонетика финно-угорских языков» объемом в 371 страницу машинописи.

В процессе исследования финно-угорских языков постепенно в советском финно-угорском языкознании, как, впрочем, и в диалектологии, крепла та непреложная истина, что язык, в особенности его сельские диалекты, невозможно изучать в отрыве от условий его существования, — истории, культуры народа. В изучении языка все больше дает знать себя комплексный подход. Сама диалектология как наука, изучающая местные народные диалекты, толкала исследователей к изучению этнографии, фольклора, истории народа в связи с изучением народных говоров. Этому способствовал в значительной степени такой фактор, как организация комплексных научно-исследовательских институтов в республиках с финно-угорским населением. В 30-х годах были организованы комплексные научно-исследовательские институты в Карельской, Мордовской, Удмуртской, Марийской автономных республиках.

В послевоенные годы советское финно-угроведение — комплексная дисциплина, изучающая языки, историю, этнографию, фольклор, археологию финно-угорских народов, сформировалось как самостоятельная отрасль знания. Вот как определил Д. В. Бубрих «существо советского финно-угроведения»: «Это лингвистическая научная дисциплина, не отрывающаяся по линии каждого из народов, говорящих на финно-угорских языках, в отдельности от вопросов, интересующих и историков (собственно-историков, археологов, этнографов и т. д. вплоть до антропологов, поскольку они занимаются этногенетическими проблемами), и тем самым разбивающая свою лингвистическую скорлупу».³ Комплексный метод в финно-угорском языкознании был наглядно продемонстрирован на первой научной

конференции по вопросам финно-угорской филологии в 1947 г., организатором и руководителем которой был Д. В. Бубрих. Наряду с известными исследователями финно-угорских языков П. Аристе, А. И. Поповым, В. И. Лыткиным, А. Каском, П. К. Перевощиковым, М. Н. Коляденковым, Н. М. Терещенко, А. С. Сидоровым, В. И. Баландиным и другими в работе конференции принимали участие историки А. Я. Брюсов, В. В. Мавродин, этнографы Д. К. Зеленин, Н. Н. Волков, Н. Ф. Прыткова, фольклористы В. Я. Евсеев, А. И. Маскаев, археолог А. М. Линеvский.

Д. В. Бубрих по-новому осветил историю сложения финно-угорских языков. Традиционное финно-угорское языкознание все общности прямолинейно возводило к праязыку. Бубрих в 1946 г. выдвинул идею контактного развития финно-угорских языков, в результате которого складывались материальные (в лексике и морфологии) и типологические сходства в финно-угорских языках. В самом деле, теория праязыка не могла объяснить факт генетического родства финно-угорских (и других) народов. Ведь не свалился же с неба праязык как ниспослание свыше. Теория контактного развития Д. В. Бубриха наполняет конкретным историческим содержанием процессы сложения языковой семьи.

Как известно, признаки этноса (язык, тип материального производства, антропологический тип) начали формироваться в период родо-племенной организации общества. Впоследствии с распадом первобытнообщинного строя возникли новые общественные образования — группы или семьи племен, по терминологии С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова «соплеменность». Соплеменность как общественный институт занимала промежуточное положение и была переходной формой от племени к народности.⁴ К периоду разложения первобытного общества, как полагает большинство советских и зарубежных ученых, началось складывание языковых семей, которое сопровождалось характерными для этого времени массовыми миграциями, процессами перемещения и смешения населения.⁵

Д. В. Бубрих в соответствии с концепцией Ф. Энгельса⁶ и Л. Моргана складывание языковых общностей объяснял особенностями развития взаимоотношений рода и племени. Род и племя связаны между собой брачными отношениями. Основной признак рода — это экзогамия. Признаки племени исходят из признаков рода: роды в племени связаны экзогамно — брачными отношениями, племя — эндогамно. Ф. Энгельс, по Л. Моргану, приводит следующие признаки рода: 1. Род выбирает своего «сахема» («старейшину» для мирного времени) и вождя (военного вождя). 2. Род по своему усмотрению смещает сахема и военного вождя. 3. Никто из членов рода не может брать жену внутри рода. 4. Имущество умерших переходило к остальным сородичам, оно должно было оставаться в роде. 5. Сородичи обязаны были оказывать друг другу помощь. 6. Род имеет определенные имена или серии имен, пользоваться которыми во всем племени может только он один, так что имя отдельного члена рода также указывает, к какому роду

он принадлежит. С родовым именем неразрывно связаны и родовые права. 7. Род может усыновлять посторонних и таким путем принимать их в члены своего племени. 8. Наличие особых религиозных празднеств. 9. Род имеет общее место погребения. 10. Род имеет совет — демократическое собрание всех взрослых членов рода, мужчин и женщин, располагающих равным правом голоса.⁷

Какие же признаки характерны для племени? 1. Собственная территория и собственное имя. 2. Особый, лишь этому племени свойственный диалект. 3. Право вводить в должность избранных родами сахемов и военных вождей. 4. Право смещать их, даже против желания рода. 5. Общие религиозные представления (мифология) и обряды культа. 6. Совет племени для обсуждения общих дел. 7. У некоторых племен во главе стоит верховный глава, полномочия которого невелики.⁸

Между родственными племенами заключались союзы. Как указывает Ф. Энгельс, «Общий язык, имевший только различия в диалектах, был выражением и доказательством общего происхождения».⁹ Таким образом, родство языков на первых порах становления языковых семей обеспечивалось не только хозяйственной деятельностью, но и кровным родством, связанным с экзогамными отношениями между родом и племенем.

Д. В. Бубрих, излагая концепцию финно-угорской семьи языков, подчеркивал ее своеобразие. Особенности ее заключались в том, что суверенность родов, участвовавших в сложении финно-угорской общности, была значительно выше по сравнению с приведенными Ф. Энгельсом классическими случаями. Доказательством, по мнению Д. В. Бубриха, является то, что «в финно-угорских языках обнаруживается полный „набор“ старых терминов родовой жизни, включая термины родства, и в то же время нет ни одного старого термина организованной племенной жизни».¹⁰ Суверенность родов и более ослабленное проявление племенных признаков способствовали более свободному установлению контактов не только внутри племени, но и вне его, что создавало предпосылки для распространения языковых общностей. Да и структура языков была более пластичной, способствующей скорейшему налаживанию контактов между представителями различных родов.

Заслуга Д. В. Бубриха состоит в том, что он не только создал советское финно-угроведение как самостоятельную комплексную дисциплину, имеющую свой объект и метод исследования, но и отстоял его в трудные годы. Вопрос о том, быть или не быть советскому финно-угроведению, не являлся чисто академическим. От его правильного решения зависело, как пойдет на местах работа по изучению языков, истории и культуры финно-угорских республик. Если представителями официальных кругов советского языкознания, исповедовавшими идеи так называемого «нового учения о языке», отрицалась идея языкового родства, то каким образом строить основы финно-угорского языкознания?

Послевоенный период был одним из самых плодотворных и в то же время сложных в научно-исследовательской деятельности

Д. В. Бубриха. Громадный фактический материал по всем без исключения финно-угорским языкам наталкивал Дмитрия Владимировича на все более глубокие древние пласты финно-угорской речи. Однако интенсивная и плодотворная деятельность ученого сдерживалась и тормозилась обстановкой, которая царила в то время в советской науке. Культ личности Сталина создавал противоестественные отношения между людьми. Исходящие установки требовали искать и разоблачать политических и идеологических противников во всех сферах общественной жизни. Для людей с пониженными моральными принципами создавалась благоприятная обстановка упредить свое общественное и служебное положение слепым подчинением официальным «установкам» и неукоснительным, а то и рьяным их исполнением. Честным и принципиальным ученым все тяжелее было отстаивать свои научные взгляды. Филологические науки (как, впрочем, и другие общественные науки) до крайней степени были политизированы и идеологизированы. В языкознании таким ортодоксальным направлением стало «новое учение о языке». В условиях официальной поддержки этой «марксистской доктрины» сторонники нового учения о языке проводили активную политическую и идеологическую борьбу с инакомыслящими. Они объявили сравнительно-исторический метод ненаучным, идеалистическим, а представителей этого метода подвергали общественному шельмованию и административному гонению. Особенно эти нападки усилились после августовской сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) по биологии, когда «отлучению» от марксизма были подвергнуты многие крупные советские биологи. Как и в биологии, в языкознании был искусственно создан водораздел материалистического и идеалистического направлений. В конце 1948 г. в «Известиях АН СССР. Отделение литературы и языка» появилась статья Ф. П. Филина «О двух направлениях в языкознании».¹¹ Характеризуя эти направления, автор пишет: «Одно направление — материалистическое языкознание, так называемое новое учение о языке, созданное после Великой Октябрьской социалистической революции акад. Н. Я. Марром и развиваемое в наши дни его учениками и последователями, прежде всего акад Н. И. Мещаниновым. Другое направление — идеалистическое языковедение, так называемая индоевропеистика, родоначальником которой является немецкий лингвист Ф. Бопп».¹² В число идеалистов автором были причислены многие советские языковеды — ученики выдающихся русских лингвистов Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова. О книге Д. В. Бубриха «Историческая фонетика финского-суоми языка» сказано, что в ней «„праязыковая“ концепция представлена в полном и неприкрытом своем виде».¹³ Этой статьей, по существу, был дан сигнал к травле Д. В. Бубриха, а в мае 1949 г. была предпринята попытка «отлучения» его от марксизма. На расширенном заседании сектора общего языкознания Института языка и мышления доцент В. И. Алатырев выступил с докладом, носящим претенциозное название «Идеализм и формализм в финно-угор-

ском языкознании». Однако эти выпады Алатырева получили отпор со стороны большинства честных ученых, и «отлучение» не состоялось. Слишком велика была роль Д. В. Бубриха в советском финно-угроведении, его популярность как талантливого, высоко эрудированного ученого среди абсолютного большинства советских ученых финно-угроведов. (Подробно об этом см. в нашей статье «Величие и трагедия таланта (к 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха)»¹⁴).

Всю жизнь Д. В. Бубрих много и интенсивно работал, подавая этим пример молодежи. Никакие уговоры друзей об отдыхе не имели успеха. Напряженная трудовая деятельность истощала его силы. 30 ноября 1949 г. во время лекции по марийскому языку для марийского потока финно-угроведов Дмитрий Владимирович почувствовал себя плохо и через 20 минут скончался в деканате Восточного факультета Ленинградского государственного университета. Трагическому исходу способствовала и та обстановка, которая царила в советском языкознании. Д. В. Бубрих ушел в расцвете своей творческой деятельности, не дожив полгода до дискуссии по вопросам языкознания (июнь 1950 г.), в ходе которой сравнительно-исторический метод в советском языкознании получил официальное признание.

Таким образом, в своих исследованиях Д. В. Бубрих использовал материалы почти всех финно-угорских языков; в своей «Сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков» свел воедино факты всех этих языков, показал пути развития их с древнейших времен. Он по новому осветил древние пути сложения финно-угорской семьи языков. В своих лингвистических работах он органически привлекал данные других дисциплин — истории, археологии, этнографии, фольклора и, по существу, в новом качестве воссоздал научную дисциплину — советское финно-угроведение. Не менее значительны его заслуги в практических мероприятиях по введению письменности для бесписьменных финно-угорских языков — карельского, вепсского, ижорского, водского, саамского, мордовского. Его ученики и ученики его учеников работают почти во всех финно-угорских республиках.

Как уже отмечалось, плодотворная деятельность Д. В. Бубриха сковывалась той моральной атмосферой, которая царила в советской науке. В своих работах он вынужден был прокламировать приверженность к марризму. Внимательный читатель, конечно, мог легко заметить, что Дмитрий Владимирович всегда деликатно «отмежевывался» от крайностей так называемого «нового учения о языке», ссылаясь на то, что финно-угорское языкознание оперирует доступными науке материалами родственных языков и не имеет возможности проникать в древние пласты палеолитической речи. В своих последних работах Д. В. Бубрих вынужден был зачастую отказываться от цитирования источников, от ссылки на работы, особенно зарубежных ученых. Такие «вольности» могли ему дорого обойтись. Еще в 1938 г. ему пришлось на себе испытать пресс карательной системы культа личности. Достаточно сравнить

справочный аппарат в работах «Финно-угорское языкознание в СССР» (Л., 1928) и «Советское финно-угорское языкознание» (Л., 1948). Д. В. Бубрих не имел возможности по достоинству оценивать достижения зарубежного финно-угорского языкознания, однако ему были известны все работы иностранных ученых. Декларативно отказываясь от праязыковых схем, Бубрих во всех своих работах проводил широкие и глубокие лексические, фонетические и грамматические сравнения родственных финно-угорских языков. Заслуга его состоит в том, что он в тяжкой борьбе с новым учением о языке не только отстаивал принципы сравнительно-исторической науки в финно-угорском языкознании, но и последовательно проводил их в жизнь.

Дмитрий Владимирович оставил свыше 120 печатных работ и значительное рукописное наследие.¹⁵ Некоторые его работы по тем или иным причинам были при жизни не опубликованы. Так, помимо «Сравнительно-исторической грамматики финно-угорских языков» в его архиве нами были обнаружены рукописи работ «Финно-угорская система языков в свете стадияльного развития» (107 с. машинописи), «Происхождение мышления и речи: (Посвящ. родному героическому Ленинграду)» (82 с. машинописи), «К вопросу об отношениях русского и финно-угорских языков» (55 с. машинописи), «Полабская звуковая система» (265 с. машинописи), «Славянская акцентологическая система» (7 блокнотов рукописи) и многие другие.

Из архивных материалов известно, что остались ненапечатанными и другие крупные работы. Так, в рукописи списка своих работ за 1946 г. Д. В. Бубрих пишет: «Значительное количество рукописных работ, в том числе большая „Грамматика финского языка“, большая „Грамматика карельского языка на карельском языке“ („Karielan kieli“), книга „Мордовский глагол“ погибла в Ленинграде во время войны».¹⁶ В отчете Д. В. Бубриха за вторую половину 1935 г. говорится о том, что подготовлена и сдана в печать рукопись «К вопросу о взаимоотношениях финно-угорских языков» объемом в 250 машинописных страниц.¹⁷ Рукопись могла быть не напечатана в связи с необоснованной репрессией ее автора в 1938 г.

Следует отметить, что изданные в последние годы его работы по известным причинам вышли с сокращениями. Так, с большими сокращениями вышла в свет монография Д. В. Бубриха «Историческая морфология финского языка».¹⁸ Из этой книги, помимо купюр в тексте, были изъяты 28 параграфов. Несколько отличается рукопись «Свистящие и шипящие в карельских диалектах: (к вопросу о заселении Карелии карелами)»¹⁹ от напечатанной на эту тему статьи в Ученых записках ЛГУ (№ 105. Сер. востоковед. наук. Вып 2).

Назрела острая необходимость издания и переиздания работ Д. В. Бубриха. Нам представляется целесообразным издание избранных произведений ученого в 4 томах. Безусловно, его работы должны быть оснащены соответствующими комментариями и спра-

вочным аппаратом. В том I «Финно-угорское языкознание» вошли бы «Сравнительная грамматика финно-угорских языков» (в рукописи), «Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР» (1948), «Финно-угорское языкознание в СССР» (1928), «Советское финно-угорское языкознание» (1948) и «О советском финно-угроведении» (1949). Во II том «Прибалтийско-финское языкознание» были бы включены «Историческая фонетика финско-суоми языка» (1948), «Историческая морфология финского языка» (1955), «О древней прибалтийско-финской речи» (1949), «Происхождение карельского народа» (1947), «Русское государство и формирование карельского народа» (1971), «Диалектологический атлас карельского языка» (в рукописи). Том III «Мордовское языкознание» состоял бы из работ «Историческая грамматика эрзянского языка» (1953), «Эрзя-мордовская грамматика минимум» (1947), «Имена действия в мордовских языках» (1948). В IV том «Пермское языкознание» вошли бы работы «Грамматика литературного коми языка» (1949), «Историческая фонетика удмуртского языка: (Сравнит. с коми языком)» (1948), «Краткая грамматика коми слова» (1948), «Коми-русский словарь» (1948). Издание этих работ необходимо не только потому, что многие из них изданы с купюрами (или не изданы), но и по причине их библиографической редкости. Книги наглядно проиллюстрировали бы всю глубину исследовательской мысли ученого и дали бы мощный толчок дальнейшему развитию финно-угроведения.

Д. В. Бубрих был тесно связан с научной жизнью Ленинграда и всех республик, работающих над исследованием финно-угорских языков. Поэтому чрезвычайно важно выявление всего рукописного наследства, разбросанного по различным архивам страны. Обнаружив по возможности весь рукописный фонд, необходимо издать сводный перечень рукописных работ с соответствующими аннотациями.

Особенно важно отыскание фундаментальных работ Д. В. Бубриха по вопросам общего финно-угроведения. Эти работы могут находиться также в архивах различных редакций и издательств. Возможно, что отдельные рукописи его статей могут храниться и у частных лиц. Все это явилось бы ценным вкладом в освещение научно-организационной деятельности видного ученого.

Прошло сорок лет со времени кончины Д. В. Бубриха. За это время успехи советского финно-угроведения стали несомненными. Во всех финно-угорских республиках успешно функционируют созданные еще в 30-е годы институты по изучению языков, истории, культуры финно-угорских народов. Возникли новые центры по исследованию уральских языков и культур в Томске, Новосибирске и других городах. Плодотворно работают в финно-угорских республиках наряду с научно-исследовательскими институтами университеты и педагогические институты. По существу, в Советском Союзе не осталось ни одного языка уральск

семьи языков, который не являлся бы объектом исследования советских ученых.

В 1965 г. при Академии наук ЭССР был учрежден специальный журнал «Советское финно-угроведение» (с 1990 г. — «Лингвистика уралика»). Журнал послужил хорошей основой для объединения сил советских финно-угроведов. Многие молодые ученые получили возможность апробации своих работ на страницах этого журнала.

В 1973 г. постановлением Президиума Академии наук СССР был создан Советский комитет финно-угроведов. В его задачу входило осуществление координации научно-исследовательских работ в области финно-угроведения в союзных и автономных республиках, налаживание научных и организационных связей с национальными комитетами финно-угроведов зарубежных стран, подготовка к участию советских ученых в международных конгрессах и симпозиумах финно-угроведов, издание материалов международных конгрессов и симпозиумов финно-угроведов, проводимых в СССР. Создание Комитета, естественно, активизировало работу советских финно-угроведов, укрепило координацию различных центров финно-угроведения в Советском Союзе.

Хорошей традицией в советском финно-угроведении, заложенной еще Д. В. Бубрихом, был регулярный созыв всесоюзных конференций. С конца 50-х годов такие конференции созывались через каждые два года (впоследствии через пять лет). На таких конференциях подводились итоги предшествующей работы, излагались новейшие идеи в советском финно-угроведении. Конференции были хорошей школой для молодых ученых и, конечно, координирующим началом для всего советского финно-угроведения. Начиная с 1960 г. советские финно-угроведы принимают участие в международных конгрессах финно-угроведов, которые проводятся в странах с финно-угорским населением с периодичностью в пять лет. На всех конгрессах советская делегация была одной из самых многочисленных. 60-е, 70-е годы были временем наивысшей активности советского финно-угроведения.

Все это создавало условия и способствовало развитию советского финно-угроведения. Появилось немало добротных исследований по отдельным проблемам и языкам. Выросли кадры талантливых ученых во всех республиках и финно-угорских центрах. Советское финно-угроведение гармонически развивается как целостная наука, имеющая свой объект исследования.

И все же новое время ставит новые задачи. Несмотря на масштабность решаемых задач, характерной особенностью финно-угроведения последних лет является атомарность исследований. Правда, в 70-х годах появилось трехтомное обобщающее издание «Основы финно-угорского языкознания». Но это исключение как раз подчеркивало неизбежность основного правила. В настоящее время созрели все необходимые условия для постановки общих задач. Для решения проблем по сравнительно-историческому языкознанию имеется все необходимое. Собраны материалы (при их отсутствии такие материалы можно собирать), имеются

квалифицированные кадры работников. Имеющиеся ЭВМ позволяют обрабатывать любое обозримое количество материалов. Работа над темой «Лингвистический атлас Европы» не только оживила диалектологическую работу по сбору полевого материала среди наших финно-угроведов, но и показала принципиальную возможность таких обобщающих исследований. Сейчас карельские ученые совместно с эстонскими и финскими коллегами работают над «Диалектологическим атласом прибалтийско-финских языков». В эту работу необходимо вовлечь и другие регионы распространения финно-угорских языков. Особенно плодотворной, на наш взгляд, могла бы быть работа по исследованию топонимии огромных регионов нашей страны. Применение ЭВМ, а мы считаем принципиально возможным формализацию топонимического материала,²⁰ подняло бы эти исследования на качественно новый уровень.

Настало время действительной реализации идей Д. В. Бубриха в финно-угроведении.

Литература

- ¹ Бубрих Д. В. 30 лет советского финно-угорского языкознания // Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет советской власти. Петрозаводск, 1948. С. 136—137.
- ² Бубрих Д. В. А. А. Шахматов как финно-угровед // А. А. Шахматов: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1947. С. 445—446.
- ³ Бубрих Д. В. О советском финно-угроведении // СЭ. 1949. № 2. С. 189.
- ⁴ Перишц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982. С. 203.
- ⁵ Там же. С. 205.
- ⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: В 2-х т. М., 1948. Т. 2. С. 160—310.
- ⁷ Там же. С. 229—232.
- ⁸ Там же. С. 234—236.
- ⁹ Там же. С. 237.
- ¹⁰ Бубрих Д. В. О советском финно-угроведении. С. 196.
- ¹¹ Филли Ф. П. О двух направлениях в языковедении // ИАН ОЛЯ. 1948. Т. 7. Вып. 6.
- ¹² Там же. С. 486.
- ¹³ Там же. С. 494.
- ¹⁴ Керт Г. М. Величие и трагедия таланта. (К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха). // Север. 1990. № 7. С. 143—153.
- ¹⁵ Керт Г. М. Д. В. Бубрих. Очерк жизни и деятельности. Л., 1975. С. 53—60; О рукописном наследии Д. В. Бубриха // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1964. С. 220—222.
- ¹⁶ Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 44.
- ¹⁷ Там же, ед. хр. 21.
- ¹⁸ Бубрих Д. В. Историческая морфология финского-суоми языка. Л., 1955.
- ¹⁹ Архив... ф. 1, оп. 38, ед. хр. 256.
- ²⁰ Керт Г. М., Лебедев В. А. Возможности применения ЭВМ при исследовании топонимии Севера Европейской части СССР. Петрозаводск, 1988.

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БУБРИХ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Окончив в 1913 г. Петербургский университет по славяно-русскому отделению, Д. В. Бубрих не сразу обращается к изучению финно-угорских языков. Будучи оставлен в университете при кафедре русского языка для подготовки к преподавательской и научной деятельности, он интенсивно занимается исследованиями в области славянского и индо-европейского языкознания. В 1920 г. он завершает докторскую диссертацию «Северно-кашубская система ударения», которая была опубликована в 1924 г. В 1921—1922 гг. он начинает свою преподавательскую деятельность сначала как славист, а затем постепенно и как финно-угровед.

Непосредственно к изучению финно-угорских языков Д. В. Бубрих приступает в середине 20-х годов. Решающим в его научной судьбе стал 1925 год, когда он был утвержден профессором Ленинградского государственного университета по финно-угорскому языкознанию, которому он с тех пор отдает все свои силы. В том же году в связи с развернувшейся в стране огромной работой по созданию письменности и литературных языков для народов СССР, ранее не имевших письменности, было создано Ленинградское Общество Исследователей Культур Финно-Угорских Народностей (ЛОИКФУН).¹ Общество ставило перед собой задачи организации систематического сбора материалов и всестороннего изучения культур и языков финно-угорских народов, проживающих на территории РСФСР. В число членов Общества входили историки, этнографы, антропологи и представители других наук. Все годы существования ЛОИКФУН (1925—1930) Д. В. Бубрих не только представлял в нем финно-угорское языкознание, но и вел большую организационную работу как ученый секретарь (с 1925 г.) и как заместитель председателя (с 1928 г.). О предстоящей работе он писал: «В настоящий момент созрело сознание, что надо особенное внимание обратить на планомерное, согласное с требованиями современной науки, обследование финно-угорских языков во всех их диалектах».² Для выполнения этой задачи им был разработан и осуществлен план диалектологических экспедиций к мордве (1927 г.), удмуртам (1928 г.) и карелам (1930 г.). В целях подготовки национальных кадров к участию в экспедициях привлекались

представители местной интеллигенции: учителя, студенты, краеведы, но руководителем и душой экспедиций был Д. В. Бубрих.

Таким образом, Дмитрий Владимирович приступил к изучению нескольких финно-угорских языков почти одновременно. Более близкое ознакомление с проблемами прибалтийско-финского языкознания произошло во время пятимесячной научной командировки в Финляндию и Германию (сент. 1927 г.—январь 1928 г.). Стало ясно, что из прибалтийско-финских языков в центре его внимания должен быть карельский язык. Это диктовалось не только практическими задачами создания письменности и литературного языка, но и чисто научными задачами: карельский язык был изучен значительно слабее, чем финский, а его диалекты были наиболее доступны для советского исследователя. Вторым из прибалтийско-финских языков, которыми занимался Д. В. Бубрих, стал финский. Но если его работы по карельскому языку строились на совершенно новом диалектном материале, собранном в полевых условиях им самим или под его руководством, то по финскому языку он диалектных материалов не собирал, зато хорошо знал опубликованные исследования и, привлекая новые данные по карельскому, мордовскому и пермским языкам, мог внести важные дополнения в существовавшие тогда представления об истории финского и других прибалтийско-финских языков. Остальными прибалтийско-финскими языками Д. В. Бубрих не занимался специально, но их данные использовал в своих сравнительно-исторических исследованиях.

К изучению карельского языка Д. В. Бубрих готовился с 1928 г. Уже тогда он отмечал слабое развитие лингвистической работы у карел.³ В этом же году им была составлена небольшая «Инструкция к собиранию материалов по финско-карельским говорам». Кроме общих указаний о выборе объекта исследования, подборе информантов, технике записи и т. п., здесь дается описание системы гласных и согласных фонем финско-карельских говоров в сопоставлении с фонемами русского языка, а также основы фонетической транскрипции. Однако эта инструкция носит еще очень предварительный и обобщенный характер, конкретные вопросы в ней отсутствуют. Нечетким является сам термин «финско-карельские говоры». Можно подумать, что составитель не видит четких границ между финским и карельским языками и под влиянием тогдашней финской лингвистики считает карельские говоры лишь местной разновидностью финского языка.

Более конкретные формы работа по изучению карельского языка приняла в 1930 г., когда был заключен договор о сотрудничестве между ЛОИКФУН и Карельским государственным музеем. С этих пор «вопросы кареловедения становятся для Общества первостепенными на ближайшее время». Летом 1930 г. под руководством Д. В. Бубриха была проведена первая диалектологическая экспедиция в Карельскую АССР.⁵ Одновременно он занимается и диалектом тверских карел, который он предлагает положить в основу карельского литературного языка, о чем пишет в статьях:

«Какой язык тверским карелам?» (Л., 1931), «Языковая проблема у карел» (М., 1932), «Карелы и карельский язык» (М., 1932).

Однако начатая работа была на несколько лет прервана, так как у Д. В. Бубриха возникли разногласия с господствовавшим тогда в советском языкознании новым учением о языке, которое обвиняло его в недостаточно критическом отношении к методологии буржуазной науки и в недооценке яфетической теории акад. Н. Я. Марра.

Широкое изучение карельских диалектов развернулось под руководством Д. В. Бубриха в 1937 г., когда им была составлена и опубликована обширная, содержащая около 2000 вопросов «Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка»,⁶ легшая в основу работы ряда экспедиций, в которых участвовали сотрудники научно-исследовательских учреждений Петрозаводска и Ленинграда. В предисловии к Программе Д. В. Бубрих подчеркивал важность изучения диалектов не только для выяснения истории языка, но и для прослеживания истории говорящего на нем народа. Эта программа составлена с большим знанием особенностей карельского языка и его контактов с соседними языками, прежде всего с русским. Программа содержит много конкретных вопросов по фонетике, морфологии и лексике карельского языка. Вышедшее в 1946 г. второе издание этой программы было дополнено при участии таких знатоков карельского и вепсского языков как Н. А. Анисимов, Е. И. Симакова и Н. И. Богданов. За несколько лет по этой программе было обследовано около 200 населенных пунктов Карельской АССР и около 50 населенных пунктов Тверской обл., где с XVII в. проживают карелы. Под руководством и при активном участии Д. В. Бубриха собранный материал был обработан, и на его основании составлено около 300 диалектологических карт. На основании этого материала Дмитрием Владимировичем написан ряд работ по исторической фонетике карельского языка: «К вопросу об исторической последовательности фонетических сдвигов в ливвиковском наречии карельского языка» (1947 г.), «Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах» (1948 г.), «Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков» (1958 г.) и др. Карельские данные он использовал и во многих статьях по истории прибалтийско-финских и финно-угорских языков.

Обширные знания языкового материала позволили Д. В. Бубриху сказать свое слово по сложному вопросу о происхождении карельского народа. Вопрос этот уже давно интересовал науку. В начале XX в. финскими археологами и историками была выдвинута теория о западно-финском происхождении карельского народа. Согласно этой теории предки карельского народа не являются столь же древним прибалтийско-финским племенем, как Сумь и Емь, а появились на исторической арене значительно позднее.

По этой теории, начиная с VI—VIII вв. часть емского населения стала постепенно переселяться из западной Финляндии на Карельский перешеек к западному и северо-западному побережью

Ладожского озера. К XII в. здесь скопилось значительное по происхождению емское население, которое обособилось в отдельное племя, известное в русских летописях под названием Корела. Это племя дошло до Белого моря и низовьев Северной Двины, заселило территорию нынешней Карельской АССР. Глубокие исторические связи карельского народа с русским государством эта теория не учитывала.

Среди финских лингвистов наиболее распространенной была и остается точка зрения о предках карельского народа как о древнем прибалтийско-финском племени, проживавшем к востоку от территории Суми и Еми. Л. Хакулинен пишет: «По ранее единому и до сих пор господствующему мнению, наряду с Сумью и Емью третьим „прафинским“ племенем явились жившие восточнее их карелы». ⁷ Сторонником позднего западно-финского происхождения карельского народа среди финских лингвистов был Л. Кеттунен. Ссылаясь на его работы, Л. Хакулинен пишет: «Однако за последнее время известное развитие получила та точка зрения, что сначала никакого особого карельского племени не существовало, так же как не существовало и особого „карельского языка“, и что карелы по происхождению являются в своей основе западными финнами, получившими позднее характерные языковые особенности благодаря доисторическим связям, в частности, с вепсами». ⁸ По мнению Л. Кеттунена, западно-финское население, переселившееся в VIII—IX вв. на побережье Ладожского озера, вместе с вепскими элементами и некоторыми частями води образовало основу карельского народа. Это же население распространилось на всю территорию нынешней Карельской АССР и восточнее — на Северную Двину вплоть до территории Коми. Лишь позднее оно было вытеснено из Заволочья. Л. Кеттунен не считает карельский язык самостоятельным языком, а объясняет его как смесь западно-финских элементов с вепским и отчасти водским языком. ⁹ Однако большинство финских лингвистов отнеслись к этой теории осторожно, не считая достаточными археологические данные и не находя должного подтверждения в языковых данных: «Ясно, что пока еще слишком рано высказывать что-либо окончательное о происхождении карел, так же как и о том, откуда они прибыли в Приладожскую Карелию», — писал П. Равила. ¹⁰

Д. В. Бубрих много занимался изучением происхождения карельского народа. Этому вопросу посвящена его брошюра «Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере» (Петрозаводск, 1947) и статьи: «О двух этнических элементах в составе карельского народа» (1948), «Из этнонимии Карелии» (1948), «Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных» (1948), «К вопросу об этнической принадлежности рун „Калевалы“» (Петрозаводск, 1950), «Не достаточно ли емских теорий?» (1950) и др., а также ряд прочитанных им докладов. Свою теорию происхождения карельского народа Бубрих основывал прежде всего на языковых фактах и излагал даже в чисто языковедческих статьях, например, в таких

как «Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах: (К вопросу об этнических элементах в составе карельского народа)» (1948) и «Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков» (1958). Кроме языкового материала, для обоснования своей теории он привлекал также данные топонимики, этнонимики и археологии.

При изучении фактов современного карельского языка бросается в глаза резкое противостояние южнокарельских диалектов, ливвиковского и людиковского, собственно-карельскому, распространенному в северной и средней частях Карельской АССР, а также в Тверской и Новгородской областях. Сильно отличаясь от собственно-карельского диалекта, ливвиковский и людиковский диалекты обнаруживают поразительную близость с вепским языком, распространенным ныне в Карельской АССР у берегов Онежского озера к северу и югу от устья реки Свири, в Подпорожском, Тихвинском и Бокситогорском районах Ленинградской обл. и в Бабаевском и Вытегорском р-нах Вологодской обл. Эта языковая близость, а также данные этнонимики (собственно-карелы называют ливвиков, людиков и вепсов общим названием *vepsä*) заставляют думать, что карелы-ливвики и карелы-людики произошли из представителей древнего вепского племени, переселившихся в места своего нынешнего проживания с юго-восточного берега Ладожского озера между Волховом и Свирью, где обитала древняя Весь. Археологические данные также подтверждают существование в I и II тысячелетиях связи населения низовьев рек Олонки и Видлицы с населением, жившим южнее Свири. Что же касается населения северной и средней части Карельской АССР, то оно восходит в основном к древнему племени Корела. Таким образом, Д. В. Бубрих пришел к выводу: «Карельский народ составил из двух основных этнических элементов: из основных частей племени Корела и из важных частей племени Весь».¹¹ При этом оказывается, что 70% карельского населения, проживающего на территории Карельской АССР (ливвики и людики), ведут свое начало в основном от вепсов и только 30% происходят от древнего племени Корела.

Что касается формирования племен Весь и Корела, то Д. В. Бубрих объясняет его следующим образом. Он допускает, что в VI—VIII вв. Карельский перешеек посещали охотники из Эми, но это еще не было настоящим заселением Карельского перешейка. Заселение этих земель началось только в IX в. В связи с возникновением Русского государства и распространением торгового и политического влияния Новгорода сюда стало проникать в поисках новых путей к Финскому заливу прибалтийско-финское население, связанное общими интересами с Новгородом. Эти новые пришельцы явились в основном из южного Приладожья и были представителями летописной Чуди — пестрого по своему составу прибалтийско-финского населения, проживавшего на обширной территории от земель нынешней Эстонской ССР на западе вплоть до Северной Двины на востоке. Именно эта «чужь» из южного Приладожья и составила основу племени Корела. Однако в формировании этого

племени приняли участие также «чудские» элементы из окрестностей Чудского озера и мест восточнее р. Волхова. Корела окончательно сложилась только в XII в., когда ее название начинает упоминаться в русских летописях; до этого она могла упоминаться там под общим названием «Чудь».

Племя Весь сложилось значительно раньше. Его первоначальная территория у юго-восточного побережья Ладожского озера между реками Свирью и Волховом. Уже в IX в. начинается расселение Веси, которое шло главным образом в трех направлениях: на Белое озеро, где создалась сильная группа Веси — Белозерская Весь, особо выделяемая русской летописью, в Заволочье — к Северной Двине и, наконец, к устьям рек Олонки и Видлицы у восточного побережья Ладожского озера. Именно эта последняя группа Веси и явилась основой нынешних карел-ливвиков и карел-людиков.

Таким образом, Д. В. Бубрих не соглашается с теорией о западно-финском происхождении карельского народа. Оба племени, легшие в основу карельского народа, Корела и Весь, имеют отнюдь не восточное происхождение. Они сложились и развивались в сфере влияния восточных славян, а затем Новгорода. Дальнейшая история карельского народа отмечена тесной культурной и экономической связью и сотрудничеством с русским народом и Русским государством. В брошюре «Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере» Д. В. Бубрих справедливо подчеркивал глубокие исторические связи карельского народа с русским народом.

Теория Д. В. Бубриха о происхождении карельского народа нашла широкую поддержку у советских историков¹² и лингвистов.¹³ Эта теория вызвала интерес финских ученых, о чем свидетельствует опубликование в ведущем финском языковедческом журнале «Virittäjä» статьи М. Вахрос «Вопрос о происхождении карельского народа по Бубриху».¹⁴ Эта теория была изложена также в статье В. Кауконена «Карело-финская народная поэзия в свете вопроса о происхождении карельского народа», автор которой отмечает, что взгляды Д. В. Бубриха находят подтверждение в трудах многих финских ученых.¹⁵

Курсы лекций по истории финского языка Д. В. Бубрих читал начиная со второй половины 20-х годов в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена и в Ленинградском государственном университете, а перед войной и после войны также в Петрозаводском государственном университете. Последний раз он читал этот курс в Петрозаводском университете в 1948/1949 учебном году. Из этих лекционных курсов составились две его книги: «Историческая фонетика финского-суоми языка» (Петрозаводск, 1948) и вышедшая посмертно «Историческая морфология финского языка» (М.; Л., 1955). При написании этих книг автор использовал труды Э. Н. Сетяля, Й. Синнеи, Й. Буденца и многих других финских и венгерских ученых, но, опираясь на собранные им новые материалы по ряду финно-угорских языков СССР, предложил и свою оригинальную трактовку ряда вопросов.

В книге «Историческая фонетика финского-суоми языка» это касается прежде всего глав, посвященных истории вокализма, которая еще недостаточно разработана в финно-угорской науке. В книге «Историческая морфология финского языка» по-новому рассмотрено, например, происхождение инфинитивов и причастий и ряд других вопросов, связанных с морфологией глагола. Эти две книги по настоящее время остаются важнейшими работами по истории финского языка, написанными за пределами Финляндии. «Историческая фонетика финского-суоми языка» получила высокую оценку известного французского лингвиста А. Соважо.

Для понимания особенностей этих двух книг важно учитывать ту обстановку, в которой они написаны. Это было время господства в советском языкознании нового учения о языке, которое категорически отвергало сравнительно-исторический метод изучения родственных языков как буржуазный и идеалистический. Между тем изложенные в этих книгах факты по истории финского языка были получены именно методом сравнительно-исторического изучения финно-угорских языков, которым во всех своих трудах пользовался Д. В. Бубрих. Чтобы избежать обвинений в преклонении перед буржуазной наукой, он не приводит сравнительный материал из родственных языков, что лишает читателя очень важных доказательств. В книге «Историческая морфология финского языка» этот пробел в некоторой степени восполнен в примечаниях В. И. Лыткина. Из тех же соображений Д. В. Бубрих не дает обычного для таких монографий списка использованной литературы, да и в самом изложении сноски на других авторов делаются очень редко и только там, где автор с ними не согласен.

Углубленную разработку отдельных проблем исторической фонетики и исторической морфологии финского языка Д. В. Бубрих давал также в своих статьях: «О происхождении финского транслатива» (1948), «Происхождение имен на -inen с основой на -ise в прибалтийско-финских языках» (1949), «К вопросу о переходе *ti > si* в финском языке» (1949) и др.

Д. В. Бубрих никогда не замыкался в рамках академической науки, он стремился предоставить результаты своих исследований для решения практических задач современности. Так, в последние годы жизни им была задумана «Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков» (1955) — пособие для преподавателей русского и финского языков в школах с финским и карельским составом учащихся. В работе предполагалось рассмотреть сходства и различия между русским, финским и карельским языками в области фонетики, морфологии и синтаксиса. К сожалению, автор успел написать только первую часть — фонетику. Здесь дается характеристика состава фонем каждого из трех языков и присущие каждому языку фонетические явления (например, в финском языке гармония гласных и чередование ступеней согласных), в карельском языке своеобразное развитие дифтонгов, переработка конечных *a*, *ä* в номинативе ед. ч., возникшее под влиянием русского языка противопоставление глухих и звонких, твердых и мягких согласных,

сделавшее консонантизм карельского языка богаче консонантизма финского языка, для которого это не характерно. Работа содержит много интересных наблюдений, она и сейчас может быть полезной в преподавании русского языка финнам и карелам, а финского языка русским.

В заключение можно отметить, что Д. В. Бубрихом была проделана большая работа по изучению карельского и финского языков. И хотя с точки зрения современной науки не все высказанные им положения являются бесспорными, его труды и по сей день не утратили своей ценности и занимают важное место в советском финно-угроведении.

Литература

- ¹ О работе Общества см.: Бюл. ЛОИКФУН. Вып. 1—4. Л., 1929; Вып. V. Л., 1930: Отчет за первые два года деятельности I. II. 1925—1. II. 1927. ЛОИКФУН. Л., 1927.
- ² Бубрих Д. В. Финно-угорское языкознание в СССР // Финно-угорский сборник. Л., 1928. С. 127.
- ³ Труды Краеведческой комиссии ЛОИКФУН. Л., 1928. Вып. 2. С. 1—10.
- ⁴ Бюл. ЛОИКФУН. Л., 1930. Вып. 5. С. 2.
- ⁵ Подробнее об экспедиции см.: Керп Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих. Л., 1975. С. 20—22.
- ⁶ Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. Петрозаводск, 1937. 189 с.
- ⁷ Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М., 1953. Ч. 1. С. 11.
- ⁸ Там же. С. 11.
- ⁹ 1) Kettunen L. Suomen murteet. Helsinki, 1930. II. S. 201—205; 2) «Isuri keel». Virittäjä. 1957. S. 126.
- ¹⁰ Ravila P. Suomen suku ja suomen kansa. Forssa, 1958. S. 34—35.
- ¹¹ Бубрих Д. В. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы» // Тр. юбил. науч. сессии, посвящ. 100-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 145.
- ¹² См., например: Шаскольский И. П. О емской теории Шёгрена и ее последователях // Изв. Карело-Фин. фил. АН СССР. Петрозаводск, 1950. № 1.
- ¹³ См., например: Аристэ П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнич. истории эст. народа. Таллинн, 1956.
- ¹⁴ Vahros Muusa. Karjalan kansan syntykysymys Bubrighin mukaan // Virittäjä. 1957. S. 141—146.
- ¹⁵ Kaukonen Väinö. Karjalais-suomalainen kansanrunous Karjalan kansan alkuperäkysymyksen valossa // Neuvostoliittolainstituutin vuosikirja. Helsinki, 1952. N 3. S. 29—30.

Д. В. БУБРИХ И МОРДОВСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Д. В. Бубрих был исследователем особого типа. В галерее отечественных финно-угроведов он занимает достойное место: его научная концепция исключала всякую профессиональную замкнутость и шаблон: наоборот, она давала ему в руки ключи, кроме славистики, от дверей многих финно-угорских языков: карельского и финского, коми и удмуртского и, конечно, от мордовских языков. В трудах по мордовским языкам отразилась ищущая, творческая натура этого ученого: по мере расширения и углубления его практических знаний мордовских языков расширялся и углублялся круг изучаемых им проблем. Исследование живой современной ему мордовской речи в ее языках, говорах, обостренное внимание к спорным проблемам или к неисследованным областям истории мордовских языков, исчерпывающий подбор необходимых объектов сравнения, стремление к историческому воспроизведению фонетической и морфологической системы изучаемого языка в тот или иной период его развития — вот что типично для Д. В. Бубриха как исследователя мордовских языков.

Ученый обладал счастливым даром облекать крупные творческие идеи, глубокие и многообразные наблюдения в краткую и очень емкую по содержанию словесную оболочку. Его научная пытливость, настойчивое желание дать капитальную разработку той или иной мордовской языковедческой темы направляли его на изучение разных уровней языка.

В области мордовского языкознания Д. В. Бубрих — один из самых авторитетных ученых, хотя и занимался этой наукой, так сказать, параллельно с глубоким изучением других финно-угорских языков.

Пробуждение еще в студенческие годы интереса к мордовским языкам у Д. В. Бубриха связано с именем одного из выдающихся исследователей русского языка, академика А. А. Шахматова, который создал замечательный труд на мордовскую тему — «Мордовский этнографический сборник». В нем А. А. Шахматов поместил весьма глубокий по содержанию очерк звуковых особенностей и морфологии сухо-карбулакского и оркинского говоров Саратовской губернии (1910 г.). Эта работа не могла не заинтересовать Д. В. Бубриха. Именно ей и всей школе А. А. Шахматова он обязан тем, что так

глубоко заинтересовался мордовскими языками и что в самом начале своего творческого пути молодой исследователь стремился овладеть сравнительно-историческим методом исследования языков. Овладев им, он стал лингвистом высокой культуры, сродни культуре его прославленного учителя и многих его предшественников. Однако научная судьба распорядилась так, что Д. В. Бубрих не смог в своих работах в полной мере опереться на сравнительно-исторический метод. Его творческие годы совпали с теми годами, когда в советском языкознании господствующее положение занимало «новое учение о языке», категорически выступавшее против сравнительно-исторического метода изучения родственных языков как идеалистического и устаревшего. Но, несмотря на это, почти во всех работах Дмитрия Владимировича просматриваются выводы, которые основываются на данных, полученных путем сравнения с другими финно-угорскими языками. Бесспорно, Д. В. Бубрих не мог не отдавать должное этому методу, оказавшемуся столь плодотворным для исследования истории изучаемых им языков.

Итак, начав с первой половины 20-х годов свои разыскания по мордовским языкам (в основном по эрзянскому языку) в духе отечественного языкознания, Д. В. Бубрих вскоре был захвачен широкими горизонтами, которые открывались перед ним в области изучения основных особенностей строя эрзянского языка, являющегося, по словам Бубриха, финно-угорским санскритом, важного как для выработки основ мордовско-эрзянской письменности, так и для изучения прошлого состояния этого языка.

Октябрьская революция поставила перед советским финно-угорским языкознанием новые задачи, финно-угорская наука приобрела значение государственной дисциплины: претворение ленинской национальной политики выдвинуло на первый план одну из важнейших проблем культурной революции — проблему письменности и создания литературных языков у тех финно-угорских народов, у которых литературные языки как общественно значимые явления отсутствовали. В связи с этим задачи, вставшие перед финно-угорской языковедческой наукой, сделали настоятельно необходимой координацию усилий по их выполнению в масштабе республик с финно-угорским населением. Д. В. Бубрих — энергичный организатор и руководитель финно-угорской науки того времени — становится в этих грандиозных делах, если можно так сказать, на передний план культурного фронта.

А началось с экспедиций в эрзю... В апреле 1927 г. Дмитрий Владимирович в письме М. Е. Евсевьеву сообщает: «Летом этого года состоится экспедиция к мордве-эрзе Ардаатовского-Алатырского района, субсидируемая, с одной стороны, Академией наук, а с другой стороны, Московским Институтом народов востока. Со стороны Академии Наук посылаюсь я, а со стороны Института народов Востока Вы и ряд аспирантов» (Центрархив МАССР, ф. 264, оп. 1, л. 7). В этом же письме он просит М. Е. Евсевьева взять на себя труд по руководству этнографической стороной работы экспедиции. Основная цель экспедиции, — сообщает Д. В. Бубрих

в другом письме, — это собрание словарного материала, запись текстов и на основе этого составление краткого очерка фонетики и морфологии изучаемых экспедицией мордовских (эрзянских) сел.

Подробности о ходе экспедиции изложены в его работе «Краткий отчет о лингвистической поездке в мордву». Из «Краткого отчета...» мы узнаем, что экспедиция начала свою работу 20 июня 1927 г. и продолжалась по 12 августа того же года. Центром работы экспедиции было выбрано с. Кечушево (ныне Ардатовского района Мордовской АССР). Ею было охвачено более 11 эрзянских и несколько русских сел. Из мордовских: Кученяево, Алово, Канаклейка, Каласево, Луньга, Манадыши, Суродеевка, Санеевка, Пилесево, Козловка, Турдаково. Русские села: Безводное, Керамсурка, Полое. Кроме Д. В. Бубриха в экспедиции участвовали молодые мордовские исследователи А. П. Рябов, И. Я. Бондяков, Е. Б. Буртаев, Ф. М. Чесноков, А. И. Еремкин (студент). Значительную помощь в работе экспедиции и лично Д. В. Бубриху оказали местные жители В. Т. Французов, Т. П. Миронов, А. В. Орлова, Н. П. Кочкаев, Т. Д. Родионов, Л. В. Строганова. Д. В. Бубрих почти каждый день собирал участников экспедиции, с тем чтобы сообщить о результатах работы, обсудить назревшие проблемы, наметить ближайшие шаги.¹ Раз в неделю выслушивались сообщения отдельных участников по проработанным ими вопросам. Сообщения по вопросам фонетики делались Д. В. Бубрихом, по морфологии — А. П. Рябовым. В 1928 г. состоялась повторная экспедиция. Эти экспедиции дали громадные по объему материалы. На их основе Д. В. Бубрихом написан ряд работ. Одна из них — «Звуки и формы эрзянской речи. По говору с. Козловки» (1930) — сыграла большую роль в выборе диалектной основы эрзянского литературного языка. До появления этой работы оставалось неясным, какие же ардатовско-алатырские говоры должны лечь в основу литературного языка. Выходом в свет названной работы было окончательно решено положить в основу эрзянского литературного языка говоры типа козловских. В ней впервые автором делается попытка выяснения истории гласных непервого слога слова и классификации эрзянских говоров по вокализму. Здесь же довольно основательно рассмотрены грамматические категории эрзянского языка. В частности, Д. В. Бубрих оригинально подошел к рассмотрению проблемы частей речи в мордовских языках. Он пишет: «В связи со своеобразием эрзянской системы форм, классифицировать слова по частям речи следует иначе, чем русские слова. Следует признать три основных части речи: слово, склоняемое по первичному склонению (существительное), слово, спрягаемое по первичному спряжению (глагол), и слово, не изменяемое ни по первичному склонению, ни по первичному спряжению (присловие). Первое соответствует существительному, второе — русскому глаголу, третье — одновременно русскому прилагательному и наречию».² Классификация частей речи Д. В. Бубриха основывается в целом на лексико-морфологическом принципе. В дальнейшем она была уточнена и развита А. П. Рябовым, Т. Мироновым и последующими научными конференциями

по вопросам мордовского языкознания. Значение названной работы трудно переоценить. Сам Д. В. Бубрих в предисловии к изданию писал: «Во-первых, помочь делу установления твердых норм литературной эрзянской речи (до сих пор тут наблюдаются некоторые колебания, например, пишут то ванстума, то ванстома), а во-вторых, помочь делу построения эрзянской грамматики в эрзянских категориях (до сих пор не учтены многие моменты построения эрзянской грамматики в русских категориях)».³

Работа «Звуки и формы...» была только первой попыткой выявить грамматические категории говора, использованного в качестве диалектной базы для создания литературного языка, в то время как другая — «Эрзя-мордовская грамматика-минимум»⁴ — является образцом сжатого и строгого научного описания уже установившегося литературного языка.⁵ В данной работе уточнено количество падежей, выявлены падежеобразные формы, особенности употребления определенного и неопределенного рядов склонения, замены генитива абсолютной формой, особенности семантики падежей и глагольного словообразования. Следует отметить введение Д. В. Бубрихом новых терминов для обозначения категорий, не свойственных индоевропейским языкам: таковы «абсолютная форма», «глаголы залоговой направленности», «глаголы видовой направленности» и др. По-новому подошел Бубрих к рассмотрению видов в мордовских языках. В «Эрзя-мордовской грамматике-минимум» он различает длительный, многократный и мгновенный виды. Значительно позже после выхода в свет работы «Звуки и формы...» Д. В. Бубрихом, прежде всего на основе материалов экспедиции, были написаны работы «Мордовская система фонем»⁶ и «О былом эрзянском ударении».⁷ Первая статья посвящена не только выявлению и классификации состава фонем, но и вопросам их происхождения и дальнейшего развития. Тонкие фонетические наблюдения сделаны автором о разнообразных зависимостях между фонемами одного и того же слова, объединенными под общим названием «перегласовка гласных». По отношению к гласным в рамках «перегласовки» выявлены фонетические закономерности, знание которых важно для понимания фонетической структуры мордовского слова. В разделе истории согласных важны для нас рассуждения Д. В. Бубриха о согласной фонеме *n'*, бытующей лишь в части современных эрзянских диалектов, но в общемордовский период, по мнению Бубриха, она была характерна для всей мордовской речи.

В другой статье ученый путем сравнения явлений эрзянской фонетики с мокшанской пришел к выводу о закономерностях былого эрзянского ударения. Анализируя случаи выпадения эрзянских гласных первого слога слова, автор приходит к выводу, что такое выпадение возможно только в неударном положении, причем выпадают лишь *у* и *и* (*ы*). Естественно предположить, считает он, что неударяемыми в первом слоге могут быть только *у* и *и* (*ы*), а все другие гласные в этих условиях несли на себе ударение. Однако *у* и *и* (*ы*) выпадают лишь «в том случае, если во втором слоге был гласный *а* или дальше следовали такие же *у* или *и* (*ы*), а за

ними опять-таки — а. Очевидно, что именно а была причиной той неударяемости, которая вызывала выпадение у и и (ы). Это а, находясь после у и и (ы), или после нескольких у и и (ы) подряд, было носителем ударения». ⁸ Д. В. Бубрих подчеркивает, что нарисованная им картина находит полную параллель в мокшанском языке, и приходит к заключению, что мокшанская речь сохранила то ударение, которое когда-то существовало в эрзянской речи. Однако, как об этом говорит А. П. Феоктистов, объяснение автором причин исчезновения эрзянского ударения лишь случаями выпадения первого слога представляется недостаточным.

Со статьей «О былом эрзянском ударении» тесно связана по изучаемым проблемам работа Д. В. Бубриха «Из истории мордовского вокализма». ⁹ Наблюдая генетические связи гласных у и и в различных эрзянских диалектах и выявляя их эволюцию в непервых слогах слова, Д. В. Бубрих приходит к выводам о том, что во всех эрзянских диалектах в непервом слоге слова когда-то были известны лишь а, у, и. Это было открытие, сулящее новые перспективы в исследовании и классификации эрзянских диалектов.

Д. В. Бубрих, принимая близко к сердцу проблемы формирования мордовских литературных языков, не оставался в стороне и от разработок вопросов мордовской орфографии. Его тезисы «Фонетический или этимологический принцип письма», которые специально были написаны к языковой конференции 1933 г., послужили основой для принятия наряду с морфологическими написаниями и фонетического письма. По мнению Д. В. Бубриха, письменный стандартный язык должен быть простой письменной проекцией разговорного стандартного языка. Поэтому, рассуждает дальше ученый, мордовское письмо следует строить на фонетическом, но отнюдь не на этимологическом принципе, так как этимологический принцип требует учета этимологической природы мордовского слова, что осложняет природу письма. Д. В. Бубриху на конференции не пришлось выступать, но его мысли были поддержаны и развиты Т. П. Мироновым, который, как и Дмитрий Владимирович, был противником суждений, согласно которым считалось, что при словоизменении основа эрзянского слова не изменяется. Неизменна ли основа слова при словоизменении в эрзя-мордовском языке? — ставит вопрос Д. В. Бубрих. Ответом на этот вопрос явилась его обширная статья «Эрзя-мордовский язык и урало-алтаистические построения», ¹⁰ где на фактическом материале убедительно доказывается, что основа слова в эрзя-мордовском языке под воздействием различных звуковых законов претерпевает различные фонетические изменения. ¹¹ Рядом со случаями неизменности основы есть многочисленные случаи изменяемости основы, играющие громадную роль в языке. С одной стороны, *моро* «'песня'», — *моро-до* «'о песне'» (неизменная основа), с другой — *сельме* «'глаз'» — *сельм-сэ* «'глазами'» (изменяемая основа). Д. В. Бубрих в данной статье впервые обратил внимание читателя на морфологию эрзянских словоформ. «Иногда, — пишет он, — выражение морфологических категорий покоится исключительно на чередовании видов

корня или основы. Примеры: *курго* «рот», *курк* (пишут *куркт*) «рты».¹² Здесь же весьма интересные рассуждения автора об агглютинативно-флективной особенности эрзянского языка. Вывод Д. В. Бубриха гласит: «Совершенно несомненно: эрзя язык — совсем не какой-нибудь чистый агглютинативный язык, а язык агглютинативно-флективный».¹³ Надо сказать, что термин «агглютинативно-флективный», вводимый в сферу мордовских языков Бубрихом, нельзя признать вполне удачным в связи с тем, что создается впечатление о равенстве составляющих его элементов, в то время как элементы флективности незначительны по сравнению с элементами агглютинативности.

Наряду с названными выше статьями перу Д. В. Бубриха принадлежит ряд статей, в которых исследована целая группа вопросов, касающихся развития именных и глагольных форм мордовских языков. Из них мы должны отметить «Мордовское склонение»,¹⁴ «Мордовское спряжение»,¹⁵ «Происхождение с-овых внутренне-местных падежей в западных группировках финно-угорских языков».¹⁶ Эти статьи положили начало обстоятельному сравнительно-историческому изучению грамматической системы двух мордовских языков. В статье «Мордовское склонение» впервые обращено внимание на разные пути возникновения падежей. Один из них — переосмысление непадежных, словообразовательных элементов в падежные суффиксы. Этот путь, по словам Д. В. Бубриха, лучше всего иллюстрируется материалами генитива, транслатива, аблатива, абессива, пролатива. Другой путь — сращение имен с послелогом. Он хорошо иллюстрируется материалами датива, инессива, элатива и иллатива. Как известно, в научной литературе отношение к рассуждениям Дмитрия Владимировича о путях возникновения падежей в мордовских языках неоднозначное. Имеются и другие мнения.¹⁷

Нельзя не отметить научные поиски Д. В. Бубриха по поводу состава падежей. В названной статье ученый подчеркнул то, что наиболее трудным в именной системе мордовских языков является вопрос о составе падежей. Трудности, встающие перед исследователями при определении состава падежей, заключаются в следующем: «Чтобы та или иная категория могла быть признана падежной, нужно, во-первых, чтобы она была словоизменительной и, во-вторых, чтобы она указывала отношение между предметами. Однако того, что категория указывает отношения между предметами, мало для признания ее падежной категорией... для признания той или иной категории падежной нужно еще, чтобы она была словоизменительной».¹⁸ Такими словоизменительными категориями ученый считал именные категории чисел и склонений — рядов, потому что они, по мнению Д. В. Бубриха, удовлетворяют признаку всякой словоизменительной категории — обнаруживают себя синтаксически, принимают участие в словосвязывании. Исходя из этих теоретических предпосылок, Бубрих определил систему падежей в эрзя- и мокша-мордовских литературных языках.

В другой объемной статье, «Мордовское спряжение», получили научное освещение такие кардинальные вопросы, как состав форм мордовского сказуемого изменения и спряжения, исторический анализ старых явлений сказуемого изменения и спряжения; происхождение л-овых образований, возникновение древнейшего пласта спряжения и другие. Все эти проблемы весьма сложные. В научной литературе до Д. В. Бубриха они глубоко практически никем не рассматривались, хотя при трактовке отдельных глагольных проблем он иногда оказывается под влиянием марристских установок.¹⁹

Наиболее фундаментальным трудом Д. В. Бубриха по мордовским языкам является посмертно изданная «Историческая грамматика эрзянского языка».²⁰ Глубина и ясность конкретно-исторического чутья Д. В. Бубриха к реалиям мордовских языков иллюстрируются на каждой странице «Исторической грамматики...». Изучая языковые процессы мордовских языков на широкой сравнительно-исторической основе двух близкородственных языков, ученый стремится познать особенности происхождения первичных образований падежного порядка, выявить строение указательных форм, обратив внимание на историю притяжательных образований. Вслед за Паасоненом он признает, что «притяжательные суффиксы (без н-ового осложнения) по происхождению представляют личные местоимения в особом оформлении — м..., -т..., -с..., м...к, т...к, -с...к, частично более просто построенные, чем теперь, а частично снабженные теперь изжитым показателем множественности».²¹ Д. В. Бубриху принадлежат интересные наблюдения, касающиеся происхождения новых форм спряжения и сказуемого образования. Важны его соображения, отчасти навеянные работой М. Е. Евсевьева, о происхождении 2-го прошедшего времени, о морфонологическом анализе в диахронном аспекте форм объектного спряжения, общем ходе развития спряжения и сказуемого изменения и др. Вообще же, Д. В. Бубрих при написании «Исторической грамматики...» исходил из многообразия причин сходных явлений в мордовской фонетике и морфологии, изучения фонетических и морфологических процессов во всей сложности их индивидуальных проявлений.

Хотя некоторые положения «Исторической грамматики...», к примеру, происхождение отдельных падежных суффиксов, выделение особого вокативного падежа, имена действия на -ма в связи с их некоторыми синтаксическими функциями и др., и оспариваются в настоящее время, однако его труд по истории эрзянского языка высоко оценивается специалистами. Мы полностью согласны с оценкой, высказанной в предисловии к названной книге М. Н. Коляденковым и Н. Ф. Цыгановым, суть которой заключается в том, что «Историческая грамматика эрзянского языка» Д. В. Бубриха имеет огромное значение для советского финно-угроведения не только как глубокое исследование истории сложения фонетической системы и грамматического строя эрзянского языка, но и как работа, подсказывающая ряд проблем для дальнейшего исследования истории финно-угорских языков.²²

Наряду с разработкой фонетических и морфологических проблем, которыми Д. В. Бубрих занимался более 25 лет, он не оставил без внимания вопросы, относящиеся к лексике мордовских языков, поскольку, по его словам, изучение словарного состава этих языков создает базу для этимологических построений, не говоря уже о необходимости решения проблемы о путях пополнения фонда лексики. В своих работах «К вопросу о хронологии мордвы» (1928), «К вопросу о русско-мордовских языковых соприкосновениях» (1929), «Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточным славянством» (1947) Д. В. Бубрих обращает внимание на значительный общий финно-угорский слой в лексике мордовских языков, высказывается по поводу заимствованных слов, отметив их хронологию. Наиболее древними заимствованиями, по Д. В. Бубриху, в мордовских языках являются иранские, за ними — балтийские. Тюркские и в особенности русские заимствования он причисляет к более поздним пластам мордовской лексики. Русско-мордовские языковые контакты всегда понимались Бубрихом как важный момент в истории формирования мордовской лексики. Особенно важны для нас его наблюдения о ранних заимствованиях. Так, например, эрзянское слово *пондо* 'пуд', как предполагает Д. В. Бубрих, могло быть получено от восточных славян еще до момента, когда в восточнославянской речи исчезли носовые гласные, а этот период предшествовал первым памятникам восточнославянской письменности. Русские заимствования проникли в эрзянский язык вообще в окающей форме (*бояр, родня* и т. п.), а в мокшанский язык в акающей форме (*баяр, радня* и т. п.). «Очевидно, — пишет Д. В. Бубрих, — в одном случае приходится считаться с окающими русскими диалектами, а в другом — с акающими».²³ Направление и ход исследований в области лексикологии подводили Дмитрия Владимировича к идее создания лексического атласа, в котором было бы суммировано все лексическое богатство эрзянского и мокшанского диалектов. Для этого в начале и середине 30-х годов Д. В. Бубрих значительные силы положил для собирания лексического материала мордовских говоров. По составленной им программе, включившей 200 вопросов по фонетике и морфологии и более 500 по лексике, было начато изучение всех диалектов мордовских языков. Описание современных мордовских языков во всем многообразии их даже самых мелких диалектных отличий, во всей сложности их междиалектных отношений, — такова, по мнению Д. В. Бубриха, первейшая задача мордовского языкознания. Программа по собиранию материалов для диалектологического атласа, составленная им, долгие годы была единственной, она сослужила хорошую службу мордовской диалектологии. Лишь в 1960 г. на ее основе был составлен В. Д. Объединным, А. П. Феоктистовым и О. И. Чудаевой новый «Вопросник для собирания сведений по диалектам мордовских языков».

Еще одно достоинство Д. В. Бубриха заслуживает внимания: он был не только тонким мордовским грамматистом и опытным фонетистом, но обладал также хорошей лексикографической под-

готовкой. Он немало сделал, чтобы в 1948 г. появились в свет «Русско-эрзянский словарь» (25 000 слов), а в 1949 г. — «Эрзянско-русский словарь» (15 000 слов). Авторами обоих словарей являются Н. Ф. Цыганов и М. Н. Коляденков, редактором — Д. В. Бубрих. Словари стали значительным вкладом в области фиксации эрзянского языка и в какой-то степени его нормализации. Вместе с тем редактор и составители признавали, что словари «страдают в некоторых случаях отсутствием литературных и лексикографических традиций у мордовского народа, который является младописьменным народом и не сумел отразить в письме сложность и многообразие слова и преодолеть диалектное состояние языка».²⁴

Завершая свой очерк о Д. В. Бубрихе, мы не можем не сказать о том, что, занимаясь большой исследовательской работой, он свои творческие разыскания всегда связывал с актуальными задачами современности. Возглавив кафедру финно-угорской филологии в Ленинградском университете, он развил энергичную деятельность по подготовке кадров по финно-угорскому языкознанию.²⁵ Под его непосредственным руководством подготовлена большая группа мордовских языковедов. Среди них — Миронов Т. П., Коляденков М. Н., Потапкин С. Г., Талабаев М. М., Цыганов Н. Ф., Заводова Р. А., Бочкаева А. И., Чудаева О. И., Шестакова А. и др. В письме Д. В. Бубриху М. Н. Коляденков пишет: «Скажу откровенно: работать под Вашим руководством, по Вашим указаниям — большое счастье. Тут можно достигнуть больших успехов. Это мнение всех Ваших учеников» (Центрогосархив МАССР, ф. р-2090, оп. 1, л. 10). По словам Н. Ф. Цыганова, отношения Д. В. Бубриха к преподавателям мордвы всегда отличались теплотой и сердечностью. Имя этого ученого дорого для мордовского народа, «неизменным другом которого он являлся во все годы своей жизни».²⁶

Д. В. Бубрих подвигом своей труженической жизни, всеми своими лингвистическими исследованиями возвысил мордовское языкознание. Отмечая заслуги его в развитии науки о мордовских языках, Президиум Верховного Совета Мордовской АССР в связи с 30-летием Великого Октября наградил ученого Почетной грамотой.

Я поставил перед собой задачу — охарактеризовать то, что было сделано Д. В. Бубрихом в области изучения мордовских языков. В небольшой статье сделать это исчерпывающе невозможно. Я стремился показать главным образом его методологические приемы, которые оказались исключительно плодотворными в развитии мордовского языкознания. Труды Д. В. Бубриха и сегодня остаются тем, чем они были всегда: источником фундаментальных сведений о строе мордовских языков, вызывающих движение научной мысли в новых направлениях. В лице Д. В. Бубриха перед нами встает облик выдающегося ученого-мордоведа громадной творческой силы, которая обеспечивает рост в общем движении мордовской лингвистической науки.

Литература

- ¹ Бубрих Д. В. Краткий отчет о лингвистической поездке в Мордву // ДАН. Сер. В. 1927. Т. 10. С. 205.
- ² Бубрих Д. В. Звуки и формы эрзянской речи. По говору с. Козловки. М., 1930. С. 25.
- ³ Там же. С. 3.
- ⁴ Бубрих Д. В. Эрзя-мордовская грамматика-минимум. Саранск, 1947. 52 с.
- ⁵ Лыткин В. И., Майтинская К. Е. Дмитрий Владимирович Бубрих // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962.
- ⁶ Бубрих Д. В. Мордовская система фонем // Зап. МНИИОК. Саранск, 1941. № 2.
- ⁷ Бубрих Д. В. О былом эрзянском ударении // Зап. МНИИЯЛИ. Саранск, 1951. № 12.
- ⁸ Там же. С. 38.
- ⁹ Бубрих Д. В. Из истории мордовского вокализма // Сов. языкознание. Л., 1937. Т. 3.
- ¹⁰ Бубрих Д. В. Эрзя-мордовский язык и урало-алтаистические построения // Сов. языкознание. Л., 1935. Т. 1.
- ¹¹ Стенограмма мордовской языковой научной конференции. Саранск, 1934.
- ¹² Бубрих Д. В. Эрзя-мордовский язык... С. 81.
- ¹³ Там же. С. 82.
- ¹⁴ Бубрих Д. В. Мордовское склонение // Зап. МНИИСК. 1941. № 2.
- ¹⁵ Бубрих Д. В. Мордовское спряжение // Зап. МНИИСК. 1941. № 4.
- ¹⁶ Бубрих Д. В. Происхождение с-овых внутренне-местных падежей в западных группировках финно-угорских языков // Учен. зап. КФУ. 1947. Т. 1. С. 27—45.
- ¹⁷ Аристэ П. А. s-овый иллатив в прибалтийско-финских языках // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1955. Вып. 7.
- ¹⁸ Бубрих Д. В. Мордовское склонение... С. 190.
- ¹⁹ Феоктистов А. П. Мордовские языки // Младописьменные языки народов СССР. Сб. ст. М.; Л., 1959. С. 432.
- ²⁰ Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953.
- ²¹ Там же. С. 82.
- ²² Коляденков М. Н., Цыганов Н. Ф. Предисловие к книге Д. В. Бубриха «Историческая грамматика эрзянского языка». Саранск, 1953. С. 6.
- ²³ Бубрих Д. В. Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточным славянством // Зап. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1947. № 7.
- ²⁴ Эрзянско-русский словарь. М., 1949.
- ²⁵ Дубровина З. М. Дмитрий Владимирович Бубрих как исследователь финно-угорских языков // Финно-угорская филология. Л., 1962. Учен. зап. ЛГУ. № 314.
- ²⁶ Цыганов Н. Ф. Член-корреспондент АН СССР проф. Д. В. Бубрих // Зап. МНИИЯЛИ. Саранск, 1951. № 12.

Д. В. БУБРИХ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

Создатель советского финно-угроведения член-корреспондент АН СССР профессор Д. В. Бубрих, один из крупных исследователей прибалтийско-финских (финского, карельского), мордовских языков, не остался в стороне от исследования пермских языков, в том числе и удмуртского. В конце 20-х и начале 30-х годов на повестку дня многих ранее бесписьменных, младописьменных и старописьменных языков с небольшой дореволюционной традицией встал вопрос о создании литературных языков. Для этого необходимо было определить опорный диалект, на базе которого мог бы развиваться единый литературный язык. Поскольку на местах в то время не было квалифицированных специалистов-языковедов коренной национальности, в это дело включились ученые центра России. Одним из таких ученых, оказавших большую практическую помощь в создании литературных языков для финно-угорских народностей, был Д. В. Бубрих, непосредственно организовавший диалектологические экспедиции к мордве, карелам и удмуртам. Целью этих экспедиций было не только накопление и систематизация материалов для создания литературных языков, но и организация работы на местах по изучению языков и формированию научных кадров местной интеллигенции.

Начиная с 1927 г. Д. В. Бубрих организует большие лингвистические экспедиции к финно-угорским народам, в частности к мордве, карелам.

Летом 1929 г. он возглавляет организованную Удмуртским Облком первую диалектологическую экспедицию в Удмуртию. Этой поездке предшествовала значительная подготовительная работа. Во-первых, был определен состав экспедиции из 15 человек. К работе в экспедиции были привлечены все удмуртоведческие силы Удмуртии, а также студенты и аспиранты вузов Казани, Москвы и Ленинграда. Во-вторых, Д. В. Бубрих предварительно подробно изучил вопрос об отношении литературного языка в период первоначального его строительства к местным диалектам и выработал свою конкретную платформу. По данной проблеме в это время существовало два различных мнения. Одни настаивали на том, чтобы в деле первоначального строительства литературного языка строго держаться рамок какого-либо одного диалекта, избранного «основным». Другие

настаивали на том, чтобы в деле первоначального строительства литературного языка вести собрание языковых богатств всех диалектов данного языка, опираясь на один из них лишь при оформлении. Это последнее мнение горячо поддерживал академик Н. А. Марр, который в своей книге «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» писал: «Если удмуртская литература намерена расти соответственно темпам нашего времени, она должна с одинаковой готовностью и тщательностью использовать все средства речевой культуры в разнообразных говорах удмуртской речи, не отдавая никакого семейственного предпочтения ни одному говору».¹

Д. В. Бубрих в вопросе создания норм единого литературного языка придерживался следующего мнения. «В литературном удмуртском языке надо пользоваться богатством всех диалектов удмуртского языка. Но при этом в вопросах оформления фонетических и морфологических норм литературного языка необходимо держать преимущественное равнение на какую-либо определенную группу диалектов».² К моменту начала экспедиции 1929 г. в республике существовало также два мнения по этому вопросу. Часть товарищей, в частности П. Горохов, Кузёбай Герд, К. Ошмес, выступали за то, чтобы в основу удмуртского литературного языка был положен южный диалект. В защиту такого выбора приводились следующие аргументы: 1) более архаичный характер звукового строя диалектов: в них сохранились даже звуки, в других диалектах утраченные, например, согласный *н* (*η*) (носовой заднеязычный); 2) сохранность национальных традиций, обычаев и более богатое фольклорное наследие южных удмуртов, позволивших исследователям устного народного творчества сделать весьма интересные публикации еще в конце XIX—начале XX в.; 3) наличие большого количества интеллигенции — носителей южных диалектов, таких как М. Можгин, Максим Прокопьев, И. Яковлев, И. Михеев, К. Яковлев, М. Ильин, Д. Майоров, Кузёбай Герд, А. Векшин, Ашальчи Оки, Иван Кудо, А. Пель, М. Прокопьев, Я. Ильин, П. Горохов, Курбатов, М. Кельдияров, Годяев и др.; 4) наличие письменной литературы не только церковной, но и светской, опубликованной преимущественно на южном диалекте.

В противоположность этому часть творческой интеллигенции, в частности Д. И. Корепанов, А. С. Бабинцев и другие, энергично защищала необходимость выбора в качестве опорных диалектов для строительства единого литературного языка северные диалекты. Аргументировался такой выбор следующими фактами: 1) северные диалекты являются диалектами экономически наиболее оживленных территорий; 2) обслуживают относительно высокую экономику; 3) имеют более обширное территориальное распространение.

Исходя из всего вышеизложенного, Д. В. Бубрих в качестве опорного диалекта для строительства единого литературного языка рекомендует выбрать северную группу говоров, но не крайнюю северную часть, а ту, которая находится ближе к средней части Удмуртской республики. В качестве дополнительного аргумента в

пользу северной группы говоров ученый выдвигает тот факт, что указанные говоры обладают более простой и современной, чем южные говоры, системой звуков, благодаря чему они более оперативны и удобны для строительства литературного языка и будущего социалистического общества (итоговые материалы 1929 г. УИИЯЛ, рукоп. ф., дело 192). Предложение Д. В. Бубриха было поддержано местными государственными и общественными учреждениями и организациями и в качестве местонахождения «штаба» экспедиции 1929 г. было избрано с. Зура в средней части Удмуртской области. Поэтому наиболее изучены были говоры этого села и его окрестностей как говоры, представляющие северные диалекты без крайних «северизмов». Но отдельные отряды экспедиции обследовали и другие говоры — на север и северо-запад, восток и юго-восток, юг — юго-запад от с. Зуры, охватив всю Удмуртскую обл. В результате экспедиций 1929 г. был собран весьма значительный материал — текстовый, словарный, синтаксический, морфологический, фонетический — по различным районам Удмуртии с севера до юга.

По материалам экспедиции Д. В. Бубрих должен был написать грамматику удмуртского языка. Для осуществления указанной цели каждый из руководителей экспедиционных групп должен был представить ему материал по определенной теме, а именно: по общей линии синтаксиса — И. В. Яковлев, по синтаксису глагола — К. М. Баушев, по синтаксису имени — С. П. Жуйков, по синтаксису союзов — Д. И. Корепанов. Вопросы фонетики и морфологии должен был подробно изучить и разработать сам Дмитрий Владимирович. Однако эта весьма перспективная и полезная работа осталась незаконченной, поскольку в некоторых кругах языковедов возник поворот интересов в сторону так называемой яфетической теории, в то время имевшей репутацию «марксистского языкознания в становлении», и этот поворот интересов исключил внимание к обработке собранных экспедицией материалов. По этой причине материалы лингвистической экспедиции 1929 г. остались не обработанными. О результатах проведенной экспедиции остался лишь небольшой письменный отчет Д. В. Бубриха под названием «Из результатов работ удмуртской диалектологической экспедиции 1929 г.»,³ написанный в 1930 г. и отредактированный весной 1933 г. В указанном отчете Д. В. Бубрих, определив диалектную основу будущего единого литературного языка, подвергает подробному критическому анализу действующее удмуртское письмо, унаследованное у русских. К числу важнейших недостатков существующего письма он относит обозначение мягкости согласных звуков различными средствами: то с помощью мягкого знака (ь), то йотированными буквами, е, ё, я, ю, а также использование букв и с точками и э. Для устранения указанных недостатков письма Д. В. Бубрих предлагает проведение двух вариантов реформы: минимальной и максимальной. При проведении минимальной реформы в действующее письмо вводятся следующие изменения: 1) буква и заменяется латинской буквой i. Вместо *тир* будут писать *tir*. 2) После букв б, в, г, ж, ж, к, м, п, р, ф, х, ч, ш вводятся в

употребление буквы э и вместо *бере* предлагается писать *бэрэ*, вместо *биньыны* — *биньыны*. 3) Для обозначения сочетания букв кў вводится в употребление сочетание букв кв: *квась* вместо *куась*.

Максимальный вариант реформы письма, предложенный Д. В. Бубрихом, предусматривает внесение следующих изменений:

1. Буква и заменяется буквой i: вместо *тир* — *тир* и т. д.

2. После букв б, в, г, ж, ж, к, м, п, р, ф, х, ч, ш, а также после букв з, ч вместо букв е и и вводятся в употребление буквы э и i: вместо *бере* — *бэрэ*, вместо *биньыны* — *биньыны*, а также вместо *зеч* — *зэч*, вместо *зичы* — *зичы* и т. п.

3. После букв д, з, л, н, с, т вместо букв е, ё, и, ю, я вводятся в употребление сочетание букв вэ, юо, ь, ья: вместо *небыт* — *нэбыт*, вместо *нюлэс* — *нэулэс*, вместо *нянь* — *нэнь* и т. д.

4. В начале слова и после букв-обозначений гласных вместо букв е, ё, ю, я вводятся в употребление сочетание букв йэ, йо, йу, йа, а вместо буквы и буква i: вместо *ёрос* — *йорос*, вместо *юрттыны* — *йурттыны*, вместо *ялан* — *йалан*, вместо *из* — *из* и т. п.

5. После буквы ь и после ь (значка ') вместо букв е, ё, ю, я вводятся в употребление сочетание букв йэ, йо, йи, йу, йа, причем значок ь совершенно выбрасывается: вместо *пельёс* — *пэльйос*, вместо *бырыз* — *бырийз*, вместо *бырье* — *бырийэ* и т. п.

6. Для обозначения сочетания к и неслогового ў вместо сочетания букв кў вводится в употребление сочетание букв кв: вместо *куась* — *квась*.

Предлагая провести в двух вариантах реформу письма, составленного на русской графической основе, Д. В. Бубрих в то же время разработал систему удмуртского алфавита на латинской графической основе, так как в то время во многих языках народов СССР шла латинизация алфавитов. По мнению Дмитрия Владимировича, латинизация письма должна была быть проведена так, чтобы одновременно были осуществлены все требования, учтенные в изложенном выше максимальном варианте реформы: единообразное обозначение мягкости согласных, единообразное обозначение неслогового й, рациональное обозначение сочетания ку. Кстати, последнее требование Бубриха, на наш взгляд, не является обоснованным, так как в данном случае речь идет не о сочетании кў (кв), а о дифтонге ўа, который не может быть расчленен на два составных элемента и не может быть заменен звуком в. Сочетание звуков ўа в позиции после к в удмуртском языке, будучи ложным восходящим дифтонгом, представляет собою единый артикуляционный акт, произносимый одним общим воздушным потоком, а потому оно не расчленимо и на слоги, сравните: *кўар* 'лист', *кўара* 'звук, голос', *кўас* 'лыжи', *кўат* 'шесть', *кўака* 'ворона'.

Предложение Д. В. Бубриха о замене неслогового ў буквой в исходило, на наш взгляд, из того, что автор, будучи не удмуртом, не совсем правильно уловил звучание ўа как в.⁴

В рассматриваемой статье сформулированы также основные орфографические правила правописания букв ы — и (и), ю, я, е, ё на стыке

основ и словообразовательных и словоизменительных аффиксов в словах типа *мынысь — мыньсь* 'идуший', *верайсь — верайсь* 'из вымени', *коньен — кониен* 'с белкой', *басьтысько — басьтйсько* 'беру, возьму', *кыльыллям — кыллйллям* 'остались', а также разработаны правила употребления щелевых согласных ж, з, в т. ч. аффрикат Ж, З в словах типа *куэйт — кузьйт* 'соленый', *кожаны — кожаны* 'сворачивать, думать, подумать' и т. д.

Следует отметить, что рассмотренные выше орфографические правила в основном верно ориентировали практиков, и позднее они были приняты орфографической комиссией в той форме, в какой были подсказаны Д. В. Бубрихом.

В конце 20-х—начале 30-х годов на страницах периодической печати широко обсуждались проблемы проведения реформы или совершенствования существующей удмуртской системы письма (Д. Корепанов, И. Кельда, С. П. Жуйков, М. Волков, Т. Иванов). Д. В. Бубрих также выступил со специальной статьей в газете «Ижевская правда», где подробно изложил все три рассмотренных выше варианта реформы удмуртского письма. Однако ряд выступавших высказались за сохранение и совершенствование существующей системы (Князева и др.). К тому же вскоре сверху пришло указание к переходу на русский алфавит тех народов СССР, которые успели перейти на латинский. Переход на русскую графическую основу необходим был для народов СССР по ряду причин. Учитывались политические, экономические, культурные связи между русским и другими народами СССР, их сотрудничество. Использование русской графики обеспечило, кроме того, и устранение алфавитного разноречия в национальных школах, улучшение преподавания и усвоения русского и родных языков, упростило и улучшило работу по разработке орфографий, общественно-политической, научно-технической терминологии, в основном заимствованной из русского языка.

Поскольку Д. В. Бубрих в 30—40-е годы был занят преимущественно исследованием мордовских и карельского языков, то вплоть до начала 40-х годов он не мог вернуться к изучению пермских языков. Обращаться вновь к рассмотрению вопросов пермской филологии его заставила, по-видимому, сама жизнь. Дело в том, что во время Великой Отечественной войны в 1941 г. вместе с сотрудниками Петрозаводского университета он был эвакуирован в г. Сыктывкар, где ему представилась возможность непосредственно заниматься изучением коми литературного языка, читая одновременно лекционные курсы студентам Петрозаводского университета и Сыктывкарского педагогического института. За эти годы, как он сам об этом пишет, ему удалось «собрать значительную картотеку по коми языку, используя для нее общественно-политическую, художественную и учебную литературу, оригинальную и переводную, равно как и собрания коми фольклора».⁵ Результатом этой кропотливой четырехлетней работы Д. В. Бубриха стала его книга под названием «Грамматика литературного коми языка», изданная в 1949 г. в издательстве Ленинградского университета, представляющая собой учебное пособие для студентов и учителей.

Вышеназванная «Грамматика» структурно как бы состоит из двух разделов: фонетики и морфологии в связи с синтаксисом. Оба раздела написаны в сопоставительном плане с фактами русского языка, что намного облегчает усвоение материала коми фонетики и морфологии представителям не коми национальности.

В разделе «Фонетика» даются подробные сведения о фонетическом строении коми слова, описывается природа ударения, рассматривается структура слога, указываются закономерности употребления и сочетания звуков в начале и в конце слогов, а также определяется состав гласных и согласных фонем и приводятся подробные описания их артикуляции. Отдельными параграфами даются также обозначения фонем на письме и специфика употребления звуков и обозначения их в различных фонетических условиях слова, а также выпадения или замены одного звука другим с указаниями их графического обозначения.

Раздел «Фонетика» по объему хотя и небольшой, но дает вполне достаточные и весьма квалифицированные сведения о фонетическом строе коми литературного языка.

Раздел «Морфология в связи с синтаксисом» начинается с изложения понятия о предложении, где в конспективной форме даются сведения о подлежащем и сказуемом, образующих так называемые концентры предложений. Затем подробно описываются различные типы безличных предложений, анализируются грамматические отношения между членами предложения и внутри предложений сочинительного и подчинительного типа.

В учебном пособии отдельными параграфами рассматривается грамматическое строение слова. Отнеся коми язык к языкам агглютинативного типа, Д. В. Бубрих выделяет три типа морфем: одни в смысловом отношении считает основными — это корневые морфемы, другие — развивающими, это — аффиксы. Аффиксы, по мнению ученого, имеют характер суффиксов, которые несут тройную службу: одни суффиксы просто развивают значение слова — это словообразующие суффиксы, другие вносят в значение слова моменты, модифицирующие его, но не развивающие, — это формообразующие суффиксы; третьи связывают члены предложения — это словоизменятельные суффиксы. Д. В. Бубрих не пользуется терминами словообразовательные, формообразовательные и словоизменятельные суффиксы, но характеризует их как таковые правильно. К сожалению, в учебном пособии ничего не сказано о продуктивности и непродуктивности указанных суффиксов.

В особых параграфах рассмотрены сложные слова и их типы. Парные образования как именные, так и глагольные типа *лун-вой* (удм. *уй-нунал*) 'сутки, день-ночь', *удны-вердны* (удм. *сюдыны-вордыны*) 'поить-кормить' Д. В. Бубрих к сложным словам не относит, считая их лишь парными словами, имеющими собирательное значение, с чем, на наш взгляд, безоговорочно нельзя согласиться.

В книге даны также некоторые сведения о частях речи в коми языке. Исходя из определения И. И. Мещанинова о частях

речи, Д. В. Бубрих не перечислил все те критерии, по которым проводится классификация лексико-грамматических классов слов на отдельные группы. При этом совершенно нерассмотренной осталась категориальная неразграниченность отдельных групп слов, наличествующих в коми языке.

Довольно полно, на наш взгляд, описаны в книге «Имя существительное», его основные грамматические категории — числа, притяжательности, падежа и указательности, а также образование имен существительных как отыменных, так и отглагольных. Следует отметить, что русские названия падежей, данные Д. В. Бубрихом, употребляются без изменения во всех ныне существующих и действующих учебных пособиях пермских языков; со знанием дела описаны также основные грамматические значения падежей, особенно объектных и принадлежностных. Несколько неудачным следует считать, как нам кажется, употребление термина указательные формы, вместо категории определенности и неопределенности. К числу недочетов книги следует отнести также отсутствие отдельных разделов, посвященных рассмотрению лексико-грамматических категорий имени существительного, в частности, одушевленности и неодушевленности, собственных и нарицательных существительных.

Оригинально, не по типу грамматик русского языка описано имя прилагательное. Характеризуя имена прилагательные как слова, обозначающие признаки предметов, Бубрих подвергает подробному анализу падежные и числовые формы, степени сравнения, а также случаи адъективизации имен существительных, явлений субстантивизации и суффиксальное образование производных прилагательных. Будучи специалистом по пермским языкам, Дмитрий Владимирович совершенно правильно, на наш взгляд, не выделяет в отдельные группы так называемые качественные и относительные прилагательные. Традиционное выделение качественных и относительных прилагательных в ныне действующих научных грамматиках как коми, так и удмуртского языков следует считать неудачным.

В книге в очень сжатой форме дается также описание наречий как слов, обозначающих признаки непредметных явлений, показываются случаи адвербиализации имен и отдельными параграфами анализируется их суффиксальное образование.

Имя числительное автор рассматриваемой книги называет счетно-измерительными словами и именами количественными. Количественные числительные вначале анализируются по составу, затем описываются дробные, порядковые, обобщительные (собирательно-личные), собирательные (совместные), обобщительно-собирательные, разделительные, краткие числительные. К сожалению, отдельные разряды числительных в книге остались совершенно нерассмотренными, в частности, числительные приближительного счета и числительные с собирательно-ограничительным и собирательно-разделительным значениями, входящие в группу обобщительных (собирательно-личных) числительных.

В учебном пособии довольно полно и своеобразно описаны местоименные слова и местоимения. Характеризуя местоимения как особую часть речи, автор собственно местоимениями считает лишь те слова, которые составляют параллель именам существительным, так как только у этих слов обнаруживаются грамматические особенности, заставляющие говорить о них как об отдельной части речи. Что же касается местоименных слов, соотносительных с именами прилагательными, числительными и наречиями, то автор не считает их местоимениями, так как у них отсутствуют специфические грамматические формы. Подвергая подробному анализу различные специфические падежные формы собственно-личных местоимений, Д. В. Бубрих впервые в особую группу выделяет усилительно-личные, взаимно-личные местоимения. Из других разрядов местоимений (по Бубриху, местоименных слов) в учебном пособии анализируются указательные, неопределенные, отрицательные, обобщительные, противопоставительные местоимения. Кстати, в современных учебных пособиях последний вышеназванный разряд местоимений в особую группу не выделен, а включен в состав обобщительно-определятельных местоимений, а *ас* выделен в отдельный самостоятельный разряд и назван притяжательным местоимением.

В рассматриваемой работе нашли свое отражение и слова, относящиеся к категории состояния. Автор их называет неопределенно-качественными основами именной сфeры.

Большое внимание уделено в учебнике рассмотрению глагольных форм, обозначающих «действенную ситуацию». Подразделив глаголы на две группы — финитные и инфинитные, — автор книги сначала подробно анализирует инфинитивную форму, выступающую в форме *-ны*, затем в виде таблицы показывает изменение глаголов по лицам, числам, временам изъявительного и повелительного наклонов как в утвердительной, так и отрицательной формах. В отдельных параграфах даются разъяснения о специфических формах изменения глаголов 3 лица единственного и множественного числа очевидного и неочевидного прошедшего времени. В работе подробному анализу подвергаются также вспомогательные глаголы (*вoвны* ‘быть’; *лоны* ‘стать’ (чем), являться’; *кутны* ‘стать’ (делать что-либо)’; *модны* ‘тж’; *пондыны* ‘тж’; *вермыны* ‘мочь’), вербальные имена существительные, образованные с суффиксами *-oм*, *-ан*, *-тoм*, вербальные имена прилагательные (причастия), вербальные наречия (деепричастия) и образование обычных и изобразительных глаголов с различными суффиксами, а также грамматические категории залога, вида и их грамматические значения. Жаль только, что правильно и весьма обстоятельно характеризуя грамматические значения вида, автор почему-то не называет их определенным грамматическим термином, как, например, уменьшительный, кратковременный, многократный, длительный, начинательный, законченный и т. д., как это сделали позднее его последователи. Неудачным следует считать и термин причинительный залог вместо понудительный залог.

Модальные слова типа *абу* 'нет', *да* 'да', *буракö* 'должно быть, кажется, вероятно', *веськыдакö* 'по-настоящему, прямо говоря', *вöлöмкö* 'оказывается' и т. д. квалифицируются и анализируются автором как «грамматически бескачественные слова».

Определенное место отведено в книге рассмотрению служебных слов. Д. В. Бубрих не относит их к частям речи, поскольку они не имеют особых грамматических признаков. Отнеся их к отдельным классам слов, он наиболее полно рассматривает послелогов, называя их послеложными словами лексической службы и послелоговами. В современных учебных пособиях их называют собственно послелоговами и послелоговами-именами.

Союзы автор делит на сочинительные и подчинительные, в частицах различает 15 разрядов форм, придающих полновесным словам самые различные оттенки грамматических значений.

В книге отдельный раздел посвящен также рассмотрению междометий, находящихся как бы вне предложения и использующихся в речи для выражения различных чувств и эмоций. Автор в ряду междометий коми языка различает следующие пласты междометных слов: «изобразительные речения», «сигнальные речения», «эмоциональные речения». В современных учебных пособиях по коми языку междометия по значению объединены лишь в две группы: междометия, выражающие чувства, и междометия, выражающие волеизъявления.

Книга заканчивается приложением, где в конспективной форме рассматривается порядок расположения слов, указываются наиболее характерные случаи местоположения различных частей речи в предложении.

Следует отметить, что книга Д. В. Бубриха «Грамматика литературного коми языка», представляющая собою наиболее полный опыт систематического изложения всех грамматических категорий на русском языке, была в течение десяти лет единственным учебным пособием для студентов вузов Коми АССР и для всех тех финно-угроведов, кто интересуется изучением коми языка как одного из родственных языков в системе финно-угорской и уральской филологии.

Другой фундаментальной работой Д. В. Бубриха в области пермской филологии является «Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)».⁶ Несмотря на то что в период господства марризма в советском языкознании сравнительно-исторический метод был изгнан из сферы использования как специальный исследовательский прием, в рассматриваемом труде Бубрих использует этот метод, давший автору возможность многие вопросы общепермского вокализма и консонантизма осветить несколько по-иному по сравнению с его предшественниками — финскими учеными Ю. Вихманом⁷ и Т. Утилой,⁸ на работы которых он опирался при составлении своего труда. Освещая основные цели и задачи, методологические и методические основы книги, в предисловии автор приводит научную транскрипцию, разработанную им на русской графической основе.

рактированы правильно, за исключением ö, являющегося не-лабиализованным. Д. В. Бубрих считал его слабоогубленным, что на самом деле не соответствует действительности.

В этой же главе рассмотрены многочисленные языковые явления, обусловленные чередованием гласных, а также комбинаторными изменениями гласных звуков ассимиляторного порядка.

IV и V главы монографии посвящены анализу синтагматики гласных непрерывных слогов слова, а также явлений отпадения и выпадения гласных в конце и середине слова, впервые более детально и полно был объяснен также переход *ы* в *и* в возвратных глаголах и в настоящем времени глагола. Вместе с тем следует указать, что Д. В. Бубриху не удалось точно реконструировать систему гласных прапермского языка. Этому помешал, по-видимому, ряд обстоятельств: 1) слабая изученность диалектов сравниваемых коми и удмуртского языков, особенно окраинных диалектов; 2) в какой-то мере недооценка автором других данных — оставление вне поля зрения данных имеющих письменных памятников, заимствований, в которых звуки получают соответствующее отражение и др.

В последних трех главах — VI, VII, VIII — рассматриваются основные закономерности употребления и сочетания фонем в начале, середине и конце слова, ассимиляции звуков в различных позициях слова. Следует подчеркнуть, что по сравнению с вокализмом вопросы дистрибуции и эволюции удмуртского консонантизма получили в книге более стройное и более полное освещение. Поэтому указанные разделы книги не потеряли свое научное значение и в настоящее время могут быть использованы в учебных целях в вузах Удмуртской и Коми АССР.

Выше мы подвергли анализу лишь наиболее значительные опубликованные работы Д. В. Бубриха. Кроме них у профессора имеется ряд небольших статей, посвященных различным вопросам пермского языкознания. Таковыми, в частности, являются: «К вопросу о пермском вокализме» (1929), «Вокализм первого слога слова в пермских языках» (1945), «Послелогои в коми языке» (1948). Кроме того, во всех работах он широко оперировал языковыми материалами пермских языков. Д. В. Бубрих участвовал также в составлении «Коми-русского словаря», изданного в 1948 г. в Сыктывкаре.

Как организатор и создатель финно-угроведения в СССР много сил и энергии вложил профессор Д. В. Бубрих в воспитание научных кадров для республик с финно-угорскими народами, в том числе и пермскими. Под его научным руководством, в частности, написали кандидатские диссертации удмурты — П. Н. Перевощиков, ставший впоследствии доктором филологических наук, заслуженные деятели науки УАССР В. И. Алатырев, А. А. Поздеева. Под его же руководством прошли аспирантскую подготовку В. М. Вахрушев, ныне заслуженный деятель науки УАССР, преподаватель Удмуртского пединститута А. И. Малых, коми исследователь Н. А. Кодегова.

Как заведующий сектором финно-угорских языков Института языка и мышления АН СССР в Ленинграде Д. В. Бубрих наладил

научные связи с учреждениями всех республик с финно-угорским населением и оказывал им всемерную помощь своими советами, консультациями, рецензиями. Так, в 1934 г. на заседании финно-угорской группы ИЯМ была обсуждена «Диалектологическая карта удмуртского языка», составленная доцентом С. П. Жуйковым, и была отправлена рецензия с рекомендацией о скорейшем ее опубликовании.

Д. В. Бубрихом была организована также публикация серии сборников под общим названием «Советское финно-угроведение» (5 томов), IV серия которого была издана в Ижевске под редакторством Д. В. Бубриха и П. Н. Перевощикова.

Имя члена-корреспондента АН СССР профессора Дмитрия Владимировича Бубриха вошло в историю советского финно-угроведения как символ бескорыстного служения истине. Преданные научным идеям своего учителя Д. В. Бубриха ученые успешно развивали и развивают советское финно-угроведение в национальных республиках, в том числе в Коми и Удмуртской АССР.

Литература

- ¹ *Март И. Я.* Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык // Учен. зап. НИИ народов Сов. Востока при ЦИК СССР. М.; Л., 1931. Вып. 1.
- ² *Бубрих Д. В.* Возможности реформы удмуртского письма // Ижевская правда. 1929. 22 сент.
- ³ *Бубрих Д. В.* Из результатов лингвистической экспедиции 1929 года // Итоговые материалы экспедиции 1929 г. Рук. ф. УдНИИ, д. 192.
- ⁴ *Бубрих Д. В.* Вокализм первого слога слова в пермских языках // Науч. сессия ЛГУ. Тез. докл. по секции востоковедения. Л., 1948. С. 33—35.
- ⁵ *Бубрих Д. В.* Грамматика литературного коми языка. Л., 1949. 200 с.
- ⁶ *Бубрих Д. В.* Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск, 1978. 110 с.
- ⁷ *Wichmann I.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische // MSFOu. 1915. 3. 94 s.
- ⁸ *Uotila T.* Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen // MSFOu. 1933. 65. 466 s.
- ⁹ *Лыткин В. И.* Рецензия. Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tsheremissischen und in den permischen Sprachen. FUF. 38. 1970. // ВЯ. 1956. № 3.
- ¹⁰ *Бубрих Д. В.* К вопросу о пермском вокализме // Бюл. ЛОИКФУН. Л., 1929. Вып. 4.

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БУБРИХ О СВЯЗЯХ МЕЖДУ САМОДИЙСКИМИ И ФИННО-УГОРСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Вопрос об отношениях между самодийскими и финно-угорскими языками издавна занимал многих исследователей. Выдвинутая в свое время Ф. И. Страленбергом гипотеза об исконном родстве, связующем эти языковые группы,¹ не только не встретила возражений, но, напротив, получила дальнейшее развитие. Особенно упрочилось это мнение после выхода в свет работ М. А. Кастрена и в особенности Э. Н. Сетяля.² В настоящее время общепризнано, что обе эти языковые группы составляют в своей совокупности уральскую языковую семью.

Как самодийские, так и финно-угорские языки подразделяются на ветви. Эти языковые ветви, а также входящие в их состав отдельные языки находятся между собой в определенных взаимоотношениях. Обстоятельство это следует учитывать при рассмотрении затронутого в дальнейшем вопроса.

По принятой в данный момент классификации самодийские языки состоят из двух ветвей: северносамодийской и южносамодийской. Первую языковую ветвь образуют ненецкий, энецкий и нганасанский языки, ко второй относится селькупский язык. В прошлом к самодийским языкам принадлежали также очень ограниченно существовавший до сравнительно недавнего времени камасинский и языки самодийских племен Саянского нагорья, впоследствии ассимилированные тюркоязычными соседями.

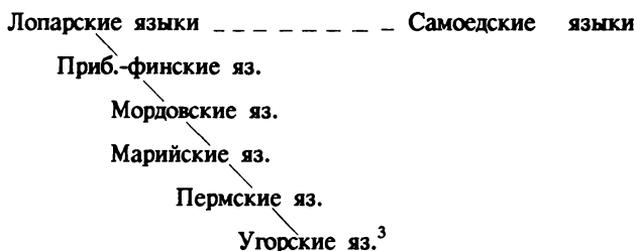
Наиболее близки между собой северносамодийские языки, причем энецкий язык занимает некоторое срединное положение между ненецким и нганасанским: одно его наречие (бай) тяготеет к ненецкому языку, а другое (маду) — к нганасанскому. В свою очередь нганасанский представляет собой как бы связующее звено между языками ненцев, энцев и языком селькупов.

Существующая классификация финно-угорских языков наглядно отражена в схеме их генеалогического древа, наиболее принятый вариант которой принадлежит П. Хайду. По степени взаимной близости они могут быть переданы таким линейным рядом: прибалтийско-финские (эстонский, финский, карельский, вепсский, ливский, водский, ижорский) → саамский (лопарский) → волжские (мордовские — эрзя, мокша, марийский) → пермские (коми-зы-

рянский, коми-пермяцкий, удмуртский) → угорские (венгерский, мансийский, хантыйский).

Перечисленные языки распадаются на наречия и диалекты. В итоге вырисовывается картина очень сложных взаимоотношений между языками в пределах каждой языковой группы, не говоря уже о взаимоотношениях между разными группами. Однако в традиционном финно-угроведении при сравнительно-сопоставительных исследованиях каждая из подвергавшихся изучению языковых групп фигурировала как некая совокупность, противопоставляемая в своей массе другой совокупности в пределах единой широкой языковой системы.

Впервые необходимость учета различий разных языков для определения взаимной связи между ними подчеркнул один из крупнейших финно-угроведов — Д. В. Бубрих, предложивший свою схему соотношения самодийских языков с финно-угорскими:

Приведенная схема призвана иллюстрировать основной исходный тезис статьи о том, «что самоедские языки ближе к западным группировкам финно-угорских языков — к лопарским (саамским), прибалтийско-финским, мордовским и марийским языкам, — чем к восточным группировкам финно-угорских языков — пермским и угорским языкам».⁴

При этом близость между указанными группировками языков обосновывалась сходством преимущественно в грамматической структуре, частично в фонетическом строе. Лексические данные не признавались решающими для доказательства языкового родства, поскольку «лексика весьма подвижна и не во всех своих пластах продолжает древние отношения».⁵

В этой связи необходимо особо оговорить, что предшествующие исследователи строили свои выводы о генетической общности финно-угорских и самодийских языков почти исключительно на лексических и фонетических данных, а грамматических параллелей обычно не приводили.

В области грамматики изложение статьи строилось на анализе «древних (так называемых первичных) падежных форм», которые рассматривались как наиболее показательные, поскольку «до разрыва контактных отношений не успели выравняться».⁶ По мнению Д. В. Бубриха, эти падежные формы наглядно свидетельствуют об отношениях между самодийскими и финно-угорскими языками,

именно в них он усматривает наибольшее сходство между самодийскими языками и западными группировками финно-угорских языков.

Речь идет о пяти падежных формах: «н-овом, т-овом, н_г-овом, к-овом, м-овом» падежах.⁷ В своем значении и употреблении они обнаруживают сходство как в самодийских языках, так и в западных группировках финно-угорских языков, в то время как в восточных группировках этого сходства не наблюдается.

Как можно судить по приведенным в статье материалам, особенная близость системы древних падежных форм у самодийских и западных группировок финно-угорских языков прослеживается в «н-овом», «т-овом» и «м-овом» падежах. Так, «н-овый» падеж и в тех и в других распадается на три: локатив, датив, генитив — первоначальное значение «где», «с кем, с чем» не имеет резкого отграничения от значения «куда» и с течением времени перерастает в значение «кого, чего, чей». В восточных группировках разделения этого падежа на несколько не наблюдается, а «н-ового» генитива вообще нет.

«Т-овый» падеж и в самодийских языках, и в западных группировках финно-угорских языков употребляется преимущественно в значении «откуда» и в значениях, производных от него. В восточных группировках этот падеж имеет две разновидности: первая — в пермских «где», «куда», в угорских «где», чаще «откуда»; вторая — в пермских «по какому месту», в угорских «где».

«М-овый» падеж выступает преимущественно как аккумулятив. При этом в самодийских языках и в наиболее западных группировках финно-угорских языков он употребляется только в единственном числе. В остальных финно-угорских языках при использовании этой падежной формы отмечаются значительные различия: в мордовских и пермских языках этот падеж утрачен, в марийском, напротив, он широко бытует и в единственном, и во множественном числах, в угорских языках «м-ового» аккумулятива вообще нет.

В остальных двух падежах на основании указанных данных в рассматриваемых языках прослеживается значительно меньшее совпадение. Особенно это относится к «н_г-овому» падежу.

В области фонетики сближение самодийских языков в первую очередь с саамским обосновывается их «нетерпимостью к шипящим согласным»,⁸ что сводится в конечном счете к кардинальному вопросу — противопоставлению шипящих и свистящих.

В качестве общего заключения следует вывод: «Подводя итог сделанным указаниям, мы можем сказать, что самоедская речь обнаруживает преимущественную близость к западным группировкам финно-угорских языков, особенно к крайнезападным, главным образом — к лопарской».⁹

Приводится и следующее обоснование: «На самоедов приходится смотреть как на очень древних северян. С глубочайшей древности они соприкасались с лопарями, тоже очень древними северянами».¹⁰

Со времени выхода в свет рассматриваемой статьи Д. В. Бубриха прошло более 30 лет. За этот срок сделано многое в изучении

финно-угорских языков. Довольно полно описаны грамматический строй и фонетическая структура многих из них, не говоря уже о таких ранее хорошо исследованных языках, как эстонский, финский, венгерский. При этом проводятся специальные изыскания не только в области морфологии, но и синтаксиса, которому прежде уделялось значительно меньше внимание. В том числе имеются монографии по оставшимся до недавнего времени малоизученными языкам (саамскому, мансийскому).¹¹ Изданы довольно полные как национально-русские и русско-национальные, так и диалектологические словари; в частности, находится в печати словарь восточно-хантыйских диалектов, составленный Н. И. Терешкиным.

Опубликован ряд сравнительно-исторических и сравнительно-сопоставительных исследований.¹² Финно-угроведы и самоедологи получили свой научный журнал «Советское финно-угроведение». Защищено большое количество кандидатских и несколько докторских диссертаций.¹³

Введены в научный обиход новые данные по самодийским языкам. При жизни Д. В. Бубриха были известны материалы по ненецкому, отчасти по селькупскому языкам. Теперь имеются довольно полные сведения также по энецкому¹⁴ и по нганасанскому¹⁵ языкам, позволяющие более полно представить картину их грамматического строя, в частности, в области системы склонения. Защищена докторская диссертация, в которой на основе сравнительно-исторического анализа выявляется происхождение первичных словоизменительных формантов самодийских языков.¹⁶

В исследованиях по уральскому языкознанию советских и зарубежных ученых привлекаются материалы самодийских языков, насколько это позволяют имеющиеся публикации (см. работы Б. А. Серебренникова, В. И. Лыткина, Б. Коллиндера, Б. Викмана, Д. Дечи, П. Хайду, И. Н. Шебештьен, В. Штейница и др.).

В большом труде «Языки народов СССР» 3-й том посвящен финно-угорским и самодийским языкам. В нем даны очерки языков всех финно-угорских и самодийских народов Советского Союза.

Вполне естественно, что полученные в результате дальнейших изучений сведения дают основания для несколько иной трактовки тех или иных вопросов. Так, например, нужно отметить, что в отношении аккузатива на -м в самодийских языках нет полного единообразия. Характерен он преимущественно для ненецкого и селькупского языков, в нганасанском используется очень ограниченно (лишь в случае определенности прямого объекта, что характерно и для ряда финно-угорских языков), в энецком «м-ового» аккузатива вообще нет, положение с винительным падежом здесь намного сложнее, чем в других самодийских языках.

Совершенно точно установлено, что так называемая значительного-превратительная форма падежного значения (у Д. В. Бубриха «н_г-овый» падеж) во всех самодийских языках имеет общее происхождение и образована с помощью глагола «быть». Вряд ли эта форма находится в связи с мордовским лативом.

Отдельные уточнения по частным вопросам не снимают, а только подчеркивают актуальность поставленных в свое время в статье Д. В. Бубриха проблем. В ходе дальнейших исследований уральских языков, разумеется, ставился и в той или иной мере решался вопрос об отношениях между отдельными уральскими языками. При этом высказывались разные точки зрения. Так, например, М. Н. Коляденков подчеркивал сходство по ряду существенных признаков мордовских языков с самодийскими (точнее, с ненецким. — *Н. Т.*). Высказывались и другие предположения. Однако наибольшее число сторонников получила гипотеза, выдвинутая в статье Д. В. Бубриха. Основное положение этой статьи встретило широкую поддержку в научных кругах. Мнение о преимущественной близости самодийских языков с саамским обосновывал Б. Коллиндер.¹⁷ Ю. Тойвонен указывал на исключительную близость саамского языка с самодийским. В области фонетики им особо отмечалось такое общее у этих языков явление, как чередование ступеней согласных, в области морфологии — наличие двойственного числа, в то время как в других финно-угорских языках (за исключением хантыйского и мансийского) эта числовая категория отсутствует, в области лексики — известное количество общих по происхождению слов (свыше 50), соответствия которым не отмечено в других финно-угорских языках. На этом основании им высказано предположение о самодийском происхождении протосаамского языка.¹⁸ Того же мнения придерживается и ряд ведущих уралистов: П. Аристэ, П. Хайду, И. Н. Шебештьен. К этой же точке зрения, по всей видимости, склоняется Г. М. Керт в своей монографии «Саамский язык». Изучению вопросов генетического родства саамского языка с самодийскими (точнее, с ненецким языком. — *Н. Т.*) посвятила свои работы В. В. Сенкевич-Гудкова.¹⁹

Вместе с тем существует мнение о тесных родственных отношениях между самодийскими и угорскими языками. Исследованию угро-саамских языковых связей уделяется внимание во многих работах, и для этого имеются достаточные основания. Наиболее показательна эта близость в области морфологии и синтаксиса. Ср., например, использование коаффикса -п, возводимого к прауральскому показателю генитива, в формах местных падежей, наличие объектного (правильнее, субъектно-объектного. — *Н. Т.*) спряжения, образование так называемых каузативных глаголов при помощи сложения двух суффиксов общепереходного значения и др.

Особенно наглядны позднейшие, наиболее полно изученные, ненецко-хантыйские, ненецко-мансийские и селькупско-хантыйские языковые параллели.

Совпадения между этими языками наблюдаются порой даже в частностях. Например, по единой модели (посредством слова 'глаз'), как в самодийских, так и в хантыйском и мансийском языках обозначаются отдельные частицы какой-либо однородной массы (типа песчинка, дождинка и др.).

Один из парных предметов в селькупском и венгерском языках передается сочетанием названия соответствующего предмета со словом 'половина'. В других самодийских языках этого рода явление отсутствует. Так, например, в нганасанском языке выражение *дүзү хелы* понимается в его буквальном значении 'полруки', а не 'одна рука'.

Наиболее тесны связи между ненецким и хантыйским языками в южных частях Ямала. Так, в ямальском говоре имеется довольно большое количество слов, заимствованных из хантыйского языка, таких как: *печь, лекарство, мыло, плот, овца* и т. п. Эти слова легли в основу словопроизводства. От них посредством ненецких словообразовательных средств получен ряд производных, например, *принимать лекарство, пользоваться лекарством, пахнуть лекарством, аптека* и др.

Вместе с тем ряд хантыйских по происхождению родовых групп, расселенных в прошлом в собственно тундровых районах с преимущественным ненецким населением, оказался ассимилированным ненцами и составил особую разновидность ненецкой народности. Представители этих родов носят ненецкие фамилии, их родным языком является ненецкий, материальная культура у них в основном та же, что и у ненцев, но в быту сохраняется ряд черт, свойственных ханты. В наиболее южных районах обитания ненцев указанные родовые группы еще тесно связаны с нижеобскими хантами. Особое положение наблюдается у лесных ненцев, находящихся в тесном контакте с хантами, что наложило определенный отпечаток на их язык.²⁰

В результате наблюдающихся тесных связей самодийских языков с саамским, с одной стороны, и с угорскими языками, с другой, в финно-угроведении развилось мнение о том, что саамы являются финно-угризированными самодийцами. Мнение это сейчас начинает оспариваться. Источником самодийско-саамских языковых параллелей признается язык древнего арктического населения, ассимилированного как саамами, так и ненцами.²¹

Все вышеизложенное преследует своей целью показать, какое значение имела для дальнейшего изучения уральских языков небольшая по размеру статья Д. В. Бубриха. В ней впервые подчеркнута необходимость материального и структурного сходства в области грамматического строя для установления языкового родства, указана важность учета различий разных языков в определении их взаимоотношений, в уточнении места каждого из них в общей языковой системе. Здесь же впервые обращено внимание на значительную близость самодийских языков с саамским. На положении этой статьи основывается по существу и позднейший вывод о взаимодействии самодийских и саамского языков с языком древнего населения Арктики — на возможность ассимиляции, начавшейся еще в дофинноугорские времена, для северных языков этой группы есть указание и в рассматриваемой статье Д. В. Бубриха.²²

Литература

- ¹ *Philipp Johann von Strahlenberg*. Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia etc. Stockholm, 1730. См. Tabula polyglotta.
- ² *Setälä E. N.* Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnischugrischen und samojedischen Sprachen. JSFOu. 30.5; См. также Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrischen-samojedischen Lautgeschichte. Budapest, 1917.
- ³ *Бубрих Д. В.* К вопросу об отношениях между самоедскими и финно-угорскими языками // ИАН ОЛЯ. 1948. Т. 7. Вып. 6. С. 511.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 516.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 517.
- ¹¹ *Керт Г. М.* Саамский язык (кильдинский диалект): Фонетика, морфология, синтаксис. Л., 1971; *Ромбандеева Е. И.* 1) Мансийский (вогульский) язык. М., 1973; 2) Синтаксис мансийского (вогульского) языка. М., 1979.
- ¹² См., например, капитальный труд Основы финно-угорского языкознания. М., 1974, в авторский коллектив которого входят как советские, так и венгерские языковеды.
- ¹³ Список защищенных диссертаций по уральским языкам регулярно дается в приложении к журналу «Советское финно-угроведение». На страницах журнала читатель знакомится с содержанием как этих работ, так и вновь изданных трудов по финно-угорским и самодийским языкам.
- ¹⁴ См.: *Терещенко Н. М.* К сравнительному изучению самодийских языков (язык энцев) // СФУ, 1965, 2; *Сорокина И. П.* Морфология глагола энецкого языка: АКД, Л., 1975.
- ¹⁵ *Терещенко Н. М.* Нганасанский язык. Л., 1979.
- ¹⁶ *Кюннан А.* Склонение и спряжение в самодийских языках: Дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1974.
- ¹⁷ *Collinder B.* Proto-Lappisch and Samojed // Språkvetenskapliga Sällskapets i Uppsala Förhandlingar. 1954. Uppsala, 1952—1954.
- ¹⁸ *Toivonen J. H.* Zur Problem des Protolappischen // Sitzungsberichte der finnischen Akademie der Wissenschaften. 1949. Helsinki, 1950.
- ¹⁹ Подробнее обзор литературы по данному вопросу изложен в статье Г. М. Керта «Значение саамского языка для финно-угорского языкознания» // Тр. КФАН. 1958. Т. 12.
- ²⁰ Подробнее см.: *Терещенко Н. М.* К вопросу о ненецко-хантыйских языковых связях // ВЯ. 1959. 2; *Попова А. Н.* О роли экстралингвистического влияния в процессе формирования языка // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Всесоюз. конф. Новосибирск, 1973.
- ²¹ *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976. С. 24—25; *Хелимский Е. А.* Древнейшие угро-самодийские языковые связи: (Анализ некоторых аспектов генетич. и ареальных взаимоотношений между уральскими языками: АДД, Тарту, 1979).
- ²² См.: *Бубрих Д. В.* К вопросу об отношениях между самоедскими и финно-угорскими языками. С. 517.

Д. В. БУБРИХ И ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

С момента создания Карельской Трудовой Коммуны (1920 г.) перед ее руководством встал вопрос о языке для карел. I Всекарельский Съезд Советов, состоявшийся в феврале 1921 г., вынес следующее постановление: «Ввиду того, что население имеет право обращаться в советские органы на том языке, которым оно желает пользоваться, на русском или карельском (финском), советским органам вменяется в обязанность без замедления принять меры, обеспечивающие им возможность вести свою деятельность на русском и финском языках».¹ Другими словами, карельскому языку в нашей республике была уготована роль разговорного языка, для которого якобы не было оснований создавать свою письменность. Отношение тогдашнего руководства республики к родному языку карел наиболее определенно было высказано в статье секретаря Карельского областного комитета ВКП(б) Г. Ровио «Проблемы языка в национальной политике АКССР».² Невозможность создания карельского литературного языка обосновывается в ней следующими причинами:

- 1) диалектной раздробленностью карельского языка, не позволяющей создать единый для всех язык;
- 2) исторической и языковой близостью карельского и финского языков, дающей возможность заменить карельский язык финским;
- 3) создание карельского литературного языка потребовало бы значительных материальных средств, научных и прочих трудов.

В силу названных причин, отмечается в статье, было бы реакционным «изобретение» особой карельской письменности.³

25 апреля 1931 г. состоялось заседание Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР, на котором рассматривался вопрос «О языке карел СССР». С докладом на нем выступил Г. Ровио, высказавший те же доводы против создания карельской письменности, которые были изложены в названной выше статье. Выступавшие на заседании говорили, что диалектная раздробленность любого языка не может быть причиной того, чтобы не создавать его письменности, а историческая и языковая близость финского и карельского языков не является основанием для внедрения карельскому народу путь даже близкородственного, но не родного языка.

Что же касается материальных и прочих затрат, то они в не меньшей степени были использованы на подготовку учителей финского языка и учебников на нем. Эти же средства можно было направить на создание карельского языка и подготовку карельских национальных кадров.⁴

Негативное отношение к созданию карельской письменности объясняется прежде всего тем, что карельский язык считался диалектом финского языка, а не самостоятельным языком. Многие не понимали или не хотели понимать, что карельский и финский народы — два совершенно самостоятельных народа со своей самобытной историей, духовной и материальной культурой, что они говорят на самостоятельных языках, имеющих свои особенности на всех уровнях. Непонимание этой, казалось бы, простой истины вызвано было также и уровнем финно-угорской науки, которая в нашей стране в то время только зарождалась.

Исследование языковой ситуации в Карелии, а также изучение диалектов карельского языка было начато замечательным советским финно-угроведом Д. В. Бубрихом.

В 1928 г. он пишет «Инструкцию к сборанию материалов по финно-карельским говорам».⁵ В ней даются общие указания по сбору диалектного материала: объем, время и методика сбора, характер и техника записей. Помимо того автор дает представление об основах лингвистической транскрипции, перечисляет гласные и согласные звуки карельского языка, способы их образования.

В июле—августе 1930 г. Д. В. Бубрих организует лингвистическую экспедицию в Карелию. Эта поездка явилась предварительной, показавшей всю глубину и важность исследования диалектов карельского языка.

В 1934 г. Дмитрий Владимирович возглавляет финно-угорский сектор Института языка и мышления АН СССР. В планах его работы на 1934—1935 гг. предполагалось составление словарей, очерка и анкеты к сборанию диалектологических материалов по карельскому языку. Вся эта работа рассматривалась как подготовительная к изданию большого карельского диалектологического словаря.⁶

В 1937 г. он составляет «Программу по сборанию материала для диалектологического атласа карельского языка». Она включает в себя около 2 тыс. вопросов по фонетике, морфологии и лексике карельского языка. Эта программа была заполнена научными сотрудниками, учителями, студентами и просто добровольными помощниками почти в 150 населенных пунктах. Уже в следующем году Д. В. Бубрихом было составлено около 200 диалектологических карт. Составлением Диалектологического атласа карельского языка ученый преследовал следующие цели:

- 1) определить диалектное членение карельского языка;
- 2) выявить наиболее характерные особенности в области фонетики, морфологии и лексики;
- 3) определить основные моменты истории заселения территории Карелии различными племенными группами, из которых составилось население республики.

В послевоенный период работа над Атласом продолжалась. Было опубликовано второе издание «Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка»,⁷ на основании которого продолжался сбор материала в тех ареалах, которые были представлены в недостаточной степени. После кончины Д. В. Бубриха работа по составлению Диалектологического атласа карельского языка была продолжена А. А. Беляковым. В настоящее время этот атлас⁸ хранится в архиве Карельского филиала АН СССР.

В этой статье мы хотим дать общее представление об атласе, определить его наиболее важные моменты, которые отчасти затем были развиты Д. В. Бубрихом в научных статьях.

Карты № 1, 2 определяют самоназвание карел и их северных и южных соседей. Карелы, проживающие на Олонецком перешейке, называют себя *livviköit*, *liugiläizet* 'ливвики', карелы же, территория проживания которых тянется узкой полосой вдоль Онежского озера, именуют себя *luudikuoit* 'людики', все остальные карелы называют себя *karjalaiset*, *karjalazet* 'карелы'. Исключения составляют сегозерские карелы, именующие себя *lappalazet* 'лопарь'. Соседями названных групп карел являются:

	на севере	на юге
для людиков	лаппи	вепсы
для карел Медвежьегорского района	лаппи	карелы
для сегозерских карел	лаппи	карелы
для карел Муезерского района	лаппи	карелы
для карел Калевальского и Лоухского районов	лаппи	карелы

Исследование самоназваний карел и их соседей позволило Д. В. Бубриху представить этапы заселения территории современной Карелии Весью и Корелой. Важная особенность этнической терминологии Карелии та, что у всех групп населения названия соседних территорий и их обитателей (хотя бы сменяющихся) весьма устойчивы, но названия своей территории и самих себя легко поддаются заменам, как отмечает Д. В. Бубрих в работе «Происхождение карельского народа».⁹ В ней самоназвания всех групп карел связываются с тремя волнами колонизации Карелии.

Следующие две карты прослеживают развитие исторически долгих гласных *аа, *аӓ в первом слоге слова. Так карта № 4 показывает соответствия исторически долгого *аа в разных говорах: *иа ~ ио ~ оо ~ оа ~ аа*: *миа ~ моа* 'земля' (с.-кар., ливв.) *мио* (севернолюдиковские говоры), *моо* (сегозерский говор), *маа* (видлицкий говор).

Карты № 6—27 отражают сочетания гласных в непервых слогах, которые возникли в результате выпадения согласных, разделявших

два гласных монофтонга. В карте № 7 приводится сочетание гласных и ёго соответствия в слове 'сбежать': ае ~ аі ~ оа ~ иа ~ аа ~ оо ~ аје ~ аге: раета (сегозерский говор) — раіта (зап. говоры ливв. наречия) — риаа ~ роаа (средне- и севернокарельские говоры), роота ~ рааа (сегозерский говор) — рајета (ливв. наречие) — рагета (люд. наречие).

В следующих четырех картах рассматривается конечная огласовка двух и трехсложных слов. Ауслютная огласовка слова является одним из важных признаков, на основании которого карельский язык разделяется на три наречия, например, адра 'плуг', silmä 'глаз' (собственно-карельское наречие) — адру, silmü (ливвиковское наречие) — адр(е), silm(е) (людиковское наречие).

Карты 32—35 отмечают интересное явление фонетики карельского языка: лабиализацию гласных е и і перед согласными т, ү в средне- и севернокарельских говорах. напр., lukomah ~ lugomah 'читать', väkövät ~ vägövät 'крепкие', lämbümät 'теплые' (ср. ü lugemah, vägevät, lämbimät — ливв., люд. нар.).

Далее прослеживается явление сохранения і-ового дифтонга перед сочетанием согласных sk, šk, sr, št (карты 36, 37). Определено, что в собственно-карельском наречии этот дифтонг сохраняется laiska 'ленивый', muista 'помнить', paista 'печь', тогда как в ливвиковском и людиковском наречиях конечный компонент дифтонга отпадает (lašku ~ lašk(e), mušta-, pašta). В уменьшительно-ласкательных дистрибуция противоположная: akkaset ~ akkazet 'жены' (дем.) (с.-кар.) — akkaizet (ливв., люд.).

Собственно-карельское наречие, с одной стороны, и южнокарельские, с другой, различаются по наличию в начале слова и слога согласного j или ċ (карты 42—44): jūri 'корень', jogi 'река', karja 'скот' (с.-кар.) — ċūri, ċogi, karċa (ливв., люд.). Названные наречия различаются также по наличию и отсутствию конечного согласного п в числительных и наречиях (карты № 47—50): kaheksan 'восемь', üheksän 'девять', ennen 'раньше', ekläen 'вчера' (с.-кар.) — kaheksa, üheksä, enne, egläi (ливв., люд.).

Карты № 58—68 определяют характер качественных чередований ступеней согласных, поскольку они своеобразно представлены в собственно-карельском (ld ~ ll, rd ~ rr, nd ~ nn) и ливвиковском наречиях (ld ~ l, rd ~ r, nd ~ n). В людиковском наречии эти сочетания не чередуются: (kielä — ~ kiellän 'запрещать', pirdä — ~ pīrrän 'рисовать', tüöndä — ~ tüönnän 'отправлять') и (kielä — ~ kielän, pirdä — ~ pīrän, tüöndä — ~ tüönän.) В трехсложных же словах сочетания mb, nd, rd, ld в ливвиковском наречии чередованию не подвергаются: vanhembat 'родители', izändät 'хозяйева', kumardun 'я поклонюсь', humaldun 'я опьянею'.

Карты № 73—99 посвящены такому важному явлению фонетики карельского языка, как дистрибуция свистящих (s, z) и шипящих (š, ž) согласных в различных говорах. Выявление этих согласных определяется в начале, середине, конце слова, перед гласными переднего и заднего ряда, перед и после гласного і, в сочетаниях с согласными k, t, n, p. Дистрибуция этих со-

гласных является одним из определяющих признаков, на основании которого наречия отличаются друг от друга. Северно- и среднекарельские говоры относятся в подавляющем большинстве случаев к так называемым шипящим, тогда как ливвиковское и людиковское наречия характеризуются свистящими согласными, например, lapši 'ребенок', šukšet 'лыжи' (с.-кар.) — lapsi, suksi (ливв., люд.). Д. В. Бубрих исследует этот вопрос специально в статье «Свистящие и шипящие согласные в карельском языке»,¹⁰ которая не потеряла своей актуальности и до сих пор.

Следующая группа карт (№ 102—112), посвящена проблеме фонологического статуса палатализованных согласных t, h, l, f в позициях перед гласными переднего ряда и в аусляте слова. Определено, что в среднекарельских говорах и в людиковском наречии перед переднерядными гласными e, i значительно чаще выступает палатализованный согласный, нежели в севернокарельских говорах и в ливвиковском наречии, например, pepä 'нос', liha 'мясо', rihta 'нитка' (севернокар. говоры, ливв. диал.) — hepä, lpa, fihta (среднекар. говоры, люд. нар.).

Выше были названы центральные вопросы фонетики карельского языка. В большинстве своем они в большей или меньшей мере обсуждались в опубликованных ранее работах финских языковедов,¹¹ которые Д. В. Бубрих, без сомнения, знал и учел при составлении своей программы.

Следующие 72 карты направлены на выявление морфологических особенностей диалектов и говоров карельского языка. Карты 113—132 выявляют особенности в области именного словоизменения: определяются падежные окончания генитива мн. числа, партитива, эссива, транслатива, внутренне- и внешнеместных падежей, падежные формы личных местоимений. Карта № 121 показывает, что в ливвиковском и людиковском наречиях инессив и элатив совпали в едином падеже с окончанием —s, тогда как в собственно карельском названные падежи формально отличаются друг от друга, например, mečäs 'в лесу, из леса' (ливв., люд.) — mečäššä 'в лесу', mečäštä 'из леса' (с.-кар.). Особенности функционирования внешнеместных падежей представлены в карте № 123. Собственно-карельское наречие характеризуется совпадением адессива с аллативом в пользу адессива с окончанием — (l)la, (l)lä; в южнокарельских же говорах адессив имеет окончание -l, аллатив же — -le, например, ukolla 'у старика, старику' (с.-кар.) — ukol 'у старика', ukole 'старика' (люд., частично ливв.).

Особенности глагольного спряжения сосредоточены в картах № 140—173. В них определяются лично-числовые окончания, признаки наклонений, временные формы глагола, отрицательное спряжение. Особое внимание уделяется возвратным формам глаголов, имеющим специальные показатели в южнокарельских диалектах (карты № 164—172). Приведем в качестве примеров карты № 140, 144, 145, из которых выявляется дифференциация лично-числовых окончаний в презенсе и имперфекте.

Презенс

1 л. мн. ч.— —mmä, -mmä (с.-кар.) niämmä	-mmo, -mmö (ливв.), näimmö	-mme (люд. пад.) nägemme
2 л. мн. ч.— —tta, -ttä -niättä	-tto, -ttö näittä	-tte nägette

Имперфект

1 л. мн. ч.— —ma, -mä (läksimä)	-mmo, -mmö (lähtimmö),	-mme lähtimme
2 л. мн. ч.— -ja, -jä, ta, -tä (läksijä)	-mmo, -mmö (lähtimmö), -tto, -ttö (lähtittä)	tte lähtitte

Большой интерес вызывает карта № 155, показывающая формы перфекта условного наклонения, которые в южнокарельских диалектах не являются аналитическими, как это имеет место в собственно-карельском наречии, а строятся с помощью показателя -(i)zi, присоединяющегося к усеченному активному причастию на -pu, -nü, например, *ostanu(i)zin* (ливв., люд.) — *olisin oštan(un)* (с.-кар.) 'я купил бы'.

Далее анализу подвергаются именные формы глагола: инфинитив, деепричастия, причастия (карты № 174—186).

Морфологическая часть диалектологического атласа карельского языка по объему уступает его фонетической части. Вызвано это, по-видимому, тем, что вопросы исторической морфологии карельского языка исследованы слабее, нежели исторической фонетики. До сих пор отсутствуют фундаментальные исследования по словоизменению имени и глагола как в историческом, так и в синхронном аспекте.

Карты 186—209 посвящены вопросам лексики. Здесь представлены существительные, прилагательные и глаголы. В атлас отобраны те лексемы, которые наиболее ярко отражают междиалектные различия, такие, например, как *hura* 'левый' (ливв., люд.) — *vašen ~ važen* (с.-кар.) (карта № 202); *päčči* 'печь' (ливв., люд., среднекар. говоры) — *kiukua ~ kiugua* (с.-кар.) (карта № 198); *kielastusa ~ kielastada* 'лгать' (ливв.) — *muanittua ~ muanittada* (люд.) — *valehella* (с.-кар.) (карта № 203); *ellendiiä ~ elgeta* 'понимать' (ливв., люд.) — *toimitada* (сев. люд. говоры) — *malttua* (с.-кар.) — *ümmärtüä* (калев. говор) (карта № 204).

Опираясь на лингвистические данные, Д. В. Бубрих делает вывод о том, что существовавшая ранее теория происхождения карельского народа от племени Хяме является неверной. Карельский народ составил из элементов Карьяла и Вепся.¹² Другими словами, карельский народ, равно как и язык, на котором он говорит, является самостоятельным прибалтийско-финским народом. Помимо этого Д. В. Бубрих делает вывод, которого до сих пор придерживается советское финно-угроведение: «Карельский язык содержит три наречия: собственно-карельское (в Средней и Северной Карелии, а также в Калининской и соседних местах), ливвиковское (у восточного побережья Ладожского озера и дальше в глубь Олонецкого перешейка) и людиковское (узкой полосой вдоль восточного края ливвиковского наречия, недалеко от Онежского озера). Эти наречия разбиваются на диалекты, а те, в свою очередь, на говоры. Ливвиковское и людиковское наречия относительно близки друг к другу, и оба резко противостоят собственно-карельскому. Это противостояние настолько значительно, что существенно затрудняет взаимопонимание. Замечательно, что ливвиковское и людиковское наречия ближе к вепсскому языку, распространенному южнее, чем к собственно-карельскому наречию».¹³

Диалектологический атлас карельского языка является ценным лингвистическим исследованием, в котором нашли отражение многие вопросы сравнительной и исторической фонетики и морфологии карельского языка. Он значительно расширяет наши представления о говорах карельского языка, дает сведения по тем населенным пунктам, которых в настоящее время больше не существует. Исходя из этого, необходимо ставить вопрос о скорейшей публикации атласа, причем в том виде, в каком он существует.

Литература

- ¹ Важнейшие постановления о Карельской Трудовой Коммуне. Петрозаводск, 1921. С. 18.
- ² Ровио Г. Проблемы языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурм. край. 1931. № 1—2. С. 16—22.
- ³ Там же. С. 16.
- ⁴ Стенограмма Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР от 25 апреля 1931 г. Партархив Карельского Обкома КПСС. ф. 3, оп. 2, д. 560, л. 12—100.
- ⁵ Бубрих Д. В. Инструкция к собиранию материалов по финско-карельским говорам // Тр. Краевед. комис. ЛОИКФУН. Л., 1928. Вып. 2. С. 1—10.
- ⁶ Керт Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих. Л., 1975. С. 24—25.
- ⁷ Бубрих Д. В. Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. 2-е изд. Петрозаводск, 1946.
- ⁸ Диалектологический атлас карельского языка / Сост. Д. В. Бубрих, А. А. Беляков; Отв. ред. Н. И. Богданов, М. М. Хямяляйнен. Петрозаводск, 1956 (рукопись).
- ⁹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 39—40.
- ¹⁰ Бубрих Д. В. Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах // Учен. зап. ЛГУ. 1948. № 105. С. 129—159. См. также: Virtaranta P. Eteläkarjalaisten murteiden s // Suomi, 1947. 104, Hki.

¹¹ *Genetz A.* Kertomus Suojärven pitäjämästä ja matkustuksistani siellä v. 1867 // Suomi, 1870. N 2, 8; Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Hki., 1880; Tutkimus Aunuksen kielestä. Hki., 1884; Vepsän pohjoiset etujoukot // Kieletär, 1872—1873; *Ojansuu H.* Karjala-Aunuksen äännehistoria. Hki., 1918; Juho Kijola Äänneopillinen tutkimus Salmin murteesta // Suomi, 1910. 4, Hki., 1931; *Leskinen E.* Tulemajärven murteen vokalismit. Hki., 1933; *Ahtia E. V.* Karjalan kielioppi // Suojärvi. 1938; *Nirvi R. E.* Sulstamon keskusmurteen vokalismit // Vähäisiä kirjelmää. 1932. Hki., 80.

¹² *Бубрих Д. В.* Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Изв. Карело-Финской н.-и. базы АН СССР. 1948. Вып. 3. С. 47.

¹³ Там же. с. 44.

О ТОПОНИМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ

Д. В. БУБРИХА

Основоположник советского финно-угроведения член-корреспондент АН СССР проф. Д. В. Бубрих занимался не только историей финно-угорских языков. В поле его зрения находились отдельные вопросы фольклора, этнографии, археологии, этнонимии и топонимики.

У Д. В. Бубриха нет ни одной чисто топонимической работы, но в его многочисленных трудах по финно-угорским языкам, особенно в тех, что были посвящены изучению диалектов карельского языка, а на основе этого — освещению истории карельского народа, содержится немало тонких, чрезвычайно ценных замечаний, которые могли бы лечь в основу солидных исследований по прибалтийско-финской топонимике.

Знания и интуиция выдающегося лингвиста, превосходного знатока многих языков позволяли ему делать выводы обобщающего характера, например: «Вся Финляндия и вся Карелия, до южного их предела, содержит ясную саамскую (лопарскую) топонимику. Несомненно, древние прибалтийские финны в Финляндию и Карелию еще не простирались — там в то время обитали еще саамы».¹

О былом расселении саамов Дмитрий Владимирович, опираясь на топонимические данные, писал неоднократно: «В VI—VIII вв. Карельский перешеек был очень слабо заселен. Там обитали, вероятно, только редкие и малочисленные саамские (лопарские) группы, оставившие следы в местной топонимике».²

Позднее саамам пришлось уступить эту территорию новым пришельцам, из которых затем составилось племя корела. Утвердившись в северо-западном Приладожье, корела, как считает ученый, не предпринимала вначале крупных передвижений: «Целый ряд фактов, в частности, названий мест, свидетельствует о том, что в IX—X вв. даже бассейн озера Сайма и соседних озер был территорией, где и Ямь и Корела действовали как на „ничьей“ территории...»³

Граница между прибалтийско-финским населением и саамами была подвижной, саамы шаг за шагом оттеснялись к северу от 60-й параллели, что находит отражение в топонимии. Так, по мнению Д. В. Бубриха, на территории современной Средней и Северной Карелии карелы появились после Ореховецкого мира (1323 г.).

Ранее же «это были земли постепенно возникавших „лопских (т. е. лопарских) погостов“, самым южным из которых был Линдозерский на р. Суне, а самым северным — Панозерский на р. Кеми. Лопари отмечаются в этих местах и местными названиями (с. Лобское, т. е. Лопское, у северо-восточного берега Онежского озера, гора Лобская, т. е. Лопская, у северо-западного берега Онежского озера, невдалеке от его северной оконечности, и т. д. без конца)...».⁴

«В XIV веке северная и средняя Карелия представляла собой еще лопарскую „пустыню“, — пишет Д. В. Бубрих в другой работе. — В середине этого века лопь простиралась на юг до Онежского озера... На незначительном расстоянии от наиболее северных ливвиковских и людиковских поселений начинались так называемые лопские погосты... Ливвики и людики сохраняют яркое воспоминание о лопарях как о северных соседях. Они до сих пор называют страну к северу от себя, начиная с мест по среднему и верхнему течению р. Суны, равно как население, обитающее в этой стране, *Lannu*».⁵

Даже на рубеже XIV и XV вв. в Средней и Северной Карелии «географическая номенклатура долго продолжала считаться с лопью, но не с корелой. Лопские погосты сохраняли свое название очень долго. Современный карельский берег еще в „Книге Большому чертежу“ именовался Лопским», — продолжает Д. В. Бубрих.⁶ Эта мысль варьируется им: «В административной практике термин „Лопские погосты“ (охватывавший все погосты в Средней и Северной Карелии) удерживался и тогда, когда никаких лопарей в этих местах не было».⁷ О термине «Лопские погосты» и о названиях мест, производных от слова «лопь», Бубрих пишет в статье «Из этнонимии Карелии».⁸

Заслуживает внимания еще одно замечание ученого относительно географических названий, указывающих на пребывание саамов в Карелии: «Небезынтересно также, что то же *Sooma*⁹ проникло к русским не только в том значении, которое соответствовало позднейшим обстоятельствам, т. е. для обозначения племени Сумь, но и в более древнем значении и в последнем случае могло обозначать лопарей; ср. Сумозеро, р. Сума, Сумостров, Сумский посад и т. п. как раз в местах, где долго держались лопари».¹⁰

В ряде работ Д. В. Бубрих касается вепсской топонимии: «...названия вроде *Вси* на нижнем Волхове вблизи Ладоги (Старой)»¹¹ свидетельствуют о пребывании выходцев из древней Веси — предков современных вепсов — на нижнем течении реки Волхова, по которой проходил важный торговый путь «из варяг в греки».

Элементы Волховской Чуди — «пестрое скопление выходцев из разных прибалтийско-финских племен», среди которых значительную роль играли выходцы из Веси, влились в состав легендарной Корелы, одно из подтверждений чему Бубрих видит в топонимии. Так, он пишет: «Топонимические и другие языковые обстоятельства удостоверяют, что корела впитала в себя различные другие „чудские“ элементы».¹²

Д. В. Бубрих проводит в связи с этим топонимические параллели: «Характерно, что некоторые местные названия Нижнего Поволжья оказались перенесены на Карельский перешеек (ср. хотя бы *Вси* на нижнем Волхове, недалеко от Ладоги и *Verpsä* на Карельском перешейке)». ¹³

Впрочем, учитывая ряд обстоятельств, ученый допускает, что элемент «вепсá» в топонимии Карельского перешейка, возможно, следовало бы «относить не за счет заволховской *Веси*, а за счет населения из мест, близких к Новгороду». ¹⁴

По утверждению Д. В. Бубриха, с IX в. начались передвижки вепсов из мест своего первоначального обитания (между реками Волховом и Свирью) в разных направлениях: на Олонецкий перешеек (низовья рек Олонки и Видлицы прежде всего), на побережье Онежского озера (как западное, так и восточное) и далее в Заволочье (район рек, стекающих в Белое море). ¹⁵

Следы этих передвижек Бубрих видит в названиях вепсского происхождения. «В этих местах археологические данные поддерживаются ранним употреблением термина *чудь* и *весской* (т. е. *вепсской*). — *Н. М.*) топонимикой». ¹⁶

Ссылаясь на данные топонимики, Д. В. Бубрих утверждает, что *чудь*, на которую жаловался Лазарь Муромский, основатель монастыря на восточном берегу Онежского озера, есть не что иное, как *весь*: «Заметим, что как раз эти места изобилуют *весской* топонимикой. Поражает выдержанностью вепсская трактовка свистящих и шипящих в районе озера *Водлозеро*: перед нами *Канзаннаволок* и т. д. и *Варишпельда* и т. д.». ¹⁷ И далее: «К востоку от Онежского озера *Весь* пользовалась западным входом в Заволочье, путем Онежское озеро—р. *Водла* с притоками—р. *Онега*, с которой можно было перебраться и на Сев. *Двину*. Это доказывают типичновесские названия мест, типично-весская топонимика (поздней даты: обычно со свистящими, а после *i* — с шипящими — и т. п.) в этих местах». ¹⁸

О Заволочье, входы в которое долгое время удерживала *весь*, он писал: «От Белого моря, с одной стороны, и от Онежского озера, с другой, выходы из *веси* проникали в богатое пушниной Заволочье. Топонимика ясно намечает область проникновения *веси* в эту последнюю страну. Эта область ограничена „сверху“ линией, идущей от северного конца Онежского озера скорее на северо-восток, чем на восток... *Весь* имела поселения на Верхней *Онеге*..., на *Ваге*... и дальше до *Пинеги* (тут замечательная весская топонимика)». ¹⁹

«Археологические материалы, — по словам Д. В. Бубриха, — доказывают существование в Заволочье островков прибалтийско-финского населения, именно *Веси*. Это относится особенно к западному притоку Сев. *Двины* *Ваге* и восточному ее притоку *Пинеге*, где, кстати, весское название селения *Kekriälä* приводится в уставной грамоте *Святослава* в виде *Кегрела* и сохраняется по сей день в виде *Кевроль*». ²⁰

В Заволочье *Весь* встречалась с *Мерей* (древним финноязычным племенем), проникавшей туда через южный вход по р. *Юг*: «На

это есть указания в топонимических материалах А. И. Попова», — пишет Д. В. Бубрих.²¹ Далее он развивает мысль о постепенном ослабевании влияния Веси в Заволочье в связи с усилением русской колонизации его в XII—XIII вв. (была освоена Сев. Двина, за юго-западным входом в Заволочье возник русский город Вологда, за южным — город Великий Устюг): «В распоряжении Веси остался лишь западный, онежский, вход в Заволочье. За этим входом она действовала довольно долго (что вполне согласуется с поздним звуковым видом весских следов в местной топонимике)».²²

В одной из его статей этот же западный вход в Заволочье (система Онежское озеро—Водлозеро—Сев. Двина) назван северным: «... у северного входа в Заволочье, в бассейне реки Водлы (включая оз. Водлозеро), наблюдается топонимика с ярко выраженными особенностями речи Веси не слишком древней даты».²³

На основании топонимических данных ученый видит следы («намек») пребывания веси у юго-западного входа в Заволочье и за ним, в бассейне р. Сухоны, но «эти намеки неопределенны».²⁴ В целом же, как замечает Д. В. Бубрих, «топонимика Заволочья..., к сожалению, не дает нам в желательном количестве справок насчет веси. Дело в том, что в древности специфичность речи веси была выражена относительно слабо, и весского происхождения названия в громадном количестве случаев невозможно распознать как таковые».²⁵

«Все же, — пишет далее Владимирovich, — в некоторых названиях проглядывает веская, а не какая-нибудь иная специфика».²⁶ В качестве доказательства ученый приводит топоним Вологда, говоря, что «при объяснении этого названия можно ориентироваться только на весское валгэд, воугэд 'белый' (в других прибалтийско-финских языках, кроме отдаленного ливского, д в этом слове успело исчезнуть)».²⁷

В работах Д. В. Бубриха приводятся объяснения еще ряда географических названий: исторический топоним Биарманланд (Биармия) и более позднее соответствие ему — Пермь, а также Кандалакша, Карелия, Ладога, Тивдия, Турку, Чудово, Чудское озеро, Ютландия.

Ученый рассматривает происхождение и значение некоторых этнонимов, называемых им «терминами», например, *анты*, *венеды*, *вятичи*, *емь-Няте*, *ижора*, *карелы*, *квены-каяны*, *ливвики*, *людики*, *саамы*, *тевтоны*, *финны* — *Suomi*, *чудь*.

Специально этнонимике посвящена одна из работ Бубриха, в которой он пишет: «... этнонимика разъясняет нам кое-что в истории заселения Карелии».²⁸

О том, какое значение вообще придавал Д. В. Бубрих топонимике, говорит хотя бы такое его замечание: «Сведения о Кореле до середины XII века почерпаются из западных источников. Их восполняет то, что дают археология и изучение названий мест».²⁹

Отсутствие каких-либо специальных высказываний о характере и границах распространения карельской по происхождению топонимики (в сравнении хотя бы с вепсской и саамской) можно предположительно объяснить тем, что таковой является большая часть географических названий Карелии, и семантика их порой достаточно прозрачна. Но отдельные топонимы карельского происхождения имеются и за пределами Карелии, о чем писал Бубрих в связи с топонимическими заметками одного из первых финно-угроведов России М. Кастрена. Кастреном, по словам Д. В. Бубриха, «громадное внимание уделяется топонимике. Хотя далеко не все объяснения географических названий у Кастрена верны, однако, можно сказать, что Кастрену вполне удалось доказать былое распространение карел до нижней половины течения Сев. Двины. Мысль Кастрена о том, что топонимические следы карел простираются до бассейна Мезени, оказалась, однако, неверной».³⁰

Оценивая труды тех, кто стоял у истоков финно-угроведения в России, Д. В. Бубрих отмечал их вклад в изучение географических названий Севера, где проживает или проживало финноязычное население. Так, особую заслугу первого русского академика — финно-угроведа А. М. Шегрена Бубрих видит в том, что «он в полной мере оценил значение собственных названий, как свидетелей языкового прошлого изучаемой территории. Он затрагивал и географические названия, и фамилии, распространенные в населении».³¹

«Топонимические изыскания», представленные в работах Шегрена, по мнению Д. В. Бубриха, «ничуть не хуже многих топонимических изысканий последующих десятилетий. Ими нельзя пренебрегать и теперь».³²

Д. В. Бубрих отмечает заслуги и других ученых в изучении собственных названий Севера России. Но его слова: «В этой области оформление результатов изучений еще впереди»,³³ — применимы и к нашим дням.

В программе сбора диалектологического материала, составленной Бубрихом, одним из первых разделов является раздел топонимики (запись местных названий объектов, прилегающих к поселению, которое подвергается обследованию).³⁴

Следует обратить внимание на тот факт, что сам Д. В. Бубрих, несмотря на огромные познания в области лингвистики, был предельно осторожен и избегал излишней категоричности при этимологизировании отдельных топонимов.³⁵

Итак, если собрать воедино все высказывания Дмитрия Владимировича Бубриха по вопросам топонимики, то создается общее впечатление о том, какое большое подспорье при научных исследованиях он видел в географических названиях. На них ученый ссыался при распутывании сложнейших вопросов этногенеза прибалтийско-финских народностей, контурно вычерчивая ареалы распространения саамской, вепсской, карельской топонимики с попутными указаниями на отдельные их свойства и особенности.

В настоящее время началась и ведется работа по сплошному топонимическому обследованию территории Карелии и сопредельных

с ней областей, что позволит со временем перейти к развитию региональных принципов исследования и к созданию детальной лингвоэтнической карты всего Русского Севера.³⁶ Можно надеяться, что тогда будут уточнены, останутся в силе и получат дальнейшее подтверждение замечания Д. В. Бубриха по прибалтийско-финской топонимии всего Севера европейской части СССР.

Литература

- ¹ Бубрих Д. В. О древней прибалтийско-финской речи // ИКФНИБ АН СССР. Петрозаводск, 1949. № 1. С. 51.
- ² Бубрих Д. В. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы» // Тр. юбил. науч. сессии, посвящ. 100-летию полн. издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 145.
- ³ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947. С. 31.
- ⁴ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа ... С. 38.
- ⁵ Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалт.-фин. языковедение. Л., 1971. Вып. 5. С. 16.
- ⁶ Там же. С. 16.
- ⁷ Бубрих Д. В. О советском финно-угроведении // СЭ. 1949. № 2. С. 194.
- ⁸ Бубрих Д. В. Из этнонимии Карелии // Советское финно-угроведение. Л., 1948. Т. 1. С. 127.
- ⁹ Saamte — самоназвание саамов, а в передаче древних германцев Soomta служило у тех для обозначения и финнов и саамов, откуда позднее прибалтийское Suomi — самоназвание племени, обосновавшегося около современного города Турку (Або). См.: Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа ... С. 17—18.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа ... С. 23.
- ¹² Бубрих Д. В. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы» ... С. 146.
- ¹³ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа... С. 33.
- ¹⁴ Бубрих Д. В. Не достаточно ли емских теорий? // ИКФФ АН СССР. 1950. № 1. С. 88.
- ¹⁵ Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа ... С. 11.
- ¹⁶ Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа ... С. 11.
- ¹⁷ Там же. С. 10.
- ¹⁸ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа ... С. 27.
- ¹⁹ Бубрих Д. В. Не достаточно ли емских теорий?... С. 88.
- ²⁰ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа ... С. 28.
- ²¹ Там же. С. 28.
- ²² Там же. С. 29.
- ²³ Бубрих Д. В. 15 лет работы секции языка Научно-исследовательского института культуры КФССР // Материалы юбил. сессии Учен. совета НИИ культуры Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947. С. 67.
- ²⁴ Там же. С. 67.
- ²⁵ Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа. С. 12.
- ²⁶ Там же. С. 12.
- ²⁷ Там же. С. 12. (В основе русской формы названия города Вологда лежит вепсский гидроним, имеющий значение «белая (река)».)
- ²⁸ Бубрих Д. В. Из этнонимии Карелии ... С. 128.
- ²⁹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа ... С. 31.
- ³⁰ Бубрих Д. В. Финно-угорское языковедение в СССР // Финно-угорский сб. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 96.

³¹ Там же. С. 87 (Имеются в виду работы Шегрена о Заволочской Чуди, Еми и о топонимии Санкт-Петербургской губернии).

³² Там же. С. 91.

³³ Бубрих Д. В. Финно-угорское языкознание в СССР. С. 123.

³⁴ Бубрих Д. В. Программа по собиранию материала по диалектологическому атласу карельского языка. 2-е изд. Петрозаводск, 1946.

³⁵ Писатель Лев Успенский приводит один весьма любопытный и поучительный факт «нерешительности большого ученого» при выявлении происхождения топонима Лодейное Поле. В действительности — это хорошее предостережение всем, кто склонен делать скоропалительные выводы в топонимике, не имея на то достаточных оснований (Успенский Л. В. Имя дома твоего: Очерки по топонимике. Л., 1967. С. 45—46).

³⁶ Матвеев А. К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // ВЯ. 1989. № 1. С. 78.

*

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БУБРИХ — СЛАВИСТ

Удивительно много открытий сделано нашими предшественниками в науке. Иные из их наблюдений настолько прочно стали всеобщим достоянием, что на первоисточник уже и не ссылаются. И напрасно: легковерные молодые люди воспринимают это как предложение вовсе забыть о первоисточниках, щедро черпать из них. Рыцарственность ученых прошлого, отдававших должное даже оппоненту, который упреждал в исследовании общей темы, щепетильность в указании первоисточника идеи, благородство в научном споре — как давно это было, как прочно забыто! Известные события 30—50-х годов потребовали «забыть» иные имена. И стали мы говорить о Р. И. Аванесове, якобы выявившем диалектное членение русского языка (нельзя было поминать Н. Н. Дурново), стали забывать об этимологиях Г. А. Ильинского, приписывая их совершенно другим лицам, заклеями А. А. Шахматова «кадетом» и разом покончили с целой ветвью отечественной филологии, дав возможность деятелям типа Аванесова перекраивать идеи академика на усредненный салтык фаззавуча. По-видимому, такова основная причина, почему до сих пор мы живем в забывчивости — не помним имен и открытий, забываем традиции нашей науки, перекраиваем ее по заимствованным схемам.

Как славист Д. В. Бубрих — тоже из числа пострадавших на этом Деле и в таких «делах».

Он начинал как ученик А. А. Шахматова, но в старом смысле понятия — «ученик». Не подпевала и аллилуйщик, а — продолжатель. Он начинал как славист, даже уже — как русист-диалектолог, потому что первой его работой было описание русского говора, по типу близкого к тому, что Шахматов только что сам описал. Но, как и всегда в своей работе, Д. В. Бубрих и здесь внес присущие ему особенности: свою точку зрения на предмет, совершенно иную тональность описания материала, достигая важных для науки результатов. Впоследствии все так и было, Бубрих обычно начинал исследование в русле идей и материалов Шахматова, но затем «чуть-чуть» уклонялся в сторону и в результате своеобразного подхода к теме прокладывал новый путь в интерпретации, казалось бы, известных фактов. У нас есть возможность убедиться в этом, потому что и работы Бубриха, и его личные высказывания сохранились.

Описывая пустошенский (территориально-среднерусский) говор, Д. В. Бубрих, на первый взгляд, описывает как будто те же особенности: Шахматов тоже отмечал остатки цоканья в архаических среднерусских говорах, тоже обнаружил в них архаическое произношение «узких», напряженных о и е [т. е. (ò) и (è)], тоже заметил различия в произношении подударных и безударных гласных. Внешне все то же, но общий замысел описания у Бубриха уже совершенно иной, чем у Шахматова. Д. В. Бубрих говорит о «составе» гласных и согласных (как делал это и Шахматов), но тут же он описывает взаимные связи гласных и согласных в пределах слога: не отвлеченность «звука», но вещная конкретность «звучания» интересует молодого ученого, описывающего соотношения звуков в реальном их сочетании, а не изолированно. Тогда выясняется, что отмеченное и Шахматовым противопоставление гласных ò и о (также è и е) материально воплощается в различном проявлении гласных и согласных в слоге: произношение без «промежуточных» гласных в одном случае [вòс произносится как (вос)] и наличие таких нестационарных полугласных при переходе звучания от согласного к гласному и от гласного к следующему согласному [вòз произносится как (в^ос^ос)]. Отметив это, Д. В. Бубрих затем усложняет конкретное описание и формулирует иначе: разрушение оппозиции ò : о происходит «в результате ослабления лабиализации»,¹ что, в свою очередь, вызывает редукцию гласных в безударных слогах. Одновременно, как следствие, возникает характерное для системы «новое отверждение согласных».² На живых чередованиях звуков в границах слога исследователь по существу моделирует фонемное противопоставление (еще, разумеется, не называя его этим термином). Механистическое описание диалектной фонетики становится объяснением диалектических взаимодействий разных фонетических уровней (звучание в слоге), фонологии (оппозиции гласных по системному признаку) и морфонологии (чередования звуков в морфеме как следствие «перенесения» внимания с гласного на согласный или наоборот). «Лингвистическое мышление, — полагает он, — вообще мало склонно к образованию новых звуковых категорий; если представляется возможным, оно подводит вновь возникающие звуки, несколько уклоняющиеся от привычных типов, под рамки привычных звуковых категорий».³ Так, в приведенном примере с различием «двух о» или «двух е» мы имеем дело с явлением, которое сегодня московским коллегам угодно называть «эффектом Кузнецова»: по «следам» произношения окрестных звуков можно моделировать противоположности фонемного уровня; например, мягкость согласного перед е из исконного «ятя» и полумягкость согласного перед е из исконного е показывают, что древнее противопоставление è и е сохраняется в говоре на уровне слога, хотя фонетически эти гласные как будто и не различаются.

В наблюдениях Д. В. Бубриха важнее другое. «Фонетика говора» — это вовсе не «анализ по позициям»; автор показывает, что

форма звучащей речи подчиняется динамическому импульсу системы, который, будучи задан, как бы «простегивает» все синтагматически важные участки этой звучащей речи («фонетики» в широком смысле). Импульс же этот, возможность развития всегда задается столкновением, — столкновением систем, в данном случае — систем южнорусских и севернорусских говоров.⁴ Как результат каскада взаимозависимых преобразований фонетической формы возникает «пересмысление» самой системы ведущих признаков различия и сходства. В этом также важное отличие в объяснениях Д. В. Бубриха: его интересуют не столько отвлеченные по характеру различия, сколько конкретные сходства сопоставляемых элементов системы (так, *ê* и *e* конкретно сходны в звучании, но отвлеченно различаются по сочетаемости с другими компонентами слога). С другой стороны, проблема внешнего столкновения диалектных систем (севернорусских с южнорусскими) важна и как объяснение материального субстрата нового (в новых условиях возникшего национального) литературного языка, потому что «среднерусские говоры, развившиеся из некоторой суммы подобных столкновений, и стали диалектной базой нового литературного языка».

Это всегда остается характерной особенностью научной школы А. А. Шахматова, естественно, и его ученика, Д. В. Бубриха — также. Новые идеи формулируются в старых понятиях и выражаются с помощью хорошо известных терминов — иначе они оставались бы непонятными для современников. Строго говоря, таков вообще переходный этап в развитии научного знания — этап открытия, а не обоснования этого открытия, и тем более — не создания вокруг него нового метаязыка. В общей перспективе развития славистики не следует забывать тех, кто выработал новое представление о системе языка путем осторожного моделирования на хорошо описанном и тщательно проработанном материале естественного слова, причем языка, для исследователя родного.

Конечно, таким первоначальным толкованиям не достаёт новизны мышления. Наука еще не готова принять открытие, фактически уже совершенное, открытие скрывается пока за сложностью чрезмерно фонетизированной терминологии. Еще сильно желание все системные связи языка в диалектике их развития свести к «праславянским» корням. Однако не забудем и того, что реконструируемые «праформы» в исследовательской практике исполняли тогда функции «системы»: в начале века система понималась как обобщенное знание об объекте, а не как связь элементов этого самого объекта. Разница как будто не очень значительная, но на самом деле меняющая и отношение исследователя к самому языку — объекту исследования.

Так, Д. В. Бубрих, говоря о развитии праславянских носовых гласных, конкретно, — о «третьем носовом», чрезвычайно загадочном и до сих пор однозначно не истолкованном,⁵ — реконструирует разные этапы изменения этого гласного, то есть опять-таки поступает в соответствии с практикой Шахматова, описывая изменение столь же педантично фонетически и столь же неубедительно по существу.

Однако вместе с тем он говорит и о том, что поэтапность развития нового гласного в системе праславянского языка определялась не внутренними его свойствами, а каждый раз связана с вхождением в систему новых гласных, которые перестраивали саму систему гласных (а это уже почти современное нам понимание сути дела). Вдобавок, хронологически все изменения гласных праславянского языка оказываются (и так описаны) связанными с параллельными изменениями согласных, вступающих в сочетание с гласными в границах слога.⁶ Все это также позволило надежно представить относительную хронологию изменения; открытие, сделанное при описании живого говора, Бубрих распространяет теперь на изучение исторического изменения, пользуясь найденной закономерностью как типологическим масштабом.

«Морфологизованное сознание» Д. В. Бубриха позволяет ему объяснить многие затруднительные вопросы. Очень остроумно, например, он объясняет знаменитое несовпадение в ударении форм вин. падежа ед. числа имен женского рода с основами на -а в литовском (всегда на корне) и славянском (нет оттяжки ударения на окончание согласно закону Фортунатова—де Соссюра); по его мнению, это результат совмещения двух типов склонения (на основы -ā и -iē) с последующим обобщением либо исконно восходящего тона (как в древних основах на -ā), либо исконно нисходящего (как в древних основах на -iē).⁷ Постоянное совмещение словообразовательного и акцентного аспектов в истолковании морфологических изменений важно не только как пример комплексного подхода к реконструкции на уровне синтагменных блоков текста, но и как продуктивная возможность объяснить многочисленные колебания в славянских говорах специально в таких (подобных только что рассмотренной) формах, и особенно — при краткосложном корне с образованием новоаккутовой интонации типа вѡля (Н. ван-Вейк, Хр. Станґ и др. вынуждены были даже допускать особый тип склонения с ѡiā, что не находит подтверждения в славянских фактах). Объяснение Бубриха кажется удачным.

Наконец (в то время и это было внове), Д. В. Бубрих отказывается признать зависимость древнеславянских фонетических изменений от древнейших интонаций — не все идут на это кардинальное решение еще и сегодня. Так, различное изменение праславянских дифтонгов (при нисходящей интонации в и, при восходящей — в ѡ), по мнению ученого, имеет совершенно иное объяснение, определяется количественными отношениями древнеславянского слога: если слог был долгим — рефлексом прежнего дифтонга стал монофтонг (ѣ), если кратким — (i).⁸ В этих ранних разработках постепенно оформлялась самая важная мысль Д. В. Бубриха относительно праславянских просодических признаков: «Праславянское ударение и скрывающиеся за ним индоевропейские интонации — вещь, с которой необходимо самое осторожное обращение. Говорить направо и налево о первоначальности ударения или интонации прием совершенно недопустимый. Конечно, нельзя аргюи сказать, чтобы всякая непервоначальность была совсем невозможна, — но

всякая предполагаемая непервоначалность должна быть предметом самого серьезного обследования, и непервоначалности могут допускаться лишь поединично, а не повзводно или поротно».⁹ Методически неверно объяснять происходящие изменения тем, что и само по себе является пока «исследовательским иксом»: «Известно, с какой легкостью лингвисты-сравнители швыряются праиндоевропейскими и праславянскими интонациями. Интонации — это для них универсальное средство объяснить что угодно. Нет почти ни одного трудного вопроса из области вокализма, куда бы ни припутали интонаций: в слогах с одной интонацией гласный давал одно, а в слогах с другой интонацией тот же гласный давал другое. В обстановке очень ограниченного знакомства с праиндоевропейскими и прочими интонациями и чрезвычайно легкого отношения к различию первоначального и непервоначалного это швыряние интонациями — не наука, а игра».¹⁰

Тут мы переходим к наиболее важным результатам Д. В. Бубриха, которые связаны уже с его акцентологическими исследованиями.

Дмитрий Владимирович осудил акцентологов за чрезмерную увлеченность материалами южнославянских языков, сохранивших до наших дней различия в интонациях (восходящая и нисходящая); по его мнению, «сербофильство» Шахматова в этом отношении привело к недооценке данных, представляемых акцентологическим реконструкциям другими славянскими языками, прежде всего западнославянскими. В результате у Шахматова, полагал Бубрих, представлена слишком сложная просодическая система праславянского языка, она перенасыщена различными типами интонаций, долгот и акцентов (ударений). Необходимо тщательно описать «акцентологические типы слога» в праславянском языке (кстати, сегодня и это соображение также безосновательно приписывают другим исследователям, например В. А. Дыбо). В частности, необходимо отказаться от мысли, будто в праславянском языке существовали сверхдолгие и полудолгие слоги (при наличии кратких и долгих). Бубрих был первым, кто со всей ясностью высказал эту мысль: «Итак, из четырех количественных разновидностей слога остаются лишь две — долготы и краткости», хотя наряду с тем выделяется и другой различительный признак системы: «Ударение устойчивое и рецессивное».¹¹ Строгим дихотомическим разбиением двух признаков строится четкая иерархия в системных оппозициях (различия по интонациям сведены к сочетанию количества с иктусом — ударением), а тем самым сделан первый шаг к современным представлениям о праславянских акцентных парадигмах. Дихотомичность классификации впоследствии была подхвачена акцентологами (и доведена до крайности в трудах Р. О. Якобсона), равно как и идея морфологичности просодических признаков (по их функции — см. работы Ю. Куриловича и Хр. Станга). При этом Д. В. Бубрих, разумеется, не отвергает у Шахматова «все». Наоборот, новая интерпретация праславянской просодической системы делает особенно ясными заслуги Шахматова в изучении славянской акцентологии:

открытие им новоаккутовой интонации, которая как раз и связала долготу с иктусом, стала «фонологическим ударением» в праславянском (это термины нашего времени, Бубрих говорит об «устойчивом ударении на долгом слоге»¹²). Одновременно Д. В. Бубрих показал взаимную историческую обусловленность открытых его учителем акцентных закономерностей (опять-таки, к стати сказать, иные из них сегодня носят имена других ученых, вовсе не Шахматова).

Так и в этом случае новое представление о праславянской системе и ее развитии драпируется пока в старые термины и определения, только с точки зрения современной акцентологии вполне уясняется новаторская сущность работ Д. В. Бубриха в славянской акцентологии. Он находился на близких подступах к системному описанию столь запутанных фактов, он расчистил путь для последующих авторов, убирая с дороги второстепенные и несущественные признаки в своих реконструкциях.

Методологическое новаторство ученого вполне всего определяется в большой его работе, посвященной изучению севернокашубской акцентной системы. Эти говоры кашубского языка в начале века только что описаны, стараниями того же Шахматова изданы грамматика и словарь. Д. В. Бубрих предлагает свое объяснение странностям архаичной акцентной системы, которая как будто близка к польской, но отчасти напоминает и архаические севернорусские говоры.

Любовь к иллюстрации посредством типичных примеров, к таблицам и четким определениям проявляется у Д. В. Бубриха и в этой работе. Попарные классификации акцентных типов слов шаг за шагом, в логической последовательности устранения случайных признаков, подводят автора к выводу, что типы акцентов следует рассматривать в увязке их с флексиями: грамматическая парадигма как бы развивает парадигму акцентную, на первых порах поддерживая ее, так что становится очевидным «морфологизованный характер» ударения.¹³ Акцентные парадигмы фактически описываются, хотя еще и не называются акцентными. Подчеркивается зависимость акцентных изменений от характера производных. Словообразование диктует правила выбора новых акцентов. Например, отглагольные имена существительные (и прилагательные) в отличие от прочих имен утрачивают окончное (сильное) ударение — мысль об особом акценте на отглагольных именах впоследствии неоднократно появляется в ранних работах Ю. Куриловича. При этом существенно: автор четко различает «умозрительную» и «эмоциональную» плоскости в оценке ударения, морфологизацию акцентных типов толкует еще чисто психологически, в духе своего времени и, возможно, не без влияния И. А. Бодуэна де Куртене, лекции которого слушал в университете (зависимость от идей последнего постоянно ощущается в контексте ранних работ Д. В. Бубриха, но это — самостоятельная тема, подчеркивающая роль научной школы в творчестве ученого, который явным образом этого влияния не отмечает). Во всяком случае, переход от

фонетичности шахматовских объяснений к «морфологичности» как главному пункту исследования вполне объясняется и общей устремленностью Д. В. Бубриха к грамматической парадигме как носителнице морфологических признаков слова. Таково его системное описание синхронной системы, которое может дать материал и для внутренней реконструкции (в славянскую акцентологию вводится надежный западнославянский материал). Последовательно проведенное в исследовании Бубриха «снятие» исторически установленных срезов-«систем» — от севернокашубской в ретроспективе через промежуточные системы до индоевропейской — показывает, какова она, «далекая историческая перспектива, в конце которой — единый строгий фонетический закон, разгадка севернокашубской загадки». ¹⁴ И здесь терминология старая (обязательно нужно сказать о «фонетическом законе», хотя говорится о морфологической функции), но смысл новый.

Вообще изучение этой большой работы Д. В. Бубриха поучительно. На сравнении выводов ученого с последующими исследованиями по славянской акцентологии видно, каким образом и как акцентологи подходили к экспликации идей, заложенных их предшественниками, в том числе и в этом исследовании Бубриха. Последний, правда, еще не осознает иерархии акцентных дифференциальных признаков, поскольку и описывает-то всю диалектическую сложность живых (но всегда — архаических!) говоров с многочисленными исключениями в них и «родимыми пятнами» прошлого — т. е. принципиально асистемно, но с выделением динамических фрагментов системы. Однако относительная хронология изменений в акценте строится уже вполне осознанно и на доказательных признаках, прежде всего — на различных моментах утраты редуцированных гласных и последствиях этого процесса. ¹⁵

В книге сделано несколько первоклассных наблюдений, в полной мере еще не оцененных. Так, Д. В. Бубрих, дополняя А. А. Шахматова, говорил о том, что на крайних северных пределах распространения славянских говоров исконная долгота сохранялась на последнем слоге слова, если он оставался подударным, ¹⁶ — это подтверждается и севернорусскими говорами, еще не описанными с этой точки зрения (имеются лишь эмпирические наблюдения над «протяжением конечного слога слова» в этих говорах). Говоря о возникновении интонационных различий в праславянском языке, Д. В. Бубрих утверждал, что это могло произойти еще в эпоху распада индоевропейской общности «как осложнение различия долготы и краткости». ¹⁷ Указывая кашубские примеры, автор предлагал вполне законченные типы акцентных парадигм в связи с количественными характеристиками корневого и флективных слогов. Это также возвращает нас к проблеме поздних праславянских акцентных изменений в связи с количеством и в границах отдельно взятых словоформ. Напекающие прогнозы последующих теорий о праславянских интонациях (например, «ларингальной гипотезы» А. Вайана) содержатся во многих местах этого исследования (ср. толкования о «истинных» и «ложных» дифтонгах на с. 177 и сл.).

Определенно можно сказать, что зародышем многих идей, реализованных впоследствии славянской акцентологией как самостоятельной научной дисциплиной, являются и специально выделенные Д. В. Бубрихом положения о признаках и свойствах праславянской акцентной системы: «В праславянском языке эпохи распада рецессивное ударение комбинирувалось только с краткостью» (с. 177); «в праславянском языке эпохи распада и рецессивное, и устойчивое ударения были в отношении нисходящести и восходящести безразличными» (с. 120); «устойчивое ударение на долгом слоге возникло в результате вторичной встречи ударения и долготы в одном слоге» (с. 138); «в трех-и-более-сложных формах рецессивное ударение заменило устойчивое ударение на третьем от конца слоге» (с. 142) и др. (см. с. 150, 152—154).

К сожалению, как и во многих других случаях, ни конкретные наблюдения Д. В. Бубриха, ни важные его методические установки, в целом безусловно принятые наукой сегодня, не связывают теперь с его именем. Примеров — множество. Вот один из них.

В исследовании, посвященном исторической фонетике кашубского языка,¹⁸ ее автор ни разу не упоминает имени Д. В. Бубриха, хотя основные выводы его исследования, особенно в части ударения, используются в этой книге (см. с. 45, 46, 28—29, 40 и др., в том числе и относительно морфологических функций кашубской про-содии).

Такова судьба ученых, не имеющих охранной грамоты «благодарных» последователей: недобросовестность продолжателей стирает их имена со страниц книг.¹⁹

Книг — может быть, но хочется верить: из науки — никогда.

Литература

- ¹ Бубрих Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей // Изв. ОРЯС. СПб. 1911. Т. 18, кн. 4. С. 319.
- ² Там же. С. 335.
- ³ Там же. С. 321.
- ⁴ Там же. С. 345.
- ⁵ См.: Колесов В. В. Праславянская фонема (ǫ) в ранних преобразованиях славянских вокалических систем // Славянское языкознание. УП МСС: Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 170—195.
- ⁶ Бубрих Д. В. Из праславянской фонетики // Изв. ОРЯС. 1932. Т. 24, кн. 1. С. 284.
- ⁷ Бубрих Д. В. Праславянское gōko, литовское gānpk̄ // Сб. ст. в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 49—52.
- ⁸ Бубрих Д. В. Из праславянской фонетики. С. 281.
- ⁹ Там же. С. 275—276.
- ¹⁰ Там же. С. 283.
- ¹¹ Бубрих Д. В. О трудах А. А. Шахматова в области славянской акцентологии // Изв. ОРЯС. 1922. Т. 25. С. 205.
- ¹² Там же. С. 206.
- ¹³ Бубрих Д. В. Севернокашубская система ударения // Изв. ОРЯС. 1924. Т. 27. С. 65, 101 и др.
- ¹⁴ Бубрих Д. В. Севернокашубская система ударения ... С. 65.
- ¹⁵ Там же. С. 101 и сл.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ Там же. С. 194.

¹⁸ *Topolińska Z.* A Historical Phonology of the Kashubian Dialects of Polish. The Hague; Paris, 1974.

¹⁹ Психологически более понятно замалчивание трудов Д. В. Бубриха зарубежными учеными (подобно многим нашим теперешним соотечественникам, они избирательны в отношении цитирования), хотя и специально для них Бубрих изложил основные выводы своих исследований на немецком и французском языках, см.: Die Akzentlehre von A. Belič // *Zeitschrift für Slavische Philologie.* 1924. Bd. I. Hf. 1/2. S. 171—187. Beiträge zur Urslavischen Lautlehre // *Ibid.* 1925. Bd. II. Hf. 1/2. S. 121—124; Der Umlaut im Urslavischen // *Ibid.* S. 123—124, etc.

Д. В. БУБРИХ И ЕГО ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА

Дмитрий Владимирович Бубрих заслуженно считается создателем советского финно-угроведения. Многие годы занимался он строительством советской финно-угроведческой науки, изучал финно-угорские языки, создавал обобщающие труды по грамматике, фонетике, морфологии отдельных языков, готовил кадры финно-угроведов. Ко времени своей безвременной кончины он изучил уже почти все языки финно-угорской семьи, то есть достиг того уровня знаний, которого ни до, ни после него не достигал еще ни один отечественный финно-угровед.

Особенно большое внимание в 30—40-х годах Д. В. Бубрих уделял изучению карельского языка. В конце 30-х—начале 40-х годов Бубрих со своими учениками провел огромную работу: были изучены карельские диалекты по широкой программе, охватившей более 2000 вопросов, обследовано более 250 населенных пунктов Карелии и часть селений Тверской области.¹ Полученные в результате обширные лингвистические материалы, исследовавшиеся Д. В. Бубрихом в трудные годы Великой Отечественной войны, дали ему возможность проникнуть в глубинные процессы развития языка и этнической истории карельского народа и сделать выдающиеся научные открытия.

До начала 40-х годов русскими и финскими учеными считалось, что карельское население Карелии и Тверского края представляет собой единый этнический массив, существовавший в таком виде с древних времен. Подобная точка зрения нашла свое отражение в первом крупном советском (и шире — русском) труде по ранней истории Карелии — в книге московского историка С. С. Гадзяцкого, изданной в начале 1941 г. Карельским научно-исследовательским институтом культуры.² Однако проведенное Бубрихом и его учениками углубленное исследование карельских диалектов показало ошибочность этого мнения. Оказалось, что карельский народ в течение многовековой истории прошел значительно более сложный путь развития. Изучив собранные к началу 40-х годов обширные языковедческие данные, Д. В. Бубрих сделал выдающееся научное открытие — разработал свою концепцию происхождения карельского народа, вскоре прочно вошедшую в науку и ставшую одним из выдающихся достижений всего советского финно-угроведения.

С первым публичным изложением своей концепции Дмитрий Владимирович выступил вскоре после своего возвращения из эвакуации в родной Ленинград, в начале 1945 г. В это время еще шло восстановление Ленинградского университета после блокады, недавно возобновила свою работу руководимая Д. В. Бубрихом (с 1925 г.) кафедра финно-угорского языкознания, и первый доклад о своем открытии ученый решил сделать на заседании кафедры. Мне (тогда — аспиранту Исторического факультета) посчастливилось присутствовать на этом заседании. Время было еще очень трудное, здание филологического факультета практически не отапливалось, докладчик и слушатели сидели в зимних пальто и рукавицах, да и слушателей было всего человек пять. Доклад был заслушан с большим интересом и получил общее одобрение. На обсуждении доклада выступил и я, привел некоторые археологические данные в пользу концепции докладчика, в частности, рассказал о раскопках В. И. Равдоникаса конца 1920-х гг. в северо-восточном Приладожье. Д. В. Бубрих воспринял этот аргумент и в последовавших затем печатных изложениях своей концепции стал ссылаться на «замечательные раскопки В. И. Равдоникаса».³

Опубликовать в печати свою концепцию Д. В. Бубриху удалось лишь через 2 года,⁴ а затем к изложению и развитию своей концепции ученый обращался неоднократно.⁵

В отличие от более ранних финских и советских исследователей, считавших карельский народ изначально единым этническим массивом, Д. В. Бубрих в результате проведенного под его руководством широкомасштабного языковедческого обследования карельских диалектов пришел к выводу о сложном составе существующего к настоящему времени карельского населения КАССР. В карельском языке четко выявились три наречия — собственно-карельское, ливвиковское и людиковское, между ними были прослежены очень серьезные различия, не позволяющие считать три наречия продуктами распада ранее единого целого. Оказалось, что ливвиковское и людиковское наречия близки друг другу и резко противостоят собственно-карельскому наречию, отличаются настолько, что карел-ливвик или карел-людик с Олонецкого перешейка с трудом понимают карела, живущего в Северной Карелии (собственно карела). И удалось установить, что в прошлом, в XVI—XVII вв., различия между наречиями были еще сильнее. «На определенном рубеже, — писал Бубрих, — собственно карельская речь как бы обрубалась топором и непосредственно рядом начиналась глубоко отличная ливвиковская и людиковская речь».⁶ В прошлом это явно были диалекты разных языков.

Проведенное Д. В. Бубрихом сравнительное изучение показало, что ливвиковское и людиковское наречия стоят гораздо ближе к языку соседней прибалтийско-финской народности — вепсов, чем к диалектам собственно карел; стало очевидно, что в прошлом ливвиковские и людиковские диалекты были диалектами вепского языка. Исследование карельских диалектов подвело исследователя к выводу, что в карельском языке шел не процесс распада ранее

единой карельской речи, а процесс сближения двух глубоко различных типов речи, один из которых был ранее представлен и в вепсском языке.⁷

Этот вывод, сделанный на материалах языкознания, Д. В. Бубрих распространил и на сферу этнической истории карел. По его мнению, так же как и карельский язык, и карельский народ в современном его понимании сложился из двух различных этнических компонентов — из собственно карел и двух групп населения, родственных вепсам. Предком собственно карел было древнее племя корела; предком вепсов было известное из летописи древнее племя весь. В процессе своего этнического развития из древнего племени весь, с одной стороны, сложился вепсский народ, с другой стороны — две обособившиеся группы веси на Олонецком перешейке, вошедшие позднее в состав карельского народа. Причем в результате политических событий XVII в. — завоевания шведами основной территории древнего племени корела — Западной Карелии и массового ухода с этой территории карельского населения внутрь России, в тверской край, — на современном пространстве карельской республики преобладающую часть карельского населения составили потомки древней веси — ливвики и людюки (около 60—70%) и меньшую часть — прямые потомки древней корелы — собственно карелы.

Концепция Д. В. Бубриха была им подтверждена и данными другой языковедческой дисциплины — этнонимимики. Оказалось, что в диалектах ливвиков и собственно карел сохранились древние самоназвания, свидетельствующие, что ливвиков и людюков их северные соседи, собственно карелы, до сих пор называют *vepsä*, а для себя те же собственно карелы сохранили древнее самоназвание *karjala*, но это самоназвание неизвестно у ливвиков и людюков.⁸

Имевшиеся в распоряжении Д. В. Бубриха языковедческие данные позволили осветить этногенетические процессы, происходившие в Карелии в эпоху возникновения классового общества (XI—XIII вв.) и развитого феодализма (XIV—XVII вв.); для изучения тех же процессов в более позднее время требовались чисто исторические материалы и иные методы исследования. Эти задачи еще требуют своего решения. Для Бубриха было лишь очевидно, что в XVIII—XX вв. пошел процесс сближения всех трех этнических компонентов, процесс карелизации ливвиков и людюков.

Этногенетическая концепция Д. В. Бубриха была поддержана советскими учеными и прочно вошла в советскую науку по истории Карелии.⁹

Концепция получила известность и за рубежом.¹⁰

Литература

¹ Бубрих Д. В. 1). Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 3—4; 2) 30 лет советского финно-угорского языкознания // Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск, 1948. С. 139; 3) Не

достаточно ли емских теорий? // Изв. Карело-Фин. фил. АН СССР. 1950. № 1. С. 85.

² *Гадзяцкий С. С.* Карелы в Карелии в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 3. Книга была написана в основном еще по материалам дореволюционной науки, но учитывала и первые достижения советских ученых 20—30-х гг., в том числе и самого автора.

³ *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. С. 6 и др.

⁴ Там же. С. 3—50.

⁵ *Бубрих Д. В.* 1) О двух этнических элементах в составе карельского народа // Учен. зап. ЛГУ. 1948. № 105. Сер. востоковедч. наук. С. 114—122; 2) Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // ИКФНИБ АН СССР. 1948. № 3. С. 42—50; 3) О древней прибалтийско-финской речи // Там же. 1949. № 1. С. 49—50; 4) Отношения между финским и карельским языками // Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1949. Вып. 1. С. 92—97; 5) Не достаточно ли емских теорий? // Изв. Карело-Фин. фил. АН СССР. 1950. № 1. С. 85—86; 6) К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы» // Тр. юбил. науч. сессии, посв. 100-летию полн. издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 142—147; 7) Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958. С. 5—8.

⁶ *Бубрих Д. В.* Историческое прошлое карельского народа ... С. 46.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ *Бубрих Д. В.* Из этнонимии Карелии // Учен. зап. ЛГУ. 1948. № 105. Сер. востоковедч. наук. С. 123—128.

⁹ См.: История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века. Петрозаводск, 1952. С. 40—46; Очерки истории Карелии. Т. 1. Петрозаводск, 1957. С. 42—43; *Жербин А. С., Шаскольский И. П.* Советская наука о происхождении карел // Происхождение карел. Докл. семинара г. Йозенсуу. 30.6.—2.7.1976 г. Йозенсуу, 1977. С. 19—40; *Кочуркина С. И.* 1) Древняя Корела. Л., 1982. С. 5—10; 2) Корела и Русь. Л., 1986. С. 5; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 10—11; 17—18; 32 и др.; см. также: *Керт Г. М.* Дмитрий Владимирович Бубрих. Л., 1975. С. 36—37.

¹⁰ *Vahros M.* Karjalan kansan syntykysymys Bubrihin mukaan // Virittäjä, 1957.

★

ИСТОРИЯ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ В ТРУДАХ Д. В. БУБРИХА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА

Проблема связи истории языка с историей народа является одной из центральных для всех трудов и начинаний Д. В. Бубриха. Наиболее ярко и выпукло она звучит в его работах.¹

В наши дни эта традиционная для русского и советского языкознания проблематика приобретает особую актуальность.

Сегодня с каждым днем все очевиднее становится выделение и самоопределение новой комплексной междотраслевой научной дисциплины — теории и практики этногенеза, отличной и от археологии, и от языкознания.

Этногенез — сфера разных наук. Объект этногенеза — история населения на данной территории во всем многообразии его этнических типов (демогенезис). Объект этнической истории ареала — история тех этносов, которые некогда имели место на данной территории. Именно к этой общей этнографической проблематике наших дней ближе всего сегодня многие положения, высказанные в свое время Д. В. Бубрихом.

В работах Д. В. Бубриха 40-х годов четко выделяются следующие ареальные зоны: Северная Карелия, Средняя Карелия, Южная Карелия, районы Олонецкого перешейка между Волховом и Свирью, Поволховье и Белоозерье.

Северная и Средняя Карелия — это зона обитания лопарей, а позднее собственно карел (карьяла).

Южную Карелию населяли собственно карелы, людики и ливвики. При этом людики занимали преимущественно Прионежье, а ливвики — Олонецкую Карелию.

Собственно Волхов и Поволховье Д. В. Бубрих чаще всего связывал все же с волховской чудью, которая, по его мнению, представляла весьма пестрое этническое образование из разных прибалтийско-финских племен, варягов-скандинавов, восточных славян, чуди.

В Белоозерье обитала весь Белоозера.

Заволочье населяла чужь заволоцкая.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что все эти ареалы почти полностью совпадают и с границами севернорусских диалектов.

Северная Карелия в восточной своей части — зона поморских диалектов Карельского Беломорья.

Южная Карелия в ее русской части — ареал говоров Заонежья. При этом именно в южном Прионежье и в верховьях Свири также выделяется особая подгруппа прионежских говоров.

Вся территория Олонецкого перешейка к югу от Свири, — весь «угол между Волховом и Свирью» — ладого-тихвинская группа диалектов.

Наконец, русские говоры Белозерья издавна выделяются в особую группу. Заволочье, Каргополье — лацкая межзональная группа севернорусского наречия.²

Подобное совпадение ареалов не может быть случайным. Оно свидетельствует о том, что основные границы современных русских диалектов восходят еще к дославянскому периоду истории Русского Севера, а сами эти диалектные зоны сложились в глубокой древности. Восточные славяне унаследовали их, вжились и вписались в них, перенимая многие особенности материальной и духовной культуры, лексики.

Более того, именно данные русских диалектов позволяют сегодня ставить новые вопросы прибалтийско-финской исторической диалектологии и этногенеза.

Так, в свете фактов русских диалектов, и, в частности, по материалам подготовленных к печати томов Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей четко выделяются и такие ареальные зоны и микрзоны, как пашско-волховская и оятская (в рамках общей ладого-тихвинской зоны), верхнесви́рско-прионежская, включающая Обонежье и Вытегру. Последняя, в частности, четко разделяет говоры верхней и нижней Свири. При этом говоры нижней Свири тяготеют к оятской подгруппе.

При весьма значительной общности говоров Заонежья и Пудожья и здесь выделяется несколько микрзон. Так, в определенном отношении Западное Заонежье (к западу от шоссе Кажма—Великая Губа), северное Прионежье (от Шуи и Суйсари до Медвежьегорска), противопоставлены Заонежью восточному, а Заонежье в целом — Пудожью; последнее во многом тяготеет к Заволочью, Каргополью.

Особо следует отметить крупную ладого-белозерско-беломорскую диалектную зону, охватывающую в виде дуги говоры Поволховья, южного Обонежья, говоры по реке Онеге, частично южное Беломорье, но не включающую в себя Заонежье и Прионежье.

По данным русских диалектов, хорошо обособляется собственно Карелия в целом, Белозерье.³

Выделение и обособление всех этих зон никак не может быть объяснено только фактами русской истории XII—XVI вв. и отдельными явлениями в истории русского языка.

Противопоставление северной и южной Карелии — одно из наиболее древних. По-видимому, в Посвирье, в Прионежье, Заонежье жили носители иных диалектов, чем в Беломорье. Возможно, что это и было противопоставление, как свидетельствуют об этом русские летописи, веси и карел лопи и лопским погостам.

Вряд ли действительно Карельский берег Белого моря был освоен карелами ранее XIV в.⁴

Противопоставленность западного Заонежья и северо-западного Прионежья восточному Заонежью уже отмечалась в литературе. Она отражает, скорее всего, хронологически разные этапы ассимиляции местного населения. Западное Заонежье и Прионежье, по-видимому, позднее прошло все стадии культурного и языкового билингвизма, чем восточное.

Противопоставление западно-севернорусского на территории Карелии и восточно-севернорусского наречия в бассейне Онеги отражает, по-видимому, глубокие этноисторические процессы, происходившие во II тыс. до н. э. Возможно, что оно связано, в частности, и с разделением между зонами расселения предков саамов и прибалтийско-финских племен. Так, по мнению А. Я. Брюсова, карельская культура в III тыс. до н. э. простиралась от низовьев Свири на север по берегам Онежского озера до устья р. Выг.

Уже карельская культура имела свои локальные варианты. Каргопольская неолитическая культура располагалась по берегам озер Лача, Воже, Кенозеро, Белое.⁵

Беломорская культура (конец III—начало II тыс. до н. э.) первоначально занимала Онежский, Летний, Зимний берега Белого моря.⁶ По-видимому, также с разными типами дославянского субстрата связана диалектная граница по Свири в районе Усланки—Яндебы.

Отчетливо выделяется особая оятская группа и по данным С. И. Кочуркиной, которая не без оснований предполагает, что в этническом отношении оятская группа населения стоит ближе всего к летописной веси.⁷

Несколько позднее С. И. Кочуркина и А. М. Линевский прямо называют оятские курганы памятниками летописной веси.⁸ Тем самым особо выделенными оказываются опять-таки обширные районы к югу от Ояти, Паши.

Что касается противопоставления оятской и пашско-волховской групп, то археолог В. А. Назаренко также отмечает в Приладожье два отдельных района — южное Приладожье (к югу от Паши) и районы к северу от Паши, Тихвинки — восточное Приладожье. По мнению автора, в южном Приладожье обитала особая прибалтийско-финская группировка — приладожская чудь, а в восточном Приладожье — предки карел — ливвиков и вепсов.⁹

В то же время не только на Ояти, но и южнее отмечена и вепсская топонимия, и саамская, и волжско-финская.¹⁰ В бассейне Волхова и Паши уже с VIII в. большую роль играла Ладога. По мнению современных археологов, Ладога VIII—IX вв. представляла собой многоэтничный межплеменной экономически процветающий центр, который вполне соответствовал складывающейся конфедерации северных племен словен, кривичей, чуди, мери, веси, варягов.¹¹ Многие археологи полагают, что в районах Ладоги к VIII в. обитали и чудь, и лопь.

Показательно, что все археологические и антропологические сведения о скандинавах в Приладожье приходятся преимущественно на бассейн Волхова, Сяси, нижней Паши.

Весьма важны в этой связи сегодня и все замечания Д. В. Бубриха о чудди. По-видимому, действительно чуддь представляла собой пестрое полукочевое межэтническое образование, основные районы которого первоначально располагались в Причудье, Приильменье, Поволховье. Отсюда — с Волхова, Паши, Сяси — она вместе с другими племенами совершала свои походы и миграции в Белозерье, на Онегу, в Заволочье.

Д. В. Бубрих прозорливо обратил внимание на то, что чуддь в русской летописи упоминается непосредственно после варягов, что лишний раз свидетельствует в пользу мнения о том, что чуддь имела полиэтничный характер. Показательно, что термин чуддь, кажется, не применялся к Прионежью, Заонежью, Беломорью.

Обширную сводку данных, в особенности фольклорных, о чудди собрал В. В. Пименов.¹²

Предания о воинственной разбойничьей чудди зарегистрированы у саамов, коми-зырян, русских. Во всех преданиях чудди приписываются нападения, беспощадность, жестокость, сыродядство. Из всех прибалтийско-финских народов предания о чудди известны только вепсам и саамам. По данным В. В. Пименова, наиболее ярко выделяются четыре гнезда таких преданий — Каргополье (Заволочье), низовья Онеги, на нижней Ваге и Двине, а также слабее — бассейн Сяси, Белозерье, южное Обонежье, частично Пудожье. По мнению В. В. Пименова, чуддь преданий — единый народ — прямые предки вепсов.

А. К. Матвеев отметил, что прибалтийско-финская чуддь особо хорошо прослеживается на Кенозере.¹³

Несколько позднее подробная сводка различных древнеписьменных фольклорных и собственно исторических источников приведена в статье Л. Р. Лашук. В ней удачно выделены гипотетические ареально-этнические подгруппы чудди, как-то: прибалтийская чуддь, северодвинская, мезенская, печорская. Автор отмечает, что все предания XVI—XVII вв. говорят о чудди уже как о ком-то, обитавшем очень давно.

Следует согласиться с основным выводом автора, что ни один из ныне здравствующих или существовавших в средневековье народов уральской (финно-угро-самодийской) языковой семьи не может единолично претендовать на то, что легендарная чуддь — это именно он (или его предок) и больше никто.¹⁴ Детальный анализ народов, которых обычно относят к чудди в разных источниках, проведен Р. А. Агеевой.¹⁵ Последний большой обзор разных точек зрения по проблеме чудди см. у П. Лиги.¹⁶

С одной стороны, сегодня при решении чуддской проблемы, конечно, нельзя не учитывать хорошую сводку М. Фасмера в словарной статье «Чуддь».¹⁷ Однако в любом случае чуддская проблема не является ни собственно лингвистической, ни исключительно археологической или этнографической. Загадка чудди — это

типичная комплексная этногенетическая проблема, требующая единого логико-синтетического решения, которая может быть разгадана только совместными усилиями разных наук. Вычленил собственно чудские языковые элементы среди других прибалтийско-финских сегодня уже невозможно. Если пока оставить в стороне Заволочье и бассейн Онеги, то на западе основной ареал и чудской топонимии, и фольклорных сведений о чуди удивительно совпадает с территорией традиционных западных (новгородских) диалектов северновеликорусского наречия (от Чудского озера на западе до бассейна Свири, Чагоды и Кобожи на востоке). При этом нельзя не отметить исключительную однородность этих говоров, отсутствие здесь резких диалектных границ. В целом эта однородность сохраняется до районов верхней Луги, Плюссы, Приильменья. Можно думать, что и дославянское население на всей этой территории было редким и весьма однородным. Дославянский этап этих говоров представлен здесь древней топонимией на -жа, -ш, -а (*Верегжа, Лемовжа*), -ма (*Волма, Зетьма*), -оя (*Палуя, Лепуя*), ч — а (*Усвяча, Холмача*), кш — а (*Прикуша, Пукша*).

Скорее «чудь» — это самоназвание некогда одного из финно-угорских племен, основной центр которых первоначально располагался именно в Причудье, Полужье, Поволховье к югу от Кондеги, Капши.

Значение слова *чудь* 'преследователь, разбойник, враг', которым оно обросло позднее во всех языках, контактировавших с чудью, по-видимому, как раз присвоено чуди извне, со стороны, ее соседями.

Исторически именно чудь и была, по-видимому, первым прибалтийско-финским народом, который встретили восточные славяне на своем пути.

Наконец, ареал преданий и сведений о чуди в целом почти полностью совпадает и с выделенной выше обширной русской диалектной зоной, охватывающей говоры юго-восточного Приладожья, южного Обонежья, частично Белозерье, Каргополье, бассейн Онеги и исключаящий как раз говоры Заонежья.

Такое совпадение фактов также вряд ли является случайным. Напротив, можно думать, что в самом формировании этой необъяснимой на русской почве диалектной зоны свою немалую роль сыграла и чудь.

Последнее свидетельствует о том, что и чудь, и ряд других племен, которые шли с нею на восток, проникли на Онегу позднее из районов Приладожья и Обонежья. Древние районы обитания чуди — Причудье, Приильменье, бассейны Плюссы, Луги, Волхова, Мсты. Здесь сведения о ней сохранились уже только в ономастике; более поздние — Каргополье, Онега, Вага, Кольский полуостров — ареалы коми, саамов. Здесь предания и факты о чуди более свежие, яркие.

В определенный исторический период, возможно, именно с приходом и продвижением новгородских словен и кривичей, чудь

постепенно покидает Причудье, Приильменье, Поволховье. Какое-то время она держится в районах г. Ладоги и в Приладожье, а потом и совсем уходит на северо-восток, где и начинается новый активный этап ее жизни в Заволочье, на реках и озерах Севера среди коми, саамов, этап, столь ярко отразившийся в преданиях о чуди.

Позднее новгородцы по своим психологическим представлениям и ассоциациям действительно стали называть чудью и эстов, и воль, и вепсов, и ижор, что отнюдь не отменяет самостоятельности бытования этих народов.

В целом русские говоры к югу от Капши, Кондеги, Паши исторически развивались, по-видимому, на территории, где и ранее неславянское население было довольно редким и не тождественным по своему типу и характеру населению к северу от Паши, Кондеги, верховьев Капши.

Вряд ли следует сомневаться в том, что основные типы локальных зон сложились задолго до прихода славян на север и восходят по крайней мере к III тыс. до н. э.

Таким образом, истоки формирования всех этих ареалов лежат в истории дославянского, а частично и дофинского населения Севера европейской части СССР.

Такие историко-культурные зоны и микрозоны формировались тысячелетиями и передавались от носителей одних культур и этносов к другим.

Литература

¹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947; Этнонимика Карелии и ее историческое значение // Науч. конф. по вопр. финно-угорской филологии. Тез. докл. Л., 1947. С. 101; Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // ИКФНИБ АН СССР. Петрозаводск, 1948. № 3. С. 42—50; О двух этнических элементах в составе карельского народа // Учен. зап. ЛГУ. 1948. № 105. С. 114—122.

² Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915. Диалектологический атлас русского языка. М., 1986. Т. I. 1987. Т. II. (Атлас создан еще в 40—60-е гг.); Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970; Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964; Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1973.

³ Герд А. С. Русские говоры в бассейне реки Оять // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188—195; К истории образования говоров Беломорья // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987. С. 94—103; К истории образования говоров Посвирья // Севернорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4. С. 174—180; К истории говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 206—214.

⁴ Очерки по истории Карелии. Петрозаводск, 1967. Т. 1. С. 59.

⁵ Брюсов А. Н. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.; Л., 1952. С. 100 и др.

⁶ Панкрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.; Л., 1964. С. 98.

⁷ Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. С. 60—64.

⁸ Кочкуркина С. И., Линецкий А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 172—180; 194—198.

- ⁹ Назаренко В. А. Об этнической принадлежности приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 156.
- ¹⁰ Кочуркина С. И., Ливевский А. М. Курганы ... С. 194—198.
- ¹¹ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 212; Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север. Л., 1986. С. 3—29.
- ¹² Пименов В. В. Вепсы. М.; Л., 1965.
- ¹³ Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР: Автореф. дис ... д-ра фил. наук. Свердловск, 1970. С. 27.
- ¹⁴ Лашук Л. Р. Чудь историческая и чудь легендарная // ВИ. 1969. № 10. С. 208—216.
- ¹⁵ Агеева Р. А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. М., 1970. С. 194—203.
- ¹⁶ Ligi P. Tšuudid ajalookirjanduses // Keel ja kirjandus. 1980. N 10. С. 610—616.
- ¹⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. 4.

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ПЕРВОМ ДИРЕКТОРЕ

Д. В. Бубриха я видел неоднократно в коридорах предвоенного филологического факультета ЛГУ, в состав которого входило тогда и финно-угорское отделение. В 1938 г., побывав впервые в фольклорной экспедиции в Карелии, организованной кафедрой фольклора ЛГУ совместно с Карельским научно-исследовательским институтом культуры, я познакомился со студентом нашего факультета — финно-угроведом, уже сотрудничавшим с карельским институтом, — Николаем Ивановичем Богдановым, вепсом по национальности, и преподавателями финно-угорского отделения финном Матвеем Михайловичем Хмяляйненем и карелом Александром Антоновичем Беляковым, с которыми мы после войны около полутора десятков лет работали вместе в Петрозаводском Институте истории, языка и литературы. От них я и услышал впервые о Дмитрие Владимировиче Бубрихе — их учителе и тогда уже знаменитом ведущем советском финно-угроведе.

Познакомился я с Д. В. Бубрихом и ближе узнал его только в 1947 году, когда переехал из Ленинграда в Петрозаводск и стал сотрудником Института, директором которого он был. История моего перехода из аспирантуры при кафедре фольклора филологического факультета в Петрозаводский институт такова. Весной 1947 г. в Петрозаводск были приглашены на совещание, связанное с предстоящим в 1949 г. 100-летием полного издания «Калевалы», мои университетские учителя — М. К. Азадовский и В. Я. Пропп. Во время совещания возник вопрос о завершении комплектования сектора фольклора, который и взял бы на себя основные организационные заботы о юбилее. Он должен был стать не только всесоюзным, но и всемирным юбилеем. Требовался готовый переехать в Петрозаводск фольклорист, который мог бы заведовать сформировавшимся сектором. М. К. Азадовский и В. Я. Пропп рекомендовали меня, зная, что я еще до войны успел побывать в трех фольклорных экспедициях в русские районы Карелии и в семинаре М. К. Азадовского занимался русским фольклором Карелии. Несомненно, что в решении рекомендовать меня весьма важную роль сыграло то, что я принадлежал к кругу учеников М. К. Азадовского, активно сотрудничавших с КарНИИ Культуры. Мой приезд в Петрозаводск воспринимался как обеспечение непрерывности работы

его фольклорной секции после арестов 1937—1938 гг. (Н. Н. Виноградов и др.). Силами студентов в последние годы перед войной была подготовлена целая серия книг — «Сказки Ф. П. Господарева» (Н. В. Новиков, 1941), «Русские плачи Карелии» (М. М. Михайлов, 1940), «Былины Пудожского края» (Г. Н. Парилова и А. Д. Соимонов, 1941), «Народное творчество Карело-Финской ССР» (В. В. Чистов, 1940). За ними должна была последовать следующая серия книг, которые готовили младшие участники семинара, в числе которых был и я. В предвоенные годы М. М. Михайлов, А. Д. Соимонов, Г. Н. Парилова по мере окончания университета приезжали в Карелию на постоянную работу. Меня же обуревали сомнения. Не прошло еще двух лет, как я демобилизовался, вернулся в Ленинград, поступил в аспирантуру и с наслаждением окунулся в океан книг в ленинградской Публичке, библиотеке Академии наук, университетской библиотеке, от которых был оторван на долгие четыре года войны. И теперь снова уезжать из Ленинграда!? Но М. К. Азадовский и В. Я. Пропп стали меня решительно уговаривать. Карелия — фольклорная страна, я не только до войны занимался русским фольклором Карелии, но и в аспирантуре избрал тему, связанную с ним («Поэтическое наследие И. А. Федосовой»). И главное — Петрозаводский институт возглавляет один из самых выдающихся ленинградских филологов — Дмитрий Владимирович Бубрих. При том — это прекрасный человек, очень доброжелательный и интенсивно работающий. Работать с таким директором — большая удача.

Мне вспомнился разговор с М. К. Азадовским, который произошел примерно годом раньше. Вернувшись из армии и наконец дождавшись возможности заниматься любимым делом, я испытывал жажду, жадность, с трудом сдерживаемую ревность (пусть мне простит читатель невольный архаизм) к делу, за которое я принялся. Все было интересно и хотелось непомерно много. И вскоре я обнаружил, что я не успеваю сделать то, что хочется и обязательно надо. Я пожаловался как-то Марку Константиновичу. Он посмотрел на меня ласково и, наклонив голову, как это он обычно делал, сказал: «Ну а кто же успевает? Никто не успевает!»

Потом, немного помолчав, вдруг произнес: «Впрочем нет. В Ленинграде есть два человека, которые поспевают — Жирмунский и Бубрих. Только два человека, остальные не поспевают». Я не ручаюсь за точность воспроизведенных слов, но смысл их был именно такой. Мне тогда представлялось, что чем крупнее ученый, тем больше у него дел. Как же они поспевают? Я заглянул в каталог Публичной библиотеки и убедился в том, что Д. В. Бубрихом опубликовано много. Он начал печататься еще в 1914 г., едва окончив университет.

Я понял, что работать под началом такого директора мне будет действительно интересно, тем более в Карелии, которая мне уже в предвоенные годы казалась «своей», и я решил. До отъезда я должен был официально представиться Д. В. Бубриху. Для этого я был приглашен на его квартиру на Васильевском острове. Дмитрий

Владимирович был очень приветлив. Но что я мог рассказать о себе? Воевал, демобилизовался, поступил в аспирантуру. В студенческие годы бывал в экспедициях, читал доклады в семинарах у М. К. Азадовского, Б. М. Эйхенбаума, Г. А. Гуковского, напечатал одну рецензию и записи былин от И. Т. Фофанова. Война заставила повзрослеть, но все еще впереди. Дмитрий Владимирович обо всем этом внимательно расспросил. При этом не чувствовалось никакой снисходительности, только дружеское желание оценить перспективы. Особенно заинтересовал его замысел моей диссертации. Имя И. А. Федосовой было ему хорошо известно, и он высказал идею, которую я смог оценить только через несколько лет, когда вслед за моими занятиями русскими причитаниями У. С. Конкка, а за ней и позже А. С. Степанова взялись за карельские причитания. Д. В. Бубрих сформулировал тогда удивившую меня проблему: «Я пробовал читать карельские причитания, но, честно говоря, ничего в них не понял. Они полны лингвистических и этнографических загадок и неясностей. Может быть, когда-нибудь до них доберетесь». Исследования У. С. Конкки и А. С. Степановой действительно показали, что поэтическая система карельских причитаний поразительно архаична, — она в значительной степени построена на метафорических заменах, формировавшихся в условиях ритуального табуирования определенного круга понятий (слов). То, что в русских причитаниях обнаруживалось как рудименты древней системы, в карельских представало в удивительно хорошо сохранившемся виде.

Удивило меня и другое. Когда я пришел к Дмитрию Владимировичу, он сидел на стуле около обеденного стола, на котором был невообразимый беспорядок. Немытая посуда была сдвинута от края, где лежали какие-то развернутые книги, а писал Дмитрий Владимирович, положив на колени какую-то папку. Я не был в других комнатах его квартиры и не знаю, был ли там письменный стол, но и позже я неоднократно видел Дмитрия Владимировича работающим в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях. Петрозаводчане, которые были в годы войны в эвакуации в Сыктывкаре, рассказывали мне, что частенько видели Д. В. Бубриха в очереди в магазин или в столовую, углубленного в книгу, делающего выписки и пометки и совершенно отрешенного от всего, что творилось вокруг.

Когда я работал в Карельском институте, я неоднократно был свидетелем умения Дмитрия Владимировича сосредоточиться и поразительно быстро проделать работу, на которую большинству сотрудников института обычно требовалось гораздо больше времени. Он не только мог быстро прочитать чужую работу, но и отредактировать или даже переработать ее.

Мне сейчас трудно вспомнить точно, в каком именно году произошло то, о чем я собираюсь рассказать. Вероятно, это было в самом конце 40-х—начале 50-х гг., может быть, в 1949 или 1950 г. Один из его учеников, родом карел, человек отнюдь не молодой, составил словарь своего родного диалекта. Материал,

видимо, был богатый и во многих отношениях интересный. Однако способ оформления лексического материала, вошедшего в словарь, не удовлетворил Д. В. Бубриха. И он вдруг объявил, что на несколько дней исчезает из института, просит забыть, что он в Петрозаводске (в Петрозаводске он бывал наездами, продолжая работать и в Ленинградском университете, и в Институте Языка и мышления). Он заперся на несколько дней в квартире составителя словаря и решительно «перелопатил» его работу. В результате, как рассказывали сотрудники сектора языкознания, возникла одна из лучших диалектологических работ первых послевоенных лет.

Я намеренно не называю фамилии составителя словаря, так как боюсь оказаться неточным и сознаю, что подобного рода воспоминания должны проверяться документально. Я же опираюсь только на собственную память и разговоры сотрудников тех лет между собой. Может быть, это и легенда, но она очень характерна — так все мы думали тогда о творческих возможностях Дмитрия Владимировича и об интенсивности его деятельности. Заглядываю в библиографию его работ, напечатанную в книге Г. М. Керта «Д. В. Бубрих», и убеждаюсь в том, что для подобных «легенд» (если это только были легенды!) были бесспорные основания. Так, под 1947 годом значится 20 позиций, под 1948 — тоже 20, под 1949 — 11 и среди них книга «Грамматика литературного коми языка».

Директорские обязанности Д. В. Бубрих выполнял весьма своеобразно. Снова оговорюсь — я далеко не всегда был свидетелем «внутренних» разговоров в дирекции, в которую в то время входили в качестве заместителя директора Е. С. Гардин и ученого секретаря — Н. И. Богданов. Первый из них как бы замещал Д. В. Бубриха между его приездами в Петрозаводск и в его функции входило общение с отделом науки ЦК КП Карелии и в какой-то мере руководством Филиала Академии наук. Эти официально-служебные дела, как я помню, не очень интересовали Дмитрия Владимировича. Тем более что Е. С. Гардин не то, чтобы оберегал директора от лишних забот, а, скорее, стремился изолировать его от некоторых из них, придавая своей собственной деятельности явно преувеличенное значение («я согласовал с ЦК...» или «мы в ЦК договорились...», «я получил ответственное указание...» и т. д.). Д. В. Бубрих в таких случаях тут же соглашался и стремился заняться собственно научными делами.

Мои официальные разговоры с Дмитрием Владимировичем происходили чаще в комнате сектора, а не в дирекции. Он любил подсесть к кому-нибудь и просил рассказать, чем он (или она) занимается. Выслушивал очень терпеливо и внимательно, старался включиться в размышления сотрудника, вместе с ним подумать о том, как преодолеть возникающие трудности, найти необходимые методические приемы. В такие приходы все мы, сотрудники сектора литературы и народного творчества, а не только я, заведовавший в это время сектором, старались не пропустить ни одного его слова, ни одной его интонации. Все мы были молоды и неопытны, только

начинали свой путь в науке, были очень по-разному осведомлены в основах наук, которыми занимались. Но это никак не влияло на манеру его бесед с нами. Дмитрий Владимирович без тени снисходительности вникал в наши дела и терпеливо старался помочь. Его знания были весьма широки, а исследовательский опыт велик. В этом мы были убеждены и бесконечно доверяли ему и его доброжелательности. Правда иногда, после его ухода, некоторые сотрудники просили еще раз повторить и истолковать сказанное, несмотря на то, что говорил он достаточно просто и ясно. Но с этим нам, как правило, удавалось справляться.

Вспоминая обо всем этом, я не могу не признать, что другого такого директора я не встречал ни в тех учреждениях, где я служил, ни в тех, где мне приходилось бывать. Сами функции директора он понимал весьма своеобразно и, особенно по тем временам, необычно. Руководить, считал он, значит помочь, когда это возможно.

А времена были нелегкие во всех общественных науках, в том числе и в языкознании. Как и в других областях науки и искусства, здесь складывалась все более жесткая авторитарная система. В каждой сфере нужен был ведущий марксистский авторитет. В театре это был МХАТ, в физиологии — Павлов, в биологии — Лысенко и Мичурин, в литературе — Горький и Маяковский. В языкознании кандидатом в такие абсолютные авторитеты был Н. Я. Марр. Ни у кого теперь нет сомнения в том, что Марр был одним из крупнейших языковедов XX века. Однако его сочинения мало годились на роль цитатника. Он был человеком бурного ученого темперамента, со всей свойственной ему энергией часто пересматривал свои взгляды, отваживался на самые неожиданные обобщения. При всем этом, как ни удивительно, это теперь, на протяжении нескольких лет официально утверждалось мнение, что марризм — это и есть истинно марксистское языкознание. При этом из фрагментов, выхваченных из самых различных по назначению работ Н. Я. Марра, конструировалась некая догматическая система, всякие отклонения от которой осуждались.

По рассказам самого Д. В. Бубриха, его отношения с Н. А. Марром складывались весьма своеобразно. Марр за несколько лет до смерти предложил Дмитрию Владимировичу организовать при Институте материальной культуры, который он возглавлял, кабинет финно-угроведения. Бубрих сказал ему, что это вряд ли возможно, так как многое в так называемом «новом учении о языке» Марра не принимает и пока не может принять. Н. Я. Марр, который не был лишен агрессивности в дискуссиях с неприемлющими «новое учение», очень добродушно отвечал на это, что надо поработать вместе, привыкнуть друг к другу и товарищески поспорить. Видимо, он был все-таки далеко не столь агрессивен, как записные «марристы»-догматики 40-х годов, которые организовали травлю многих замечательных ученых за «отступления» от марризма. В Карелии особенно неистовствовал заведовавший сектором языка Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН

СССР В. И. Алатырев, человек малообразованный и в научном отношении бесплодный. «Марристская» кампания преследования Дмитрия Владимировича была для него средством остаться «на плаву». Каждое заседание Ученого совета и даже каждое профсоюзное собрание превращалось в митинг, на котором вновь и вновь провозглашались лозунги борьбы с немарристским языкознанием. Одним из постоянных доводов, который должен был убедить присутствовавших в том, что Д. В. Бубрих не-маррист или недостаточно маррист, был тот, что он занимается темами, которыми не занимался Н. Я. Марр.

Д. В. Бубрих не дожид до появления статей И. В. Сталина по вопросам языкознания, в которых разоблачался марризм как вульгаризация марксизма. Корифеем научного языкознания стал считаться сам Сталин. Трудно предположить, что это облегчило бы жизнь Д. В. Бубриха. Но можно не сомневаться в том, что атаки догматиков-«марристов» укоротили его жизнь. Он скончался еще полной сил, не дожив до 60 лет.

Припоминается еще одна, может быть, и не столь уж значительная история, которая в последний год жизни Бубриха тоже основательно потрепала его нервы. В каком-то издании Коми филиала АН появилась как будто вышедшая из недр старого губернского краеведения статья Н. И. Шишкина, в которой возродилась «емская» теория происхождения коми.

Д. В. Бубрих резко отрицательно отнесся к этой статье и не мог на нее не ответить. Статья «Не достаточно ли емских теорий?» была написана, но Дмитрий Владимирович уже не увидел ее в печати (см. Изв. Карел. фил. АН СССР. Петрозаводск, 1950, № 1. С. 80—92). Статья Н. И. Шишкина раздражала его не только своей научной несостоятельностью, но и тем, что автор прикрывал невежество демагогическими политическими обвинениями тех, кто окажется с ним не согласен.

Уже после смерти Д. В. Бубриха состоялось обсуждение этой его статьи в составе рукописи очередного тома «Известий Карельского филиала». Все тот же В. И. Алатырев и кто-то из историков, оперируя аргументами Н. И. Шишкина, предприняли попытку не допустить статью Дмитрия Владимировича к печати. Прозвучали все те же политические обвинения. Но замысел этот был сорван выступлениями И. П. Шаскольского (в те годы он был сотрудником Карельского филиала), А. М. Линевского и моим. Успех в борьбе с политиканством, не прекратившимся даже после кончины ученого, был закреплен статьей И. П. Шаскольского, напечатанной в том же номере «Известий Карельского филиала АН СССР» в качестве комментария к произошедшему спору («О емской теории Шегрена и ее последователях») и к статье Д. В. Бубриха «Не достаточно ли „емских“ теорий?» (там же. С. 93—102).

Из многих бесед с Д. В. Бубрихом (в институте, в гостинице, где он останавливался, в ленинградском поезде и т. д.) особенно памятливы мне три. Первая из них связана была с тем, что до занятий финно-угроведением, которые начались участием в мор-

довской экспедиции, организованной А. А. Шахматовым, Дмитрий Владимирович занимался славистикой (см. список его работ в книге Г. М. Керта, о котором мы уже упоминали), в частности кашубами (ляшской народностью, близкой к полякам, на территории Западной Пруссии; между двумя мировыми войнами они оказались в составе Польши, в так называемом «польском коридоре», которым обеспечивался ее выход к морю). Я не преминул заметить, что в последние месяцы службы в армии уже после конца Великой Отечественной войны часть, в которой я служил, была расквартирована в Пройсиш Нойштадте (ныне Вейгерово) и в Цопоте (ныне Сопот), в «польском коридоре», и под влиянием своих студенческих занятий славистикой и польским языком (в частности, под влиянием книги И. А. Бодуэна де Куртэне «Кашубский язык») я разыскивал кашубов, чтобы послушать живую кашубскую речь. Я рассказал об этом и о том, что фашистское правительство заставляло кашубов отказаться от своей национальности и приказало объявить себя просто немцами (то же самое происходило и с лужицкими сербами в юго-восточной Германии). Кашубы из солидарности с польским народом, несмотря на очень реальную угрозу попасть после этого в лагерь или подвергнуться другого рода репрессиям, демонстративно объявляли себя поляками. Я спрашивал местных жителей, как мне найти кашубов, но мне отвечали, что здесь все поляки, хоть и некоторые из них кашубы, то есть этническое самосознание под влиянием кровавых политических событий стало превращаться в локальное и групповое (кашубы — поляки, но одновременно и кашубы).

Вторая памятная мне беседа или, точнее, несколько бесед на одну и ту же тему касались цикла работ Д. В. Бубриха по проблемам этногенеза карел на основе лингвистических (диалектологических и сравнительно-языковедческих) данных. Это была небольшая книжечка «Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере» (Петрозаводск, 1947), удивительно емкая и выразительно написанная, доклад на такую же тему на одной из финно-угроведческих конференций, статья «Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных» (ИКФНИВ АН СССР. 1948. № 3 и др.). Я не могу воспроизвести эти беседы дословно. Память сохранила лишь общие очертания их. Мой интерес к этой тематике объяснялся в те годы не только общим интересом к истории карел, но и интенсивным обсуждением проблем этногенеза (в годы войны и в первые послевоенные годы) этнографами, историками, лингвистами. В частности, проблема этногенеза славян и восточных славян была отягощена многими политическими спекуляциями, которые смущали меня, прикоснувшегося к этим темам еще в предвоенные студенческие годы, когда подобного рода споры были значительно содержательнее в научном отношении.

И наконец, в 1947—1949 гг. мы много раз возвращались к проблемам карельского эпоса и «Калевалы» Э. Леннрота. В феврале 1949 г. отмечалось, и причем довольно широко, 100-летие первого полного издания «Калевалы». По должности мне пришлось выпол-

нять функции ученого секретаря Правительственной комиссии, которую возглавлял О. В. Куусинен. В отсутствие Д. В. Бубриха происходили заседания комиссии — я его информировал о них. Мне приходилось ездить в Москву к О. В. Куусинену с докладами о ходе подготовки к юбилею. Особенно сложны были вопросы, связанные с научной сессией, которая должна была состояться в дни юбилея и за которую отвечал наш институт, так как целому комплексу научных проблем придавался политический характер. Руны, которые легли в основу «Калевалы», были записаны преимущественно от карел. Поэтому все возможные разговоры о западнофинском (и даже вообще — финском) происхождении рун решительно пресекались. В официальном названии юбилея удалось удержать формулу «Карело-финский эпос» не потому, что официальные руководители республики понимали значение «Калевалы» в истории финской культуры, а только потому, что сама республика в это время называлась Карело-Финской. Впрочем, надо оговориться, — О. В. Куусинен как человек, получивший в свое время хорошее финно-угроведческое филологическое образование, понимал все эти проблемы гораздо глубже и серьезнее, — это прозвучало потом в его официальном докладе на торжественном заседании. Вопрос об этнической принадлежности «Калевалы» он связывал с особенностями развития феодализма в Финляндии и Карелии. Но были вопросы, которые волновали и О. В. Куусинена. Ему не нравилась вступительная статья Д. В. Бубриха к русскому изданию «Калевалы» 1933 г. (издательство «ACADEMIA»), в котором излагались популярные в то время в финляндской науке теории происхождения рун, к которым О. В. Куусинен относился весьма критически. Волновал его и будущий доклад В. М. Жирмунского — его уже начали поругивать в печати (так называемый «большой Совет» ЛГУ и кампания расправы с «космополитами» была еще впереди, но уже начали ощущаться как бы некоторые «подземные толчки» — предвестники будущего землетрясения).

С В. М. Жирмунским О. В. Куусинен при моем посредничестве вступил в прямую переписку. Захотел он встретиться и с Д. В. Бубрихом. Я известил об этом Дмитрия Владимировича, и встреча состоялась в один из его приездов в Москву. Они договорились, что Бубрих не станет каяться и отказываться в целом от статьи 1933 г., но выберет один вопрос, по которому у него за прошедшее время действительно изменилось мнение. Речь шла об известном пассаже в сочинении М. Агриколы (XVI в.). В нем упоминались имена героев эпических песен. В 1933 г. Д. В. Бубрих считал этот факт одним из убедительных свидетельств западнофинского происхождения карельского эпоса. В 1949 г. он опубликовал в карельском журнале «На рубеже» (предшественник «Севера»), издававшемся на русском языке, популярную статью, которая называлась «Об одной моей грубой ошибке». Это был предварительный вариант доклада в сборнике материалов сессии под заглавием «К вопросу об этнической принадлежности рун „Калевалы“» (Петрозаводск, 1950. С. 142—151). На фоне травли мар-

ровцами это был достойный выход из ситуации, которая в те времена оценивалась как довольно сложная.

Вот, вероятно, и самое главное, что хранится в моей памяти. Я не был, к сожалению, ни учеником, ни близким другом Дмитрия Владимировича Бубриха и на более пространные воспоминания я, вероятно, не имею права. Но должен еще раз повторить: память о моем первом директоре как замечательном ученом, работавшем с изумляющей интенсивностью, прекрасном доброжелательном человеке для меня незабываема. Это был один из самых достойных людей, которых я встречал в своей, теперь уже довольно продолжительной жизни.

МОИ ВСТРЕЧИ С ПРОФЕССОРОМ Д. В. БУБРИХОМ

Впервые имя профессора Д. В. Бубриха я услышал в 1948 г. в Министерстве просвещения Марийской АССР, будучи выпускником Ронгинской средней школы.

В этом году по инициативе Дмитрия Владимировича Бубриха на восточном факультете Ленинградского университета было решено создать группу из представителей марийского народа. Пожелавших поехать на учебу в Ленинградский университет набралось 6 человек. Старшим этой группы был назначен я. При проходах министр просвещения З. Е. Яковлева, которая проявила очень большую заботу о нас, сказала: «Если возникнут какие-либо неурядицы с устройством, то постарайтесь найти профессора Д. В. Бубриха, он все уладит».

Никогда не бывавшие в больших городах деревенские мальчики и девочки впервые приехали в Ленинград — колыбель Великой Октябрьской революции. Одно посещение этого замечательного и знаменитого города подняло наш дух.

Нас с А. Е. Китиковым, ныне кандидатом филологических наук, старшим научным сотрудником Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, поместили вместо общежития в спортивном зале университета на Менделеевской линии вместе с другими абитуриентами.

Сдали вступительные экзамены, ждем решения приемной комиссии. И вот 28 августа списки принятых в университет были вывешены, но наших фамилий там не оказалось. Тогда я как старший группы пошел к председателю приемной комиссии и спросил: «Почему нас нет в списках, ведь мы идем вне конкурса?» Председатель меня огорошил: «Марийской группы в этом году не будет, так как вас осталось только трое, трое забрали документы обратно и уехали домой. Если желаете, то можете перейти на северное отделение». А я ему в ответ: «Зачем нам на северное отделение, когда у нас у самих не хватает кадров? Нет, не перейдем». Тут я вспомнил советы министра просвещения Марийской АССР и спросил про Д. В. Бубриха. Но мне сказали, что его в Ленинграде нет, находится на отдыхе. Надежды мои рухнули. Тогда я попросил вернуть мне мои документы.

На мое счастье в университете оказался представитель приемной комиссии Петрозаводского (тогда Карело-Финского) государственного университета, от которого я узнал, что в Петрозаводском

университете есть финно-угорское отделение. Представитель приемной комиссии спросил меня, знаю ли я какой-либо финно-угорский язык. Я ему ответил, что я мариец. «Тогда, — говорит он, — есть резон поступить на финно-угорское отделение». Таким образом я стал студентом финно-угорского отделения Петрозаводского университета.

В Петрозаводском университете я узнал, что кафедрой финно-угорских языков и здесь руководит Д. В. Бубрих. Радости моей не было предела. Вскоре встретился с ним самим: он читал нам лекции по «Введению в финно-угроведение». Это было бесподобно! Студенты так заслушивались, что частенько даже забывали вести конспекты лекций.

В 1949 г. все же была организована марийская группа в Ленинградском университете, в числе студентов которой был также Л. П. Грузов, ныне профессор Марийского государственного университета.

Прослышав об образовании марийской группы, я загорелся желанием перейти в Ленинградский университет и однажды на перемене обратился к Д. В. Бубриху с просьбой перевести меня к своим землякам в Ленинград, ведь я в Петрозаводске был единственным марийцем. Однако поддержки у Дмитрия Владимировича не получил. Он мне сказал: «Ты здесь в Петрозаводске овладевай финским языком, а вот потом мы тебя переведем в Ленинград». Я стал старательно изучать финский язык у В. Е. Злобиной, бывшей аспирантки Д. В. Бубриха, в то время преподавателя финского языка. Практическую помощь мне оказывал студент, позже известный финский поэт Тайсто Сумманен, с которым мы тогда даже составили финско-марийский словарь-минимум.

Недолго мне пришлось учиться у Д. В. Бубриха: 30 ноября 1949 г. во время чтения лекции студентам-марийцам Ленинградского университета он скончался. Это был страшный удар. Утрата была невозполнимой. Мы все плакали. Я даже попытался выразить свои переживания в следующих строках:

Сияньем золотых лучей и жаром огненного сплава,
Порвав «густое облако и разогнав туман»,
Звезда лингвистики уж тридцать лет сияла,
Сияла в Ленинграде, сияла у волжан.
Вчера как молния она сверкнула в зале,
В последний раз в студенческом кругу
Сверкнула, чувствуя прощанье, в Ленинграде,
Глядя с радостью на молодых среду.

Это было 1 декабря 1949 г. В то время в советском языкознании господствовало так называемое новое учение о языке академика Н. Я. Марра. Все, кто применял в своих исследованиях сравнительно-исторический метод, подвергались гонению. Мы знали, что Д. В. Бубрих компаративист. Однажды на занятиях мы спросили его, как он относится к учению Н. Я. Марра. Бубрих весьма мудро и корректно ответил: «Я, ребята, ученик А. А. Шахматова».

Но как мы были удивлены и обескуражены, когда прочитали статью одного из ярых поклонников учения Н. Я. Марра, в то

время преподавателя кафедры финно-угорских языков, В. И. Алатырева в Литературной газете под названием «На поводу у финских буржуазных ученых», в которой автор обвинял Д. В. Бубриха в отказе от «нового учения» Н. Я. Марра, в ссылках на исследования финских компаратистов по финно-угорским языкам. Однако уже через год справедливость все же восторжествовала: «новое учение о языке» было развенчано. Это была большая радость для нас.

Только под влиянием Д. В. Бубриха, который на занятиях по финно-угроведению заставлял меня сравнивать и находить общие элементы в марийском и финском языках, я увлекся сравнительным финно-угроведением и полюбил его. Впоследствии, уже в аспирантуре большую школу я прошел у академика Пауля Аристэ.

Дмитрий Владимирович был очень доброжелательным и простым в обращении человеком. С ним можно было общаться на равных любому студенту. Несмотря на свою очень большую занятость, он всегда находил время для беседы со студентами, умел увлекать за собой наиболее пытливых, многие из которых потом стали известными учеными. Только из марийцев под непосредственным его влиянием стали кандидатами и докторами наук 5 человек: профессор Н. Т. Пенгитов, доктор филологических наук В. М. Васильев, которого Дмитрий Владимирович назвал патриархом марийского языкознания, кандидат филологических наук М. Ф. Дружинина, профессор Л. П. Грузов и пишущий эти строки.

Мне вспоминается и то, как Бубрих увлеченно рассказывал о только что прочитанном новом исследовании по языкознанию. Он говорил, что в пути от Ленинграда до Петрозаводска в вагоне он обычно читает труды по лингвистике, и если труд богат новыми идеями, то читает с не меньшим интересом, чем детективный роман. «Читайте, ребята, больше и сами убедитесь в этом», — говорил он. Он был абсолютно прав. Мне пришлось убедиться в этом, когда, еще будучи студентом, я прочел почти все зарубежные исследования по марийскому языку, сдавая так называемое домашнее чтение по немецкому языку. До сих пор храню я эти переводы как память о Д. В. Бубрихе и Петрозаводском университете, открывших мне путь в науку.

Память о Человеке с большой буквы, об учителе, незаурядном ученом, первом советском финно-угроведе, положившем начало комплексному исследованию всех финно-угорских языков Советского Союза, подготовившем большую плеяду ученых-лингвистов из среды самих носителей этих языков, будет жить в сердцах финно-угорских народов.

Д. В. БУБРИХ И КАРЕЛИЯ

Впервые я услышал имя Д. В. Бубриха в 1927 г. в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена, куда в том же году я поступил учиться на отделение национальных меньшинств. Здесь готовили преподавателей родного языка и литературы, русского языка и литературы, а также истории в национальных школах. При отделении были финская, эстонская, латышская, польская, коми и удмуртская секции. Отделение было связано с филологическим и историческим факультетами института. Большинство лекций проводилось совместно с указанными факультетами или силами преподавательского состава, когда возникала необходимость вести отдельные предметы. По специальным предметам в секциях преподавали специалисты по языку, литературе, истории, экономике, географии и так далее указанных народностей.

Среди преподавателей филологического факультета института был проф. Д. Бубрих, который работал в институте еще до основания отделения национальных меньшинств и читал предметы по вопросам языкознания. Его лекций мы ждали и на нашем отделении. Он в то время, когда по расписанию должен начаться курс лекций, находился в научной командировке в Финляндии — это было в 1928 г. Видимо, авторитет профессора — именно профессора — на факультете был очень большой, ибо о нем много говорили. В нашем представлении наш будущий лектор был какой-то особенный, недоступный, осланистый, не простой человек, одним словом — профессор. Мы были приятно удивлены, когда в аудиторию вошел Д. В. Бубрих: довольно высокий, стройный мужчина с умным и красивым лицом, с высоким лбом и спокойными большими светлыми и, может быть, даже слегка суровыми глазами, с небольшими усами, сосредоточенный и скромный. Одет он был в светло-коричневый костюм с жилетом с слегка заметными светлыми продольными полосками, в белую рубашку с галстуком. Одним словом, одет он был красиво, даже элегантно. Но Дмитрий Владимирович совершенно не обращал внимания на свою модную одежду и даже не замечал, как он одет. Наши девушки определили, что он красивый, молодой, скромный профессор.

В зимнее время Дмитрий Владимирович ходил в коричневом зимнем пальто, в бобриковой шапке. Насколько я помню, шляпу он не носил в теплое время года, а ходил в кепке. Мне кажется,

что о своей внешней привлекательности Д. В. Бубрих так никогда и не узнал. Во всяком случае, не обращал на это внимания.

Дмитрий Владимирович читал свой курс или проводил занятия без внешнего эффекта и приемов ораторского искусства, спокойно, просто. Часто занятия проходили в форме собеседования, иногда с дискуссиями. Он не только преподавал, но и получал лингвистический материал от нас, студентов, носителей языка. Иногда он приносил текстовые и словарные записи, сделанные во время экспедиций, и учил работать над систематизацией материалов.

После занятий галстук у него мог висеть с правой или левой стороны, а костюм обильно запачкан мелом. Особенно это было заметно, когда он был одет в темный костюм. Из-под костюма иногда можно было видеть кончик веревки, которой вместо ремня были затянуты брюки. Но это случалось редко. Это не было связано с профессорской рассеянностью. Скорее всего, дома, чтобы долго не искать затерявшийся ремень, он затягивался тем, что попадало под руку, ибо дорожил временем. Дмитрий Владимирович был весьма работоспособный и, как уже упомянуто, сосредоточенный человек. Он постоянно размышлял: когда ходил по улице, в помещении, мог работать в любой обстановке. Он и сам говорил, что мог бы писать, читать, работать за двигающимся, даже летящим столом, лишь бы стол не уходил от него. Писал он удивительно быстро, легко зачеркивал целые абзацы, страницы и тут же снова все зачеркнутое переделывал. Мне приходилось наблюдать, как он начинал рабочий день: быстро вставал с постели, слегка приодевался и, если не находил сразу второй туфли, ходил и работал в одной до того времени, когда уходил на работу. За завтраком долго не сидел. Жена — Мария Федоровна — заботилась, чтобы все нужные материалы Дмитрий Владимирович брал с собой. В свободные от служебных обязанностей минуты, что случалось очень редко, он обязательно вместе со своей семьей в теплое время года ходил в ближайший парк отдыхать и всегда брал с собой работу. Устроившись на какой-нибудь скамейке, он работал до усталости, не обращая никакого внимания на суетолюку и гуляющих людей.

Дмитрий Владимирович был многосторонний, эрудированный человек не только в своей узкой области науки. Он обращался к археологии, этнографии и собственно истории. Он владел славянскими, основными европейскими, классическими (латынью, древнегреческим) и финно-угорскими языками. В своих исследованиях он обращался к африканским, северным и другим языкам. Диапазон его интересов был очень широк. Он всегда следил за всем, что происходило в науке. У него были и большие математические способности. Наверное, он мог бы стать и крупным математиком, но избрал лингвистику. Бубрих говорил, что если бы он мог начать жизнь сначала, то избрал бы себе только языковедение. Яфетическая теория, палеонтологический метод или, как потом называли, новое учение о языке Н. Я. Марра до студенческой аудитории нашего отделения в конце 20-х гг. не доходило. Наши преподаватели-языковеды на лекциях к яфетической теории не

обращались. Д. В. Бубрих в преподавании истории родственных языков пользовался сравнительно-историческим методом. Мы, студенты, только чувствовали какую-то глухую борьбу между учеными по основным методологическим вопросам в языкознании. Некоторые преподаватели в частных беседах весьма осторожно высказывали сомнения в марксистских позициях Д. В. Бубриха по вопросам языкознания. Но они, как мне сейчас кажется, имели самые смутные представления о сравнительно-историческом методе и о марксистском понимании языкознания.

В 1928 г. Н. Я. Марр совершил поездку в Карелию по изучению карельских диалектов. Здесь он работал неделю в Петрозаводском Доме крестьянина (гостинице). Корреспондентами были несколько красноармейцев Карельского егерского батальона, представителей отдельных наречий карельского языка. О своей поездке в Карелию Н. Я. Марр представил предварительный отчет под названием «Суоми-карельские и сомех-картские языки».¹ Он писал: «С коренными ныне народами Кавказа разошлись прасуоми и пракарелы, оба последние еще в обладании звуковой речью яфетической системы».² И далее: «Само собой понятно, что настоящей поездкой не может ограничиться надлежащая трактовка даже одной нашей лингвистической задачи о связях яфетического Кавказа с Финляндией. Между тем наша исследовательская работа пока ведется индивидуально, без единого сотрудника из специалистов по финским языкам, доселе не давшим себе труда ознакомиться хотя бы элементарно с яфетической теорией, подрывшей состоятельность основ всех прежних угро-финских исканий. Настоятельна потребность смены из соответственно подготовленных аспирантов».³

Здесь, конечно, недружелюбный намек и на известного уже тогда молодого профессора Д. В. Бубриха, яркого представителя сравнительно-исторического языкознания. Поездка Н. Я. Марра и высказанные им положения об яфетическом происхождении суоми и карельского языков прошли как среди студентов, так и в Карелии совершенно незамеченными. Забегая вперед, отметим, что в конце 40-х гг., когда сравнительно-историческое языкознание оказалось под самым тяжелым нажимом и объявлялось сторонниками так называемого «нового учения о языке» враждебным советскому языкознанию, некоторые нечестные и воинствующие марристы утверждали, что упомянутый выше отчет Н. Я. Марра (на четырех страницах) стоит больше десятков томов по сравнительно-историческому языкознанию.

В 1930 г. карельское руководство поручило Д. В. Бубриху организовать карельскую лингвистическую экспедицию. Ею были охвачены все основные районы с карельским населением. Это была первая экспедиция по изучению говоров. Бубрихом была разработана программа экспедиции. Со стороны карельских организаций была оказана всяческая поддержка в этой работе. Участниками экспедиции стали местные учителя и студенты национального отделения Ленинградского пединститута и Ленинградского университета, знающие карельский или финский языки. С участниками экспедиции

перед выходом в поле был проведен инструктаж по методике собирания материала и по самой лингвистике.

Во время экспедиции я, например, наблюдал, как ответственные работники из карельской национальной среды изучали финский язык. Для карел в то время финский язык предлагался в качестве родного. Во время своего отпуска приезжал отдыхать в свою родную карельскую деревню представитель людиковского наречия уроженец Мунозера председатель Лоухского райисполкома Ф. Тароев. С ним был в отпуске тогдашний зам. председателя Совнаркома Карелии Лесков. Отпуски они проводили на покосе местной сельскохозяйственной коммуны и косили косами-горбушами. Ф. Тароев ходил и на покос с финско-русским словарем, изучая финский язык. Кажется, он его никогда не усвоил. Людиковское наречие так далеко от финского языка, что для его усвоения нужно приложить много труда и времени.

Осенью 1938 г. в зале Совнаркома Карелии состоялся отчет Д. В. Бубриха о проделанной экспедицией работе. На заседании присутствовали руководящие работники республики. Вспоминанию, что заседание вел председатель правительства Э. А. Гюлинг.

Бубрих дал характеристику основных особенностей карельских диалектов, рассказал о количестве и характере материала (тексты, фонетика, морфология, лексика), дал предварительную классификацию основных карельских диалектов. Эти положения Д. В. Бубриха легли в основу современной классификации карельских наречий. Карельский язык, по его определению, подразделяется на наречия, диалекты, говоры, которые имеют сложную историю происхождения. По тогдашним представлениям в официальных кругах и в широких кругах общественности принято было считать, что карельские диалекты и говоры являются продолжением древнефинского языка и в них ярче всего сохраняются его черты.

Д. В. Бубрих работал в экспедиции в Олонецком районе среди ливвиков и людиков. Он рассказал о настроении народа в отношении языковой практики в Карелии. Ученый говорил, что к нему обращались на местах с вопросами, почему у карел нет своей письменности, в то время как многие ранее бесписьменные малые народности ее имеют. При этом Бубрих не возражал против введения финского языка в Карелии в качестве государственного языка. Можно было понять, что Д. В. Бубрих и сам обратился с предложением о создании карельской письменности к присутствующим на собрании руководящим работникам Карелии.

Этот вопрос в отчете Д. В. Бубриха вызвал довольно бурную реакцию присутствующих. Руководящие работники отнеслись к этому крайне неодобительно и осудили всякие разговоры о создании карельской письменности (хоть в какой-то мере). Но, как мне показалось, среди молчаливой части участников собрания некоторые почувственно отнеслись к выступлению Дмитрия Владимировича. С тех пор на ряд лет для Д. В. Бубриха дорога в Карелию была заказана, закрылись и двери финского государственного издательства в Карелии и его Ленинградского отделения. Бубриха стали рассматривать как сторонника буржуазного языкознания.

Литература

- ¹ *Март Н. Я.* Суоми-карельские и сомех-картские языки. Избранные работы. М.; Л., 1935. Т. V. С. 389—392.
- ² Там же. С. 389.
- ⁴ Там же. С. 391—392.

★

УЧАСТИЕ ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА БУБРИХА В КАРЕЛИЗАЦИИ

Дмитрий Владимирович Бубрих: как рано ушел он из жизни! Какие большие знания он унес с собою, и как нам, финно-угроведам, до сих пор не хватает его, его знаний, его руководства! Если бы он прожил до развенчания марризма, сколько бы он сделал! Ведь он вступил в пору своего самого активного и результативного времени. Из нижесказанного будет видно, как он старался помогать всем, кто нуждался в его помощи. Марр и марризм виноваты в его преждевременной смерти. Какие гонения от Марра и марристов пришлось перенести Дмитрию Владимировичу! Какие злые эпитеты на него навешивались, и самый «мягкий», пожалуй, был «буржуазный ученый». И все из-за того, что он не признавал за науку марровское четырехэлементное (сал, бер, ён, рош) новое учение о языке. Марровская и марристовская «критика» создали такие условия для Дмитрия Владимировича, что он бедствовал, голодал в буквальном смысле, в результате болел цингой, потерял все зубы, «потерял» свое сердце. И скончался он от сердечного приступа на лекции в университете.

Был 1931 год. На финно-угорское отделение Ленинградского университета приехали учиться марийцы, мордва, финны, карелы и русские. Финны и русские — только девушки, которые скоро отсыпались, до конца осталась одна финка. Через несколько лекций Д. В. Бубриха, общий для всех финно-угроведов, наша группа была разбита на специальность по отдельным языкам: марийскому, мордовскому, финскому и карельскому. По каждому языку был свой преподаватель. Я у Дмитрия Владимировича оказался один, и так продолжалось все время моего учения.

После первой лекции Д. В. Бубриха в перерыве мы вышли из аудитории на лестничную площадку. Вышел и профессор. Он подошел ко мне и спросил, не Беляков ли я. Я ответил утвердительно. Дмитрий Владимирович сказал, что знает Белякова Алексея Антоновича, немного знаком, беседовал с ним о работе по карелизации, создании письменности и обучению на карельском языке в школах. И поскольку карелы Тверской губернии уже начали работу по созданию карельской письменности, то он может оказать им в этом сложном деле помощь. Создание письменности и перевод школ на карельский язык — дело довольно сложное и трудное, а ведь под-

готовленных работников еще нет. Поэтому А. Беляков был очень рад предложенной помощи.

Действительно, зачинатели этого крупного дела — создания письменности и перевода школ на обучение на карельском языке — не были подготовлены, учились в ходе самой работы, но теоретические знания были недостаточны. Забегая вперед, надо сказать, что Дмитрий Владимирович очень активно взялся помогать работе по созданию карельской письменности, о чем далее и будет рассказано.

Тут же на лестничной площадке он сказал мне, что поскольку я уже в какой-то мере вошел в эту работу, сколько-то причастен к ней, и он тоже будет участвовать в работе по созданию карельской письменности, то многое следовало бы делать вместе. Я, конечно, не только был согласен с ним, но был очень рад, что профессор так по-товарищески разговаривает со мною и приглашает к совместной работе, которой я еще и не знал, но представлял, какая это будет работа. Он дал мне свой домашний адрес и просил сегодня же в 8 часов вечера прийти к нему на квартиру, если мне позволяет время. Я обещал.

Из обещания я вышел немного раньше назначенного времени. Знакомился с дорогой, нашел Лахтинскую улицу, на которой он жил, указанный дом, походил немного по улице, а без пяти минут восемь позвонил в квартиру. Открыл дверь Дмитрий Владимирович. Познакомил меня со своей женой Марией Федоровной, а маленькая дочь Вера спряталась под стол. Сидели мы с Дмитрием Владимировичем в крайней маленькой комнате, где и проходила наша работа. Там у левой стены стоял стол. Я сидел в конце стола, Дмитрий Владимирович посредине. Работа началась. Но сперва познакомились более основательно.

Если говорить о нашей совместной работе, то я только слушал и соглашался, а говорил Бубрих. Вначале выявляли состав фонем в языке, вообще весь звуковой состав, особенно гласных, выявляли грамматические категории, соответствующую лексику. Лексике уделяли больше внимания, а морфологические категории выявляли исподволь. Эта работа была вне университетского учебного курса. Курсовая программная работа в университете была в аудиториях по твердому расписанию. Там Дмитрий Владимирович читал мне теоретический курс карельского языка. Надо сказать, что я хоть и знал карельский язык практически как карел, умел и говорить, и читать по-карельски, даже переводил для издания художественную детскую литературу с русского языка на карельский, но теоретически языка я не знал. Я знал, скажем, падежи русского языка, но не знал их в карельском языке. И только Дмитрий Владимирович начал открывать мне эту «тайну». Однако и он не знал всю подноготную карельского языка. Например, ни я, ни он до последнего времени не представляли всех возможных образований наречий, поэтому он и считал, что мы работаем вместе. Я для него был хорошим «материалом», но не просто «куском сырой глины», а все-таки вполне сознательным помощником, видящим, на что надо обращать внимание, что извлекать из глубин языка. Все это Бубрих перерабатывал и выводил теоретические положения, которые он

передавал мне при совместных обсуждениях. На его лекциях в аудитории мы сидели за одним столом, вместе курили его папиросы «Ракета» (он очень много курил), он говорил, а я слушал и писал. Иногда он произносил «Дай-ка мне карандаш, я буду сам писать в твою тетрадь, это будет быстрее».

А карелизация шла. В Тверской области выходила газета на карельском языке, создавались учебники для школ, требовалось выработать единые правила правописания и т. д. Дмитрий Владимирович привлекался для многих этих работ. Там его считали теоретическим руководителем, к нему обращались с разными вопросами. И он никогда не отказывал в любом деле, приезжал по приглашению на совещания, конференции и т. п. Это происходило довольно часто.

В начале марта 1930 г. Московским отделом народного образования была созвана карельская конференция работников школ и культуры. На нее был приглашен и Дмитрий Владимирович. Во время работы конференции разрабатывался алфавит, который был составлен на основе латиницы с добавлением некоторых букв и диакритических знаков для отдельных букв.

30 марта 1930 г. Московским комитетом ВКП(б) и Московским областным исполкомом алфавит для карельской письменности был принят. А в апреле 1930 г. в газете «Правда» была напечатана заметка, что Наркомпрос РСФСР утвердил алфавит для карельских школ Московской области.

Из тверских карел (тогда Московская обл.) все участники, работающие по карелизации, считали Дмитрия Владимировича своим учителем и неизменно обращались к нему со всеми вопросами, если таковые возникали. Например, А. Беляков в марте 1930 г. выехал из Петрозаводска, где он находился в связи с вопросами введения карельского языка в школы Карельской республики, и по пути сделал остановку в Ленинграде, чтобы встретиться с Д. В. Бубрихом. Профессор принял его в своей квартире, подробно рассказал, что в Карелии карельский язык имеет наречия: людиковское, ливвиковское и собственно карельское; что речь паданских карел почти такая же, как и речь тверских. То, что речь ругозерских карел еще ближе к речи тверских карел и что она почти от нее не отличается, он тогда еще не знал. В беседе было сказано, что карелы республики вполне могут пользоваться письменным языком тверских карел, хотя диалекты в Карелии внесут большие сложности в общий письменный язык. Но они вполне преодолимы, если провести соответствующую работу по унификации письменности карельского языка.

В конце апреля 1930 г. в Москве состоялось заседание Президиума Совета национальностей. Обсуждался вопрос о введении карельской письменности в Карелии для карел республики. На этом заседании за создание карельской письменности в Карелии с обстоятельным докладом выступил член ВЦИКа Н. А. Скрыпник. Было вынесено решение: признать языковую политику в Карелии неправильной, поскольку школы были финские с преподаванием на финском языке и по финским учебникам, а это представляло весьма

серьезные трудности для учеников-карел, и было предложено в месячный срок представить план по карелизации школ в республике.

С этим решением Президиума Совета национальностей не был согласен секретарь обкома Ровио. Он поехал в Москву к Сталину просить отменить постановление Президиума Совета национальностей о введении в Карелии карельской письменности, мотивируя это тем, что в Карелии карельский язык имеет 4 диалекта, и письменный язык не может удовлетворить ни один из них. На что Сталин сказал, что это затея Скрыпника, и отменил решение Президиума Совета национальностей.¹

Дмитрий Владимирович Бубрих допускал возможность создания карельской письменности в Карелии. Он совершал экспедиции, приезжал в Карелию для изучения карельского языка, знал, что в карельском языке существуют диалектные различия, но считал, что создать письменный язык вполне возможно.

1 февраля 1932 г в г. Лихославле было организовано празднование годовщины выхода первого номера карельской газеты «За колхозы». 2 февраля была проведена конференция по вопросам карелизации. На празднование и конференцию, в работе которой принял активное участие, был приглашен и Дмитрий Владимирович Бубрих.

А в 1932 г. Дмитрий Владимирович прислал в карельское издательство письмо, в котором предлагал издательству Мособлисполкома заключить с ним договор на написание книги «Происхождение тверских карел». Договор был заключен, книга была написана и издана. Но где была распространена — неизвестно: она не попала в районы с карельским населением.

Изучение языков Д. В. Бубриху давалось очень легко. Он пользовался довольно простым методом: брал словарь изучаемого языка, перед сном читал 500 слов, утром повторял, но уже без словаря, и ошибки были исключительно редки. В один из летних отпусков он изучил папуасский язык — я был свидетелем этого. Дмитрий Владимирович говорил, что, слушая радиопередачу, он никогда не думает, на каком она языке, — на любом ему одинаково понятно.

В 1933 г. по просьбе карельского издательства и по договоренности Дмитрий Владимирович в соавторстве с А. Беляковым написали грамматику-учебник карельского языка для 3—4-х классов карельских школ. Этот учебник издавался еще два раза.

В 1935 г. карельское издательство попросило Д. В. Бубриха написать научную грамматику карельского языка. Он дал согласие подготовить ее на карельском языке. Это была большая по объему и содержанию работа. Рукопись переслали в карельское издательство. Там в редакции издательства ее рассмотрели, одобрили, перепечатали на машинке и отправили в Москву для утверждения в печать. Но в секторе печати Московского комитета ВКП(б) посоветовали пока воздержаться от издания. Рукопись осталась там и... «пропала».

¹ С Н. А. Скрыпником я не был знаком. Изложенные здесь факты взяты из воспоминаний А. А. Белякова, который работал со Скрыпником в Совете национальностей.

Летом 1936 г. в Петрозаводске проводилась конференция по вопросам карельского языка. На ней выступал Д. В. Бубрих. Он говорил о диалектных различиях в языке, о том, что хоть они и значительны, а литературный карельский язык создать можно. Бубрих был автором грамматики для литературного карельского языка, в которой использовал данные всех диалектов, чтобы грамматика смогла обслуживать все диалектные говоры.

На следующий день после окончания работы конференции Совет Министров предложил Д. В. Бубриху поехать на водопад Кивач. Он согласился. Подали машину. Дмитрий Владимирович пригласил поехать с ним меня и М. Хямяляйна. На Кивач мы отправились впервые. Нас восхищала дорога на Кивач — озера, на голых скалах вековые сосны, а когда приехали, то увидели изумительную картину. Тогда река не была еще перегороджена плотиной и текла в своем первоначальном виде. По ней шли бревна. Мы сидели на берегу и любовались на водопад, на его мощь, на бревна которые ныряли в воду, в омут, выскакивали из глубины стоймя, крутились в водовороте, перескакивали друг через друга. При нас одно нетолстое бревно в этом водовороте было переломлено пополам словно спичка. День был жаркий, солнечный, жара заставила подумать о купании. Пошли ниже водопада и накупались на славу. В город вернулись уже поздно. Спали мы все трое на сеновале, — у НИИКа была лошадь и сарай, а в сарае — свежее сено. На этом сене мы и спали. Не помню, почему это у нас получилось. Утром после сна умывались на улице. Я предлагаю Дмитрию Владимировичу мятную зубную пасту, а он смеется — у меня же ни одного зуба нет, что чистить?

Весной 1936 г. Калининский пединститут организовал для преподавателей многодневную экскурсию в Ленинград. Здесь А. Беляков встречался с проф. Д. В. Бубрихом, проще говоря, приходил к нему и впрямь заняться изучением вопроса о возможности создания единого литературного языка для карел Твери и Карельской республики. Он согласился изучить этот вопрос и сделать сообщение на объединенном заседании представителей тверских карел и карел Карельской республики. 3 мая 1937 г. в Ленинграде было созвано такое совещание. На нем обсуждался вопрос о едином литературном карельском языке. Д. В. Бубрих сделал доклад, в котором сообщил, что можно создать такой карельский литературный язык, который будет понятен для всех карел. Но практически к разрешению этого вопроса на совещании не приступили. Предполагалось впоследствии созвать более широкое совещание.

В 1937 г. Д. В. Бубрих составил программу по собиранию материала для составления диалектологического атласа карельского языка. Она была издана. В этом же году начался сбор материала по программе и продолжался в 1938 г., а затем и после войны.

По его поручению и указаниям по заполненным на местах программам нами (мною и Н. Анисимовым) на географические карты (специальных бланков не было) наносились по населенным пунктам знаки по шипящим и свистящим звукам, где что употребляется. По материалам этих карт Бубрих написал прекрасную работу — статью о свистящих и шипящих в карельском языке. В

ней ученый раскрыл происхождение шипящих и употребление свистящих и шипящих в разных диалектах и говорах.

Все заполненные программы находились в Ленинграде у него на квартире, но, к великому сожалению, смерть настигла его неожиданно, он не успел даже начать составление атласа. Программы из Ленинграда в Петрозаводск привезли лишь в 1951 г. Тогда же началось составление диалектологического атласа карельского языка, но уже без руководства Дмитрия Владимировича. На материалах программ Д. В. Бубрих предполагал составить диалектологический атлас с показом истории происхождения и развития карельского языка и его диалектов. Поскольку мы в этих вопросах были недостаточно компетентны, то в атласе показано лишь синхронное состояние карельского языка, его диалектов и говоров.

В начале января 1938 г. в Ленинграде при ЛИФЛИ было создано расширенное заседание по вопросам карелизации. На него были приглашены представители Наркомпроса Карельской республики и представители ОКроно Карельского национального округа. На этом заседании обсуждалось практическое решение вопроса о едином литературном языке для карел Тверских и Карельской республики.

В первый день заседания был заслушан доклад проф. Дмитрия Владимировича Бубриха «Об основных положениях единого литературного языка». На следующий день предполагалось обсудить этот вопрос. Участники заседания ждали Дмитрия Владимировича, но не дождались: ночью ученый был арестован. (Полностью реабилитированный, он вернулся лишь через 2 года. Был награжден орденами и избран членом-корреспондентом АН СССР.)

Заседание продолжили без Бубриха. Выбрали комиссию из представителей Карельской республики и карельского национального округа, которая должна была выработать основные положения единого карельского литературного языка. Комиссия выполнила эту работу, и проект положения о едином литературном языке был утвержден Наркомом просвещения Карельской республики и Карельского ОКроно. После этого проект был утвержден в Наркомпросе РСФСР тов. Тюркиным.

В феврале 1939 г. Карельский национальный округ был ликвидирован. Литература и учебники на карельском языке были изъяты и уничтожены.

В Карелии карелизация еще продолжалась до Отечественной войны, и Дмитрий Владимирович принимал в ней активное участие. Часто приезжал в Карелию, особенно после Отечественной войны, хотя уже карельской письменности не существовало, а изучение карельского языка осуществлялось лишь в секторе языка Карельского филиала АН СССР. О нашей совместной работе, о нем самом в одной статье всего не расскажешь. Но в деле создания карельской письменности он сделал очень много. Д. В. Бубрих помогал не только карелам, но и многим другим финно-угорским народам. Неоценима его работа и по подготовке национальных научных кадров по финно-угорским языкам. За большую помощь нам мы всемерно благодарны Дмитрию Владимировичу Бубриху и сохраним его имя в нашей памяти.

Д. Бублик. 1947 г.

**Д. Бубрих с братьями Николаем и Львом.
Д. Бубрих сидит в кресле.**

Д. Бубрих — студент. Петербург, 1910 г.

Д. Бубрих с группой студентов. Июнь 1948 г.

Д. Бубрих. 1946 г.

О МОЕМ УЧИТЕЛЕ

Имя Дмитрия Владимировича Бубриха уже принадлежит истории. Выдающийся ученый нашей страны, полиглот, эрудит, человек, совмещавший в себе качества великолепного организатора и педагога, — таким он запомнился нам, его ученикам. Мы, плеяда его аспирантов 40-х годов, имели счастье близко знать Дмитрия Владимировича не только как педагога и учителя, но и как человека большой души, доброты и долготерпения.

Д. В. Бубрих умер в 1949 г., не дожив совсем немного до освобождения лингвистической науки от сковывавших ее догм так называемого «нового учения о языке». Последние годы его жизни были, на мой взгляд, трагичными для ученого именно потому, что он пытался понять и принять то, что навязывалось ему свыше, официальными установками, которые шли не только от научных кругов.

Помню жесткие и ошеломляющие вопросы, заданные Бубриху на одном из последних заседаний в Петрозаводске: «С кем Вы, профессор?» Не случайно статья в «Литературной газете» называлась «На поводу у финских буржуазных ученых». А Дмитрий Владимирович считал и внушал нам, его ученикам, что лингвистика — это благородная и высокая наука, она может развиваться по-разному, иметь разные направления, но она не скована узкополитическими цепями, она свободна, как должен быть свободен и ее основной объект — язык человека.

Тем более печально было слышать (и даже читать) после смерти Дмитрия Владимировича слова о том, что Бубрих был марристом, что его взгляды противоречат современному пониманию ряда научных проблем...

На смену марровскому пришло так называемое «сталинское учение», которое оказалось не менее догматичным, в его свете перекраивались все науки, включая естественные. В учении академика Н. Я. Марра пересмотрены в духе сегодняшнего дня и приняты наукой некоторые принципиальные положения. Здесь лишь хочется подчеркнуть неквалифицированную критику взглядов профессора Д. В. Бубриха, его избивание в буквальном смысле слова. Уже сорок лет с нами нет Дмитрия Владимировича, а сколько полезного мог бы сделать этот энтузиаст науки, умерший на своем боевом посту — в кабинете Ленинградского университета после очередной лекции. Ему не было еще и шестидесяти лет...

Дмитрий Владимирович был связан с Карелией и в более ранние годы. Во время войны я слушала его лекции на историко-филологическом факультете Карело-Финского университета, эвакуированного в г. Сыктывкар. Профессор Бубрих прочел большое количество разных учебных курсов для студентов университета и Коми пединститута, вел семинарские занятия, руководил научной работой, писал монографии, статьи. Его деятельность была очень активной, несмотря на постоянную нужду, которая была спутницей всех в военное лихолетье. И сейчас перед глазами образ ученого, который стоит в очереди студенческой столовой с судком в руках для супа из зеленой капусты, думает, чем накормить семью, и в то же время что-то активно выписывает на карточки, читая, разбирает текст. Так Д. В. Бубрих готовил «Граматику коми литературного языка» — интересную, увлекательную книгу. И еще вспоминаю: на улице Советской в Сыктывкаре, у школы, где учился его сын Володя, стоит профессор с книгой, ждет сына. Семья Бубриха была удивительно незащищенной, а мальчика обижали в школе. Надо было помогать ему. Вспоминаются мне и слова, сказанные Дмитрием Владимировичем жене перед тем, как идти на последнюю лекцию: «Береги детей». Их судьба оказалась не из легких. Семьянин, хороший отец — разве это не качества, характеризующие личность?

Но вернемся к Бубриху-педагогу. Проф. Д. В. Бубрих читал в военные и послевоенные годы в нашем университете курсы по введению в языкознание, общему языкознанию, спецкурсы по славянской акцентологии, проблемам истории языка и происхождению человеческой речи. Темам «Язык и речь», «Язык и мышление» он посвятил многие свои статьи, ряд работ прямо и косвенно касается данной ведущей проблемы. Дмитрий Владимирович говорил, что он воспринял интерес к широким обобщениям, а также к истории языка от своего учителя академика А. А. Шахматова, которого чрезвычайно уважал, много раз подчеркивал строгость его научных концепций, писал о том, что унаследовал интерес к связи истории языка и истории народа от своего учителя. Как-то (давно, в мои старые аспирантские годы) я работала над материалом в Ленинградском архиве и случайно наткнулась на интересные записки, показывающие тесные дружеские связи А. А. Шахматова и тогда еще совсем молодого Д. В. Бубриха. Высокая научная дружба всегда дает свои плоды. Бубрих стремился так же, как и его учитель, быть другом студентов. Он пытался увидеть, что же представляет собой студент. Мы знали, что у Бубриха трудно получить «двойку», как, впрочем, и «пятерку». Правда, иногда были и неудачи, то есть он отправлял студента или аспиранта еще почитать, подумать (был такой эпизод с одной из аспиранток в мои молодые годы, и как мы удивлялись тому, что она пришла на экзамен к профессору с таким минимумом знаний, что не получила требуемого зачета).

Духовная связь с учениками — продукт высокоэрудированного интеллигентного человека. Радостно было осознать, что ты удовлетворяешь в какой-то степени требованиям профессора. Мои на-

учные интересы оказались на грани двух лингвистик: русистики и финно-угроведения. Возник этот интерес не совсем случайно. На семинаре по вопросам развития речи и мышления мне был предложен доклад об изобразительной речи с привлечением материала как славянских языков, так и языков пермской группы. Все показалось мне очень интересным, и с того времени (я была студенткой третьего курса) мне одинаково увлекательно заниматься как русским языком, так и финно-угорскими. Защитив дипломную работу по кафедре русского языка, я поступила в аспирантуру к проф. Д. В. Бубриху по финно-угроведению. Сдавала экзамены кандидатского минимума по специальности в Ленинграде, в тогдашнем Институте языка и мышления. И только недавно я задумалась над тем, что же для меня были эти экзамены? Комиссия была очень строгой. Выше я отметила доброту, даже либеральность требований Д. В. Бубриха. Но это было не всегда. Для кандидатских экзаменов своих аспирантов Дмитрий Владимирович подбирал строгих ученых. Два экзамена я сдавала комиссии, председателем которой был академик И. И. Мещанинов, а членами — проф. С. Кацнельсон, проф. В. Аврорин, доц. О. Суник. Вопросы общего языкознания в то смутное для нашей лингвистики время решались сложно. И профессор Бубрих учил нас думать, не сползая на рельсы господствовавшего тогда вульгарного марксизма в языкознании. Я вспоминаю опять-таки то злополучное заседание, о котором писала выше, ведь там были сказаны слова Бубриха: «Я пытаюсь принять в целом понимание Марра сегодня, но не могу. Мне ближе учение И. И. Мещанинова». Проблемы, связывающие академика Ивана Ивановича Мещанинова и члена-корреспондента АН СССР проф. Д. В. Бубриха, потребовали бы специальной статьи, но уже то, что после многих лет критики идеи академика Мещанинова сейчас успешно развиваются многими нашими лингвистами и идут в русле мировой науки, говорит о том, что следует внимательно вчитаться в труды проф. Д. В. Бубриха. Отрадно видеть интерес к его жизни и деятельности в финно-угроведении последних лет. В годы господства «сталинского учения о языке» был в опале и Д. В. Бубрих. Его как-то случайно «забывали» или называли мельком в финно-угристике. Но в работах по общему языкознанию, особенно в последние годы, имя его появляется часто. В учебниках для студентов по общему языкознанию имя профессора Д. В. Бубриха всегда занимало и занимает почетное место среди имен наших ученых — организаторов науки. Ему принадлежит заслуга приобщения к большой культуре представителей многих народов финно-угорской группы. Его идеи помогали создавать национальные алфавиты, письменность. Я часто думаю о том, что случилось с нашими младописьменными языками? Почему многие из младописьменных языков оказались сейчас на грани вымирания? К сожалению, исконные пути развития языков отторгались. Это трагедия младописьменных языков финно-угорской группы, агглютинативный тип которых не воспринимал без смешных казусов особенностей флективного типа. И создались языки во многом искусственные, чрезмерно наполнен-

ные русицизмами. Этот итог — отражение той эпохи. Вины Бубриха в нынешнем положении языков нет. Он сам был жертвой репрессий 30-х годов. Его идеи дружбы народов и расцвета языков были чисты и свободны от шовинизма. Вспоминается, что часто с большим уважением приводились Д. В. Бубрихом на лекциях по вопросам происхождения языка и мышления материалы различных языков.

По духу Дмитрий Владимирович был настоящим интернационалистом, и этот дух уважения к различным нациям он воспитывал в своих учениках. Мы все: русские, карелы, финны, мордва, коми, марийцы, удмурты и представители других национальностей, — встречаясь на конференциях, собраниях, уважали и ценили друг друга, помогали кто чем мог.

Д. В. Бубрих до 1925 г. был в основном славистом, позднее стал финно-угроведом. Но я бы назвала его и теоретиком языкознания. К сожалению, не все его теории нашли отражение в печати, многое выходило с купюрами.

Д. В. Бубрих много сил и времени уделял подготовке кадров для Карелии: он возглавлял кафедру финно-угроведения Карело-Финского (ныне Петрозаводского) университета. Под его научным руководством находилась небольшая по численности, но активная по работоспособности группа студентов. Также он руководил аспирантами и докторантами. Работал научный студенческий кружок. Основное внимание аспирантов профессор Бубрих старался сосредоточить на вопросах диалектологии и грамматики финно-угорских языков. Диалектологию он всегда очень любил, организовывал экспедиционные поездки. Так, Виено Злобина работала над фонетикой ливвиковского наречия карельского языка и первой из наших аспирантов защитила кандидатскую диссертацию. Мои первые опыты приобщения к серьезной научной работе были также связаны с диалектологией. Мне была предоставлена возможность поехать в далекий край, на Печору, изучать верхнепечорский диалект коми языка. По результатам поездки было и мое первое выступление на научной конференции. Научные интересы профессора Бубриха — диалектология, история языка — были связаны с его интересом к связи языка и истории народа. В нашем университете он читал весь цикл исторических дисциплин, подробно разбирал на занятиях вопросы происхождения карельского языка в связи с историей народа. Много полезного и поучительного дала предложенная Дмитрием Владимировичем методика сбора диалектного материала. К нам в университет приезжали с докладами докторанты. Помню интересный доклад А. С. Сидорова по коми языку. Научная жизнь во времена Дмитрия Владимировича была чрезвычайно активной. Бубрих учил читать и понимать работы Ф. Энгельса, Л. Моргана, работы по истории языка А. А. Шахматова, работы Бодуэна де Куртэне, других выдающихся отечественных и зарубежных ученых. В те времена было модно критиковать труды зарубежных ученых, находить в них недочеты. Это был штамп времени, но все же Бубрих знакомил студентов и с работами финских и венгерских младограмматиков. Лучшие умы нашей стра-

ны отличались большой независимостью и смелостью взглядов, они всегда были верны науке, а лучшие люди страны ценили эти качества. Бубрих был удостоен высоких наград и почетных званий. Нам было приятно учиться в университете, хотя он и считался провинциальным у лучших столичных ученых: рядом с Бубрихом была Лидия Яковлевна Гинзбург, были Е. М. Мелетинский, В. Г. Базанов, профессор Павел Наумович Берков... В этом году (1990) наш университет отмечает свое 50-летие, и пусть некоторые из названных мною и многие неназванные крупные ученые были лекторами не очень долго, но те идеалы большой науки, которые несли с собой настоящие ученые, живут в делах университета и сегодня.

Дмитрий Владимирович Бубрих своей высокой интеллигентностью и глубокими знаниями снискал авторитет среди всех ученых нашей страны. Я вспоминаю дни прощания, траурные дни похорон Д. В. Бубриха. На гражданской панихиде было сказано много проникновенных слов. Но одна фраза, сказанная И. И. Толстым, запомнилась мне на всю жизнь: «Пусть каждый из нас отчитается перед собой: все ли мы сделали, чтобы спасти его?» И сейчас бы я добавила: «Все ли мы сделали, чтобы труды Д. В. Бубриха были достойно оценены и на них училась бы молодежь?»

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БУБРИХ (воспоминания)

Когда мне исполнилось 17 лет, я поехала учиться в Ленинградский государственный университет. Здесь на финно-угорском отделении осенью 1939 г. я прослушала первую научную лекцию о финно-угорских языках. Ее прочитал нам член-корреспондент Академии Наук СССР, профессор Д. В. Бубрих. Мы — студенты 1-го курса — очень любили Дмитрия Владимировича. Он был для нас не только крупнейшим знатоком финно-угорских языков, но и очень внимательным человеком, создавшим для студентов все условия для учебы.

В первые же дни пребывания в Ленинграде Дмитрий Владимирович пригласил нас к себе домой, познакомил со своей семьей (с женой Марией Федоровной, с дочерью Верой Дмитриевной, с сыном Владимиром Дмитриевичем).

В 1947 г. Дмитрий Владимирович организовал при ЛГУ первую значительную научную конференцию по вопросам финно-угорской филологии. На ней были представители всех финно-угорских народов. Коми-пермяцкий автономный округ представляла я. Мне предоставилась возможность выступить с докладом. Вообще Дмитрий Владимирович подготовил очень много докладчиков, и не только из своих учеников. Почти все они выступали в различных секциях.

Видя огромную работу организатора конференции, присутствующие между собой называли ее «финно-бубрской». И не случайно. Ведь сам организатор выступил чуть ли не с 8 докладами!

Организация и проведение конференции, разработка финно-угроведческих курсов истощили силы Дмитрия Владимировича. Однажды (это было в бывшем меньшиковском здании, где помещался восточный факультет ЛГУ) он впервые за время моей учебы сказал, что сегодня на этом он прервет лекцию, так как устал и плохо себя чувствует. А у него еще одна пара лекций на втором этаже! Затем Дмитрий Владимирович вышел и пошел в направлении деканата. Вскоре мы услышали, что Дмитрий Владимирович скончался. Я побежала в деканат и увидела его лежащим на диване. Подошла к нему: он был без признаков жизни.

Вскоре пришла Мария Федоровна. Решено было увезти Дмитрия Владимировича в Военно-морскую академию для вскрытия.

Затем состоялись похороны... Так финно-угроведы потеряли самого талантливого и самого нужного для них человека. С тех пор прошло много времени. Появились новые талантливые специалисты, а талант Д. В. Бубриха не меркнет.

ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ Д. В. БУБРИХА*

1914

1. Фонетические особенности говора с. Пустошей: (Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губернии) // Изв. ОРЯС. Т. 18, кн. 4. С. 305—346.

1915

2. Словинский вопрос в освещении д-ра Ф. Лоренца // Изв. ОРЯС. Т. 19, кн. 4. С. 174—185.

1922

3. Из праславянской фонетики. I. Монофтонгизация дифтонгов на носовой и перегласовка в праславянском языке. II. Монофтонгизация дифтонгов на гласный в праславянском языке // Изв. ОРЯС. Т. 24, кн. 1. С. 246—284.

4. О трудах А. А. Шахматова в области славянской акцентологии // Изв. ОРЯС. Т. 25. С. 198—207.

1924

5. Северно-Кашубская система ударения // Изв. ОРЯС. Т. 27. С. 1—194. Прил.: I. Праславянская акцентологическая система. С. 113—176; II. Праиндоевропейская система интонации слога. С. 177—194.

6. Die Akzentlehre von A. Belič // ZSPH. Philologie. Bd 1, Hf 1/2. S. 171—187.

1925

7. Beiträge zur Urslavischen Lautlehre. 1. Die relative Chronologie der Monophthongierung von Nasaldiphthongen im Urslavischen. 2. Der Umlaut im Urslavischen // ZSPH. Bd 2, Hf 1/2. S. 121—124.

8. Der Umlaut im Urslavischen // ZSPH. Bd 2, Hf 1/2. S. 123—124.

1926

9. О языковых следах финских тевтонов-чуди // ЯЛ. Т. 1, вып. 1—2. С. 53—92.

10. Du système d'accentuation en slavi commun // Revue des études slaves. Т. 6, fasc. 3/4. P. 175—215.

11. [Рецензия] // ZSPH. Bd 3, Hf 3/4. S. 478—484.

Lewy E. Betrachtung des russischen // ZSPH. Bd 2. S. 415—437.

* Статьи Д. В. Бубриха печатались в различных изданиях, в том числе иностранных. В настоящем издании не представлялось возможным дать полный перечень его трудов; в частности, не помещены его многочисленные газетные статьи, статьи в энциклопедиях, а также работы, отредактированные им. Труды, которые даны нами по библиографическим источникам, т. е. не просмотренные de visu, отмечены звездочкой. Список печатных работ составил Г. М. Керп.

1927

12. М. А. Кастрен — исследователь финно-угорских народностей // Памяти М. А. Кастрена: К 75-летию со дня смерти. Л. С. 57—64.
13. Краткий отчет о лингвистической поездке в Мордву // ДАН-В. № 10. С. 205—209.
- *14. Czy istniały wspólne słowiansko-baltyskie zmiany w dziedzinie akcentuacji? (Symbolae Gramm. in honorem joannis Rozwadowski). Cracoviae.
15. Nochmals über die Akzentlehre von A. Belič // ZSPH. Bd 4. S. 369—375.

1928

16. Инструкция к сборанию материалов по финско-карельским говорам // Тр. Краевед. комис. ЛОИКФУН. Вып. 2. С. 1—10.
17. К вопросу о хронологии мордвы // ЛОИКФУН. Отчет за 3-й год деятельности: 1/2 1927 — 1/2 1928. Л. С. 13—22.
18. О грамматическом числе в мордовском комитативе // ДАН-В. № 13. С. 281—282.
19. О мордовских образованиях типа kaonest 'они вдвоем' // Там же. С. 279—280.
20. О происхождении мордовских образований типа эр. poldaut, мокш. poldaf(t) // Там же. С. 277—278.
21. Праславянское грѣр, литовское gailka // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л. С. 49—52.
22. Финно-угорское языкознание в Германии и Финляндии // Науч. работник. № 5—6. С. 109—111.
23. Финно-угорское языкознание в СССР // Финно-угорский сб. Л. С. 77—129.

1929

24. К вопросу об уменьшительной суффиксации в финно-угорских языках // ИАН. Сер. 7: Отд. гуманитар. наук. № 2. С. 123—134.
25. К вопросу о пермском вокализме // Бюл. ЛОИКФУН. Вып. 4. С. 18—19.
26. К вопросу о русско-мордовских языковых соприкосновениях // Бюл. ЛОИКФУН. Вып. 1. С. 3—5.
27. К вопросу о чередованиях финского а (ä) в первом слове // ЯЛ. Т. 3. С. 232—240.
28. Необходим революционный почин // Просвещение национальностей. I. С. 73—74.
29. [Рецензия] // Бюл. ЛОИКФУН. Вып. 4. С. 27—28. Рец. на кн.: Евсевьев М. Е. Основы мордовской грамматики. Саранск, 1929.
30. Сравнительное изучение мордовского языка в СССР // Сб. ЛОИКФУН. 1. С. 161—177.
31. Ямь и Корела // Бюл. ЛОИКФУН. Вып. 2. С. 4—6.
32. Яфетическая теория и финно-угроведение // Там же. С. 13—14.
33. Rapports de la langue russe et des langues finnoises. Praha. [4] с. (I sjezd slovanských filologů v Praze, 1929; Sekce 2).

1930

34. Звуки и формы эрзянской речи: По говору с. Козловки. М. 66 с.
35. Несколько слов о потоке речи // Бюл. ЛОИКФУН. Вып. 5. С. 4—17.
36. Основные линии истории мордовских форм изъявительного наклонения в безобъектном и объектном рядах // Учен. зап. Ин-та этнич. и нац. культур народов Востока. Т. 1. С. 115—144.
37. [Рецензия] // Бюл. ЛОИКФУН. Вып. 5. С. 23. Рец. на кн.: 1) Кармазин Г. Г. Учебник марийского языка. Йошкар-Ола, 1923; 2) Рябов А. П. Эрзянь-рузонь валкске. М., 1930.

1931

38. Какой язык положить в основу просвещения тверских карел? // Революция национальности. № 2—3 (11—12). С. 132—136.
39. Какой язык тверским карелам? ЛОИКФУН. 8 с.
40. О взаимоотношениях русского и финских языков. V. Praze. 4 с. (Nákladem výboru I sjezdu slovanských filologu tiskem státní tiskárny v Praze).
Zvláštně otisk ze sborníku Práci.
41. Первичное и вторичное склонение и спряжение в мордовских языках // ЯЛ. Т. 6. С. 45—61, табл.
42. «Унификаторы» в мировом масштабе // Культура и письменность Востока. Кн. 10. С. 61—65.

1932

43. Карелы и карельский язык. М. 38 с.
44. Языковая проблема у карел // Революция и письменность. № 1—2 (11—12). С. 38—50.
45. Rapports de la langue russe et des langues finnoises // Sb. Práci I sjezdu slovanských filologu v Praze. V Praze. Sv. 2. P. 969—972.

1935

46. К вопросу о путях возникновения порядковых числительных // ЯМ. Т. 3—4. С. 111—120.
47. Эзя-мордовский язык и урало-алтаистические построения // СЯ. Т. 1. С. 69—92.

1936

48. О работе по мордовскому диалектологическому атласу // Революция и письменность. № 2. С. 98—102.
49. У истоков склонения: (Материалы к вопр. о происхождении склонения) // СЯ. Т. 2. С. 39—64.
50. Части речи в финно-угорских языках // Тез. к докл. на сессии Ленингр. НИИ языкознания 22—24 дек. 1936 г. Л. С. 7—10.
51. [Рецензия] // Язык и мышление. Т. 6—7. С. 301—304. Рец. на кн.: Karjalan kielen näytteitä. I—III/Julkaissut Eino Leskinen. НКІ, 1934—1936. (Suom. Kirjallisuuden Seuran Toimituksia; 193 osa).
- I. Tverin ja Novgorodin Karjalaa. S. XI—165. II. Aunuksen ja Raja-Karjalan murteita. S. XIV—145.
- Образцы карельского языка / Опубл. Эйно Лескинен. Гельсингфорс: Фин лит. о-во. I. Карельский язык Тверской и Новгородской губернии. С. XI—165. II. Олонеккие и пригранично-карельские говоры. С. XIV—145.
52. Karjalan kielen ucebnikka nacaļjnoiloilla skolbala varoin. 2 cuasti. M. 84 с.

1937

53. Грамматика карельского языка. Петрозаводск. 80 с.
54. Из истории мордовского вокализма: (По поводу одной статьи Р. Ravila) // СЯ. Т. 3. С. 61—91.
55. Программа по собиранию материалов для диалектологического атласа карельского языка. Петрозаводск: КНИИК. 187 с.

1938

56. Zur Frage nach der Herkunft der Pluralbildungen in den finnisch-ugrischen // Litteratum societas Esthonica 1838—1938. Liber saccularis. Opetatud Eesti seltsi Toimetused, 30. Tartu, lk. 103—110.

1941

57. Можно ли отождествлять мордву с андрофагами Геродота? // ЗМИИСК. № 3. С. 29—32.
58. Мордовская система фонем // Там же. № 2. С. 51—78.
59. Мордовское склонение // Там же. С. 79—102.
60. Мордовское спряжение // Там же. № 4. С. 3—53.
61. Soome-ugri keelte uurimine NSVL-s. // Eesti keel ja kirjandus. № 2. S. 84—89.

1944

62. Послелогои в финно-угорских языках: (Тез. докл.). Л. 2 с. В надзаг: Науч. сессия, посвящ. 125-летию ЛГУ.
63. Происхождение мышления и речи: (Тез. докл.). Л. 2 с. В надзаг: Науч. сессия, посвящ. 125-летию ЛГУ.

1945

64. Вокализм первого слога слова в пермских языках // Науч. сессия 1945 г. / (ЛГУ): Тез. докл. по секции востоковедения. Л. С. 33—35.
- *65. А. А. Шахматов и финно-угорские языки: Докл. на лингв. сессии Отд. истории и философии. 1945—1946.

1946

66. [Рецензия] // Вестн. АН СССР. № 4. С. 92—103. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.; Л.
67. К вопросу о происхождении спряжения: (Финно-угорские данные) // ИАН. ОЛЯ. Т. 5, вып. 1. С. 51—63.
68. К вопросу о сложении системы языков: (Финно-угорские данные) // Науч. сессия 1946 г. (ЛГУ): Тез. Докл. по секции востоковедения. Л. С. 5—8.
69. К вопросу о стадильности в строе глагольного предложения // ИАН. ОЛЯ. Т. 5, вып. 3. С. 205—212.
70. О названии анты и связанных с ним названиях // Там же. Т. 5, вып. 6. С. 478—483.
71. Отношение мордовских языков к другим финно-угорским // Зап. НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Морд. АССР. № 5. С. 23—49.
72. Послелогои в коми языке // Науч. бюл. ЛГУ. № 9. С. 28.
73. Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. 2-е изд. Петрозаводск. 173 с.
74. Происхождение мышления и речи // Науч. бюл. ЛГУ. № 7. С. 37—38.
75. Филологические науки. М. (На с. 8 указан сост. проф. Д. Бубрих).

1947

- *76. Абсолютивный, номинативный и эргативный строй глагольного предложения // Тезисы докладов: Науч. сессия, посвящ. 25-летию ИЯМ. М.; Л. С. 4—6.
77. Имена действия в мордовских языках // Науч. конф. по вопр. финно-угорской филологии: Тез. докл. Л. С. 63—64.
78. К вопросу об исторической последовательности фонетических сдвигов в ливвиковском наречии карельского языка // ИКФНИБ. № 1—2. С. 118—123. Рец. фин.
79. Краткий грамматический справочник венгерского языка // Хаас Э. С. Русско-венгерский словарь. М. С. 418—443.
80. Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточным славянством // Зап. НИИ при Совете Министров Морд. АССР. № 7. Яз. и лит. С. 3—10.
81. Население западной части Восточной Европы в последнем тысячелетии до н. э. // Науч. конф. по вопросам финно-угорской филологии: Тез. докл. Л. С. 88—90.

82. Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии: (23. 1—4. 11, 1947) // Вестн. ЛГУ. № 3. С. 173—178.
83. Некоторые лингвистические данные к вопросу о происхождении карельского народа // Науч. конф. по вопр. финно-угорской филологии: Тез. докл. Л. С. 38—39.
84. О возникновении подлежащно-сказуемого предложения // Вестн. ЛГУ. № 5. С. 77—87.
85. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск. 51 с., карт.
86. Происхождение подлежащно-сказуемого предложения // Юбил. науч. сессия, посвящ. 25-летию Ин-та языка и мышления АН СССР: Тез. докл. М.; Л. С. 10—12.
87. Происхождение карельского народа // Науч. конф. по вопр. финно-угорской филологии: Тез. докл. Л. С. 24—25.
88. Происхождение с-овых внутренне-местных падежей в западных группировках финно-угорских языков // Учен. зап. КФУ. Т. 1. С. 27—45. Рец. англ. яз.
89. 15 лет работы секции языка Научно-исследовательского института культуры КФССР // Материалы юбил. сессии учен. совета НИИ культуры Карело-Финской ССР. Петрозаводск. С. 62—73.
90. Советское финно-угорское языкознание // Науч. конф. по вопр. финно-угорской филологии: Тез. докл. Л. С. 9—11.
91. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР // Там же. Тез. докл. Л. С. 26—28.
92. Финские имена на-*lne* (-*lse*-) и их связи в других финно-угорских языках // Там же. С. 30—31.
93. А. А. Шахматов как финно-угровед // А. А. Шахматов (1864—1920). М.; Л. С. 435—455.
94. Эзя-мордовская грамматика-минимум. Саранск. 52 с.
95. Этнонимика Карелии и ее историческое значение // Науч. конф. по вопр. финно-угорской филологии: Тез. докл. Л. С. 101.

1948

96. Вопросы построения сравнительной грамматики системы языков // Науч. сессия 1948 г.: Тез. докл. по секции востоковедения. Л. С. 27—28.
97. Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках // ЯМ. Т. 2. М.; Л. С. 69—90.
98. Из этнонимики Карелии // СФУ. Л. Т. 1. С. 123—128. (Учен. зап. ЛГУ. № 105. Сер. востоковед. наук, вып. 2).
99. Изобразительная речь // 3-я науч. сессия КФУ 19—22 нояб. 1948 г.: Тез. докл. Петрозаводск. № 15. 2 с.
100. Имена действия в мордовских языках // Филол. докл. на конф. по вопр. финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 г. Саранск. С. 5—14. СФУ. Т. 2.
101. Историческая фонетика удмуртского языка. (Сравнительно с коми языком). Ижевск. 112 с.
102. Историческое существо финно-угорской системы языков // 3-я науч. сессия КФУ 19—22 нояб. 1948. Тез. докл. Петрозаводск. № 4. 2 с.
103. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск. 232 с.
104. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // ИКФНИБ. © 3. С. 42—50.
105. К вопросу об отношениях между самодскими и финно-угорскими языками // ИАН. ОЛЯ. Т. 7, вып. 6. С. 511—517.
106. Коми-русский словарь. Сост. чл.-корр. Д. В. Бубрих и др. / Ред. коллегия: А. И. Подорова и др. Сыктывкар. 236 с. (АН СССР. Н.-и. база в Коми АССР. Сер. лингв. Вып. 1).
107. Краткая грамматика коми слова // Коми-русский словарь. Сыктывкар. С. 231—296.
108. О двух этнических элементах в составе карельского народа // СФУ. Л. Т. 1. С. 114—122. (Учен. зап. ЛГУ. № 105. Сер. востоковед. наук. Вып. 2).
109. О происхождении финского транслатива // Там же. С. 182—192.
110. О стадиях развития глагольного предложения, преимущественно по финно-угорским данным // Учен. зап. КФУ. Т. 2, вып. 1. Ист. и филол. науки. С. 125—154.

111. О финских случаях исторически неясного *ei* в непервых слогах слова // ИКФНИБ. № 2. С. 81—84. Рец. фин.
112. Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах // СФУ. Л. Т. 1. С. 129—159. (Учен. зап. ЛГУ. № 105. Сер. востоковед. наук. Вып. 2).
113. Совесткое финно-угорское языкознание // Там же. С. 24—32.
114. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР // Там же. С. 47—80.
115. 30 лет советского финно-угорского языкознания // Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск. С. 134—142.

1949

116. Грамматика литературного коми языка // СФУ. Л. Т. 14. 206 с.
117. К вопросу о звукопереходе *ti si* в финском языке // СФУ. Петрозаводск. 5. С. 123—131.
118. К проблеме изобразительной речи // Учен. зап. КФУ. 1948. Т. 3, вып. 1. Ист. и филол. науки. С. 85—94.
119. Об одной моей грубой ошибке // На рубеже. № 1. С. 121—122.
120. Об одном обманчивом «историческом» документе // Там же. № 2. С. 92—94.
121. О древней прибалтийско-финской речи // ИКФНИБ. № 1. С. 47—56.
122. О моих статьях в «Советском финно-угроведении» // СФУ. Петрозаводск. № 5. С. 138—140.
123. О советском финно-угроведении // СЭ. № 2. С. 189—196.
124. Отношения между финским и карельским языками // Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР. Вып. 1. Петрозаводск. С. 91—99.
125. Происхождение имен *na-lnep* с основой *na -ise-* в прибалтийско-финских языках // СФУ. Петрозаводск. № 5. С. 4—32.
126. Советское финно-угроведение и развитие финно-угорских языков в Советском Союзе // Тезисы докладов: (Шестая науч. сессия ЛГУ). Л. С. 1—4.

1950

127. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы» // Тр. Юбил. науч. сессии, посвящ. 100-летию полн. издания «Калевалы». Петрозаводск. С. 142—151.
128. Не достаточно ли емских теорий? // Изв. Карело-фин. фил. АН СССР. № 2. С. 80—92.
129. О былом эрзянском ударении // Зап. НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Морд. АССР. 12: Яз. и лит. С. 83—87.

1953

130. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск. 272 с. Перечень трудов Д. В. Бубриха. С. 266—270.

1955

131. Историческая морфология финского языка. М.; Л. 187 с.

1958

132. Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков // Тр. КФАН СССР. Вып. 12: Прибалт.-фин. языкознание. С. 3—24.

1971

133. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалт.-фин. языкознание. Вып. 5: Вопр. взаимодействия прибалт.-фин. яз. с иносистемными яз. Л. С. 3—22.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Керт Г. М.</i> (Петрозаводск) <i>Д. В. Бубрих — основатель отечественного финно-угроведения</i>	5
<i>Дубровина Э. М.</i> (С.-Петербург) <i>Дмитрий Владимирович Бубрих как исследователь прибалтийско-финских языков</i>	17
<i>Цыганкин Д. В.</i> (Саранск) <i>Д. В. Бубрих и мордовское языкознание</i>	25
<i>Тараканов И. В.</i> (Ижевск) <i>Д. В. Бубрих как исследователь пермских языков</i>	35
<i>Терещенко Н. М.</i> (С.-Петербург) <i>Дмитрий Владимирович Бубрих о связях между самодийскими и финно-угорскими языками</i>	47
<i>Зайков П. М.</i> (Петрозаводск) <i>Д. В. Бубрих и Диалектологический атлас карельского языка</i>	54
<i>Мамонтова Н. Н.</i> (Петрозаводск) <i>О топонимических воззрениях Д. В. Бубриха</i>	62
<i>Колесов В. В.</i> (С.-Петербург) <i>Дмитрий Владимирович Бубрих — славист</i>	69
<i>Шаскольский И. П.</i> (С.-Петербург) <i>Д. В. Бубрих и его теория происхождения карельского народа</i>	78
<i>Герд А. С.</i> (С.-Петербург) <i>История прибалтийско-финских народов в трудах Д. В. Бубриха в свете проблем теории этногенеза</i>	82
<i>Чистов К. В.</i> (С.-Петербург) <i>Воспоминания о моем первом директоре</i>	89
<i>Галкин И. С.</i> (Йошкар-Ола) <i>Мои встречи с профессором Д. В. Бубрихом</i>	98
<i>Хямяляйнен М. М.</i> (Петрозаводск) <i>Д. В. Бубрих и Карелия</i>	101
<i>Беляков А. А.</i> (Петрозаводск) <i>Участие Дмитрия Владимировича Бубриха в карелизации</i>	106
<i>Суханов В. С.</i> (Петрозаводск) <i>О моем учителе</i>	116
<i>Кривошекова-Гантман А. С.</i> (Пермь) <i>Дмитрий Владимирович Бубрих (воспоминания)</i>	121
<i>Печатные работы Д. В. Бубриха</i>	122

«НАУКА»

С.-Петербургское отделение